

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ПРАВО

Tomsk State University Journal of Law

Научный журнал

2017

№25

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзором)

ПИ № ФС77-45814 от 8 июля 2011 г.

Журнал входит в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Уткин В.А. (главный редактор, председатель редколлегии) – доктор юридических наук, профессор, директор Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, заслуженный юрист РФ; **Азаров В.А.** – доктор юридических наук, профессор, завкафедрой уголовного процесса и криминалистики Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, заслуженный юрист Российской Федерации; **Лебедев В.М.** – доктор юридических наук, профессор, завкафедрой природоресурсного, земельного и экологического права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, заслуженный юрист Российской Федерации; **Працко Г.С.** – доктор юридических наук, доктор философских наук, зам. начальника по науке Ростовского юридического института МВД России; **Свиридов М.К.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, член-корреспондент СО Академии наук Высшей школы, действительный член Международной академии наук Высшей школы, действительный член Академии социальных наук; **Севрюгин В.Е.** – доктор юридических наук, профессор кафедры административного и финансового права Института государства и права Тюменского государственного университета, заслуженный юрист Российской Федерации; **Селиверстов В.И.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, заслуженный деятель науки Российской Федерации; **Треушников М.К.** – доктор юридических наук, профессор, завкафедрой гражданского процесса МГУ им. М.В. Ломоносова, заслуженный деятель науки Российской Федерации; **Шафиров В.М.** – доктор юридических наук, профессор, завкафедрой теории государства и права Юридического института Сибирского федерального университета, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Уткин В.А. (председатель редколлегии) – доктор юридических наук, профессор, директор Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, завкафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии, заслуженный юрист Российской Федерации; **Ольховик Н.В.** (зам. председателя редколлегии) – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, зам. директора Юридического института по научной работе Национального исследовательского Томского государственного университета; **Геймбух Н.Г.** (ответственный секретарь редколлегии) – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета; **Савицкая И.С.** – старший преподаватель кафедры английской филологии факультета иностранных языков Национального исследовательского Томского государственного университета

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОСТАВ РЕДКОЛЛЕГИИ

Андреева О.И. – доктор юридических наук, профессор, завкафедрой уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета; **Барнашов А.М.** – кандидат юридических наук, доцент, завкафедрой конституционного и международного права Национального исследовательского Томского государственного университета; **Дергач Н.С.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Национального исследовательского Томского государственного университета; **Елисеев С.А.** – доктор юридических наук, профессор, завкафедрой уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета; **Журавлев М.М.** – кандидат юридических наук, доктор философских наук, завкафедрой теории и истории государства и права, административного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета; **Манаикова Р.П.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета; **Осокина Г.Л.** – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского процесса Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Ширижик В.М. Правовые основы протектората Урянхайского края со стороны Российской империи в начале XX в.	5
Яковлева О.Н., Мальчук О.И. Правовые основы передачи пенитенциарной системы в ведение Министерства юстиции Российской империи в конце XIX в.	11

ПРОБЛЕМЫ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

Баранов А.М. Уголовный процесс России: закон и политика	33
Белокурова Т.И. Некоторые проблемы, возникающие в процессе исполнения отсрочки отбывания наказания по ст. 82 УК РФ, и пути их решения	41
Гармаев Ю.П. Составление процессуальных документов как элемент практико-ориентированного подхода в преподавании криминалистики и иных юридических дисциплин	47
Григорьев В.Н. О медицинских документах при изменении обвиняемому меры пресечения в связи с тяжелым заболеванием (детальная регламентация как препятствие злоупотреблению правом)	57
Грушин Ф.В. Религиозное состояние общества как фактор, определяющий развитие уголовно-исполнительной политики и уголовно-исполнительного законодательства	68
Деришев Ю.В., Козырев В.И. Критерии определения и факторы, влияющие на разумность срока досудебного уголовного производства	79
Емельянов Д.В. К вопросу о показаниях обвиняемого, полученных в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства уголовного дела	89
Миц Д.С., Андриянченко Е.Г. Актуальные вопросы формирования системы информационного противодействия терроризму и экстремизму на территории государств – членов ОДКБ	96
Попов С.Н. Практика реализации конституционного права на жилище лиц, оставшихся без попечения родителей: на примере Тюменской области	107
Рудич В.В. Реализация международно-правового стандарта обоснованности подозрения при избрании судом меры пресечения в виде заключения под стражу	113
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	121

CONTENTS

PROBLEMS OF LIGAL THEORY AND HISTORY

Shirizhik V.M. The legal basis of the protectorate Uriankhayskiy region from the Russian Empire in the early XX century.....	5
Yakovleva O.N., Malchuk O.I. The legal basis for transferring the penal system to the jurisdiction Ministry of Justice of the Russian Empire at the end of the XIX century	11

PROBLEMS OF THE PUBLIC LAW

Baranov A.M. Criminal trial in Russia: law and policy.....	33
Belyukova T.I. Some problems arising in the course of execution of a deferred sentence under article 82 of the Criminal Code of the Russian Federation and the ways for their solution	41
Garmaev Y.P. Preparation of procedural documents as an element practice-oriented approach in the teaching of criminology and other legal disciplines.....	47
Grigoriev V.N. About medical documents when changing a measure of restraint in connection with a serious illness of the defendant (a detailed regulation as prevention of the abuse of right).....	57
Grushin F.V. Religious condition of society as the factor defining the development of penal policy and penal legislation	68
Derishev Y.V., Kozyrev V.I. Criteria and factors for a reasonable term of pre-trial criminal proceedings.....	79
Yemelyanov D.V. To the question of testimony of the defendant during preliminary investigation and criminal proceedings.....	89
Mits D.S., Andryjanchenko E.G. Topical issues of formation of the system of informational counteraction to terrorism and extremism on the territory member states of the CSTO	96
Popov S.N. Practice of realization of the constitutional right to housing of persons without parental support: on the example of the Tyumen region.....	107
Rudich V.V. Implementation of the international legal standard of validity of suspicion when imposing a measure of restraint in the form of custody.....	113
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	121

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 340.0(09)

DOI: 10.17223/22253513/25/1

В.М. Ширижик

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОТЕКТОРАТА УРЯНХАЙСКОГО КРАЯ СО СТОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX В.

Статья посвящена исследованию протектората со стороны Российской империи в отношении Урянхайского края в начале XX в. Рассматривается политическая ситуация, которая сложилась на территории Центральной Азии в период Первой мировой войны, а также роль царя Николая II, который фактически определил судьбу тувинского народа на ближайшее десятилетие. Анализируются правовые основы образования Тувинской Народной Республики в 1921 г. с последующим вхождением ТНР в состав СССР в 1944 г.

Ключевые слова: протекторат, Тувинская Народная Республика, Российская империя, Урянхайский край, геополитика, нойоны.

Протекторат как институт межгосударственных отношений в истории государства и права, в международном праве со стороны исследователей вызывает до сих пор живой интерес. Это связано с тем, что многие историки, этнографы, правоведы и политологи понятие протектората ассоциируют с колонизацией государства, с порабощением народов и политической, экономической зависимостью одного государства со стороны другого. Фактически протекторатство воспринимается современным обществом как зависимость одного государства от другого и не более. Между тем протекторатство – это более сложное явление. Чтобы разобраться в общеполитической системе и характере отношений между государствами, рассмотрим протекторатство со стороны Российской империи в отношении Урянхайского края.

Протекторатство было в период правления О. Кромвеля (1653–1658 гг.), со стороны Англии в отношении Шотландии и Ирландии, со стороны Франции в отношении Туниса. Согласно правовому положению Великобритании Трансвааль мог заключать любые договоры при условии, что Великобритания имела право наложить вето, если такой договор идет вразрез интересам королевства, до войны 1899 г. В истории таких примеров протекторатства можно привести множество.

В Толковом словаре В.И. Кузнецова дается следующее определение протекторатства. Протекторат – одна из форм колонизации, при которой слабая страна, формально сохраняя свое государственное устройство и некоторую самостоятельность во внутренних делах, фактически подчинена другой, более сильной державе [1. С. 68].

При изучении протекторатства Российской империи в отношении Урянхайского края необходимо учитывать множество других факторов, которые не были исследованы ранее. А именно, в начале XX в. политическая ситуация на территории Центральной Азии была довольно сложной, все соседние государства Урянхайского края стремились взять под контроль землю, которую называют Тува, или Урянхайский край.

Так, Российская империя после строительства Транссибирской железнодорожной магистрали стремилась экономически развить регионы Сибири и Дальнего Востока. Царское правительство понимало, что Монголия находилась в составе Китая и не имела реальной возможности оказывать влияние на Россию по вопросу о протекторатстве Урянхайского края. Первая мировая война показала, что Россия, воевавшая на стороне Антанты, активно действовала на арене военных действий против кайзеровской Германии, стремилась ослабить в Центральной Азии Японию. В свою очередь Япония видела объектом своих стратегических интересов Монголию и стремилась прибрать к своим рукам Китай, Манчжурию, тем самым взять под контроль и Урянхайский край (Туву) [2. С. 6]. Китай не желал укрепления России через Туву.

В самом Урянхайском крае отсутствовала государственная власть, не было вооруженных сил, профессиональных чиновников. Тувинский народ находился в тяжелом материальном положении. Тува была поделена на многочисленные районы, которыми управляли нойоны¹, но они реальной власти над всей территорией Тувы не имели [3. С. 87]. Поэтому Урянхайский край находился в политической и экономической изоляции и не мог реально оказывать влияние на развитые соседние государства.

В 1911 г. в Китае вспыхнуло восстание китайских крестьян, оно со временем получило название «Синьхайская революция» со свержением маньчжурской династии и провозглашением Китайской республики. Данное событие способствовало тому, что Монголия получила суверенитет от Китая. При этом правительство Монголии сразу устремило свой взор к своему северному соседу, выдвинув идею о создании Великого Монгольского государства с присоединением Урянхайского края, части Алтая, Бурятии и Внешней Монголии. Эта идея связана с тем, что монгольские, тувинские, бурятские и алтайские народы имели общие исторические корни, кочевой образ жизни, единение культур, религии. Объединение алтайцев и бурят для правителей Монголии казалось призрачным. Понимая, что данные народы входят в состав Российской империи, присоединение Урянхайского края, как считали в Монголии, было реальным шагом.

Правительство Китая вообще считало Монголию и Урянхайский край частью своего государства и всячески оказывало влияние на тувинских нойонов с тем, чтобы тувинцы оказались под властью Китая. Отсутствие централизованной власти в Урянхае, ведение управленческих и судебных дел по китайским законам, спрос местного рынка на китайские товары давали возможность Китаю усилить свое влияние на тувинский народ. Однако феодально-чиновничья аристократия тувинского народа стремилась к независимости и сохранению своего этноса. При этом она осознавала, что необходимо создать

¹ Нойон – средневековый аристократический феодал в Монголии и в Туве.

государственность, чтобы объединить разрозненные районы, а сам тувинский народ должен войти под покровительство более сильного государства.

Тувинцы с симпатией относились к русским, учитывая, что они имели большой опыт общения с русскими староверами, которые пришли на территорию Урянхайского края еще в XVII в. [4. С. 26]. В данных исторических условиях встал вопрос: куда «повернет» Урянхайский край – на восток к Китаю или на запад к России.

Правительство Российской империи в условиях китайской революции и ослабления влияния Китая в отношении Урянхы не спешило прикрепить эту территорию, считая, что это осложнит отношения с азиатскими и европейскими государствами, которые открыто выступали в интересах Японии. Вместе с тем Совет Министров России считал, что Урянхайский край необходимо взять под свой контроль. По мнению военного министра В.А. Сухомлинова, «Тува необходимо рассматривать как оплот для защиты восточных рубежей Кругобайкальской железной дороги и русского населения, которые проживали в этом регионе». В.И. Дулов в своей книге «Социально-экономическая история Тувы (XIX – начала XX в.)» писал: «Отношения России и Японии в этот период определялись соглашениями 1907 и 1916 гг. о защите “подконтрольных” им территорий в Китае от проникновения США и других стран, а также договоренностями о сферах влияния на Дальнем Востоке с Японией и Англией (1910 г.). Включение в сферу влияния России (с согласия этих стран) Внешней Монголии, а тем самым и Тувы, благоприятствовало намерению царского правительства объявить протекторат над Тувой» [5. С. 34]. В журнале «Экономист» (1914. № 1) по поводу «урянхайского вопроса» написано: «О согласии нынешних, по счастью для России, бессильных правительств Монголии и Китая говорить не приходится, так как в данном случае положение России таково, что она может продиктовать свою волю при известной настойчивости и твердости» [2. С. 11].

Царь Николай II с учетом всех обстоятельств принимает решение Совета Министров от 8 ноября 1911 г. «...Оценивая наиболее целесообразные способы мирного укрепления за нами Урянхайского края, Совет Министров на первом плане ставит заселение означенного края русскими переселенцами (в 400 000 душ поселенцев). Именно этим путем могут быть созданы в рассматриваемом крае такие условия, которые впоследствии, при более благоприятной для нас политической обстановке, дадут нам поводы сделать китайскому правительству заявления о наличии там таких крупных русско-государственных интересов, которые побуждают нас принять долю участия в устройстве дальнейшей судьбы края».

В книге «История Тувы» вопрос о протекторате описывается следующим образом: «...российская сторона ограничилась односторонним царским указом об установлении над Тувой русского протектората, а формально-правовым основанием для его издания послужили прошения тувинских нойонов» [2. С. 11]. При этом К.А. Бичелдей в статье «Особенности исторического момента в Урянхайском крае между начертаниями Николая II «Согласен» и «Успешно» в 1914 году» правильно отмечал, что вопрос о протекторате со стороны Российской империи над Урянхайским краем является очень сложным, а именно: «15 февраля 1912 г. на съезде тувинских правителей и

крупных чиновников было принято обращение к русскому царю, в котором говорилось о решении объявить Урянхай самостоятельным и выражалась просьба к российскому государству “не отказать... в покровительстве”» [6. С. 68]. Рукописный фонд Тувинского института гуманитарных исследований (далее – РФ ТИГИ) и Государственный архив Республики Тыва [7, 8] доказывают, что со стороны знати Тувы и духовного лидера буддистов Тувы камбылама Ондара Чамзы было официальное обращение о протекторате Урянхайского края.

Правительство Российской империи, осознавая политическое значение протектората в отношении Урянхайского края, в обращении министра иностранных дел С.Д. Сазонова русскому царю в докладной записке отмечало, что протекторат России в отношении урянхов (жителей данного региона) позволит обезопасить границу, повлиять на ослабевший Китай и будет одним из способов давления на Японию; просило удовлетворить обращение тувинской знати о покровительстве Российской империи [6. С. 10]. 4 апреля 1914 г. произошло юридическое закрепление протектората в отношении Урянхайского края. Фактически протекторат стал действовать в октябре 1914 г. с прибытием в Урянхайский край статского советника Енисейской губернии В.Ю. Григорьева и образованием должности комиссара по делам Урянхайского края [2. С. 12].

С правовой точки зрения протекторат обязывал не вступать в межгосударственные отношения со стороны тувинских нойонов с официальными чиновниками соседних государств, а именно в отношении с Китаем и Монголией. Таким правом обладал только комиссар по делам Урянхайского края. Следующей обязанностью являлось рассмотрение споров между тувинской знатью.

При правовом анализе урянхайского протектората его нельзя считать колонией России, как это было с Индией со стороны Британской империи. В Урянхайском крае были сохранены все признаки самоуправления; нойоны имели реальную власть над своими вассалами; сами правители Урянхайского края просились войти под покровительство России.

В Конституции Тувинской Народной Республики в гл. VIII «Выборная система ТНР» ст. 60 отмечается: «Все граждане СССР, проживающие в ТНР, имеют право избирать и быть избранными на равных с гражданами ТНР основаниях» [9. С. 24]. В Сборнике законов и основных постановлений правительства ТНР в предисловии записано: «Пользуясь повседневной поддержкой и материальной помощью СССР и используя государственную власть для ликвидации эксплуататорских классов и социально-экономической реконструкции своей страны тувинский народ за два десятилетия совершил в своем историческом развитии такой огромный скачок, какого он не имел за весь предшествующий период своего существования» [10. С. 8]. Можно ли представить в современный период, чтобы граждане иностранного государства обладали правом голоса на территории другого государства? Таким способом граждане СССР могли оказывать влияние на политическую ситуацию в Туве. В настоящий период времени подобное явление невозможно представить. Но в указанный историко-правовой период данное явление имело место быть,

когда одно государство давало равные избирательные права гражданам другого государства.

Таким образом, протекторат со стороны Российской империи в отношении Урянхайского края имел свои особенности:

– Урянхайский край в начале XX в. не имел признаков государственности; общественные отношения регулировались путем использования законов другого государства, а именно Китая;

– тувинский народ, который проживал на территории Урянхайского края, а также местные феодалы (нойоны) осознавали, что для сохранения своего этноса необходимо было войти под покровительство Российской империи;

– протекторатство сохранилось в период образования Тувинской Народной Республики в 1921 г., что говорит о волеизъявлении всего тувинского народа быть вместе с РСФСР.

Если для одних государств протекторат воспринимается как политическая и экономическая изоляция, то на примере Урянхайского края можно сделать вывод о том, что протекторат способствовал экономическому росту, усилению власти местных феодалов и их независимости от китайских и монгольских правителей, способствовал образованию признаков государственности и созданию в 1921 г. Тувинской Народной Республики. Протекторат со стороны Российской империи для жителей Урянхайского края оказал позитивное влияние на развитие данной территории.

Литература

1. Толковый словарь В.И. Кузнецова. 3-е изд. М.: Прогресс, 2006. 235 с.
2. Урянхайский край, или Тува. История Тувы: в 3 т. Т. II / под общ. ред. В.А. Ламина. Новосибирск: Наука, 2007. 430 с.
3. Толковый словарь Ефремовой. М., 2012.
4. Бамбажай А.К. Россия и Тува: Проблема становления связей в конце XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1999.
5. Дулов В.И. Социально-экономическая история Тувы (XIX – начала XX в.). М., 1956. 382 с.
6. Бичелдей К.А. Особенности исторического момента в Урянхайском крае между начертаниями Николая II «Согласен» и «Успешно» в 1914 году // История Тувы. yandex. ru. tuva.azia. Электронный журнал. 23/7217. bicheldey.
7. Рукописный фонд ТИГИ. Д. 56. Л. 16. Подлинник.
8. Государственный архив Республики Тыва. Ф. 112. Оп. 1. Д. 10. Л. 1–2; Ф. 112. Оп. 1. Д. 10. Л. 5–6.
9. Конституция Тувинской Народной Республики. Кызыл: Тувин. гос. изд-во, 1944.
10. Сборник законов и основных постановлений правительства ТНР / под общ. ред. Х. Анчима и С.Т. Чимба. Кызыл, 1944. 456 с.

Shirizhik Vyacheslav M. Tuvan state University (Kyzyl, Russian Federation)

THE LEGAL BASIS OF THE PROTECTORATE URIANKHAYSKIY REGION FROM THE RUSSIAN EMPIRE IN THE EARLY XX CENTURY

Keywords: protectorate, Tuvan people's Republic, Russian Empire, Uriankhayskiy region, geopolitics, noyons.

Protectorate, as an institution of interstate relations in the history of state and law, in international law, on the part of research is still a keen interest, due to the fact that many historians, anthropologists, legal scholars and political scientists, the concept of protectorate associated with the colonization of

the state. With the subjugation of peoples and the political, economic dependence of one state by another. In fact, protectorate is perceived by modern society as a dependency of one state by another, and no more, although protectorate is a more complex phenomenon of our society, and to understand the overall political system and the nature of relations between States, we consider protectorate from the Russian Empire against Uriankhayskiy region.

In the study of protectorate the Russian Empire against Uriankhayskiy region must take into account many other factors that were not investigated earlier. Namely, in the beginning of XX century the political situation on the territory of Central Asia was quite difficult, all neighbouring States Uriankhayskiy region sought to take control of the land called Tuva or Uriankhayskiy edge. In Uriankhayskiy region, there was no state government, no armed forces, professional officials of the Tuvan people were in a difficult financial situation. Tuva was divided into numerous districts, which ruled the Northern lords (feudal lords), but they have real power over the entire territory of Tuva had. So Uriankhayskiy region was in political and economic isolation and could not really influence developed neighbouring States.

The government of the Russian Empire, realizing the political significance of the protectorate in relation to Uriankhayskiy region the Minister of foreign Affairs S. D. Sazonov to the Russian Tsar, the memo noted. The protectorate of Russia in regard to Urengov (inhabitants of the region) to allow to secure the border, affect the feeble, and China will be one of the means of pressure on Japan, was asked to meet the appeal of Tuvan nobles on the patronage of the Russian Empire and 04 April 1914, was a legal protectorate against Uriankhayskiy region.

Protectorate, part of the Russian Empire against Uriankhayskiy region had its own peculiarities: - Uriankhayskiy the edge at the beginning of the XX century were not signs of independence, social relations were regulated through the use of laws of another state, namely China. - Tuvan people, who lived in the territory Uriankhayskiy region, as well as the local feudal lords (noyons) realized that in order to preserve their ethnic group, it was necessary to seek protection from the Russian Empire; - protectorate preserved during the formation of the Tuvan people's Republic in 1921, which speaks of the will of the whole of the Tuvan people to be together with the RSFSR.

References

1. Kuznetsov, S.A. (ed.) (2006) *Tolkovyy slovar'* [Explanatory Dictionary]. 3rd ed. Moscow: Progress.
2. Lamin, V.A. (2007) *Uryankhayskiy kray ili Tuva. Istoriya Tuvy: v 3 t.* [Uryankhai Territory or Tuva. The history of Tuva: In 3 vols]. Vol. 2. Novosibirsk: Nauka.
3. Efremova, T.F. (ed.) (2012) *Sovremenniy tolkovyy slovar'* [Modern Explanatory Dictionary]. Moscow: [n.d.].
4. Bambazhay, A.K. (1999) *Rossiya i Tuva: Problema stanovleniya svyazey v kontse XIX – nachale XX v.* [Russia and Tuva: The problem of the formation of ties in the late 19th – early 20th centuries]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.
5. Dulov, V.I. (1956) *Sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya Tuvy (XIX – nachala XX v.)* [Social and economic history of Tuva (the 19th – early 20th centuries)]. Moscow: USSR AS.
6. Bicheldej, K.A. (2014) Osobennosti istoricheskogo momenta v Uryankhayskom krae mezhdue nachertaniyami Nikolaya II “Soglasen” i “Uspeshno” v 1914 godu [Specificity of historical moment in Uryankhai region between Russian Emperor Nikolay II's “Agree” and “Successful” in 1914]. *Novye issledovaniya Tuvy – The New Research of Tuva*. 3.
7. *The TIGI Manuscript Fund*. File 56. pp. 16.
8. *The State Archives of the Republic of Tuva*. Fund 112. List 1. File 10. pp. 1–2.
9. The Tuvan People's Republic. (1944) *Konstitutsiya Tuvinskoj Narodnoy Respubliki* [Constitution of the Tuvan People's Republic]. Kyzyl: Tuv. Gos. izd-vo.
10. Anchima, Kh. & Chimba, S.T. (eds) (1944) *Sbornik zakonov i osnovnykh postanovleniy pravitel'stva TNR* [Collection of laws and major decisions of the Government of the Tuvan People's Republic]. Kyzyl: Tuv. Gos. izd-vo.

УДК 93/94, 342.1

DOI: 10.17223/22253513/25/2

О.Н. Яковлева, О.И. Мальчук

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПЕРЕДАЧИ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ В ВЕДЕНИЕ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XIX В.

Одним из самых значимых событий в истории уголовно-исполнительной политики Российского государства в пореформенный период явилась передача системы мест заключения из ведения Министерства внутренних дел под юрисдикцию Министерства юстиции Российской империи. Следует отметить, что места заключения в России традиционно находились в ведении силовых ведомств – Министерства внутренних дел, Министерства полиции, тогда как Министерство юстиции имело мало отношения к управлению пенитенциарными учреждениями. В данном случае реформаторы исходили из западноевропейского опыта. Важнейшим условием передачи явилось то, что без изменений был сохранен общий принцип организации центрального управления пенитенциарной системой – статус, круг полномочий и принципы деятельности Главного тюремного управления. Главное тюремное управление функционировало в системе Министерства юстиции Российской империи на основе принципов, выработанных в результате тюремной реформы 1879 г.

Ключевые слова: Министерство юстиции Российской империи, Министерство внутренних дел Российской империи, тюремная реформа, Главное тюремное управление, пенитенциарная система.

Введение

В 2018 г. исполняется 20 лет с момента передачи уголовно-исполнительной системы в ведение Министерства юстиции РФ. В 1997 г. Указом Президента РФ от 8 октября № 1100 «О реформировании уголовно-исполнительной системы МВД РФ» было положено начало реформированию уголовно-исполнительной системы (далее – УИС), в том числе и передаче ее в ведение Министерства юстиции Российской Федерации. Решению о передаче УИС из Министерства внутренних дел РФ в Министерство юстиции РФ способствовало не только стремление власти соответствовать требованиям международной пенитенциарной практики, но и отечественный исторический опыт. Ведомственная принадлежность пенитенциарной системы менялась неоднократно: до 1895 г. – управление тюремной системой осуществляло Министерство внутренних дел Российской империи; в 1895–1922 гг. – Министерство юстиции Российской империи (Народный комиссариат юстиции РСФСР); в 1922–1953 гг. – Народный комиссариат внутренних дел РСФСР (Министерство внутренних дел СССР); в 1953–1954 гг. – Министерство юстиции СССР; в 1954–1998 гг. – Министерство внутренних дел СССР (Министерство внутренних дел РФ); с 1998 г. по настоящее время – Министерство юстиции Российской Федерации. Справедливо отдавая дань Министерству внутренних дел в становлении и развитии отечественной пенитенциарной системы, на законодательном уровне закреплено, что уголовно-исполнительная система Министерства юстиции Российской Федерации счи-

тается правопреемником уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Изменение ведомственной принадлежности пенитенциарных учреждений вызывало и вызывает много споров, вопросов, суждений и даже опасений со стороны не только ученых, специалистов, должностных лиц, но и широких слоев населения, по тем или иным причинам весьма заинтересованно относящихся к этому процессу. Процесс передачи пенитенциарной (уголовно-исполнительной) системы из одного ведомства в другое на различных исторических этапах предполагал решение множества самых разнообразных вопросов политического, экономического, правового, организационно-распорядительного и научного характера. Важно, что и в настоящее время высказываются мнения, что вопрос ведомственной принадлежности уголовно-исполнительной системы не является окончательно решенным, более того, предлагается выделить эту структуру в качестве самостоятельного ведомства. Цель настоящей работы – комплексно проанализировать причины и проблемы первой в истории России передачи пенитенциарной системы из Министерства внутренних дел Российской империи в ведение Министерства юстиции Российской империи, дать историко-правовую оценку этому событию.

Материалы и методы. Источниковедческие материалы, относящиеся к вопросу передачи пенитенциарной системы в Министерство юстиции Российской империи, многочисленны и разнообразны. Их можно подразделить на следующие группы: 1) архивные материалы; 2) материалы официально-документального делопроизводства; 3) монографические исследования; 4) дневники и воспоминания; 5) публицистика и ведомственная печать.

Базовую группу архивных источников для настоящего исследования составили материалы Фонда 122 ГА РФ «Главное тюремное управление». Наибольший интерес представляют документы описи III, содержащей материалы Комиссии о тюремном преобразовании. Хронологические рамки документов 1872–1895 гг. Особый интерес вызывает анализ деятельности различных межведомственных комиссий и особых совещаний при министерствах внутренних дел и юстиции, связанных главным образом с обсуждением различных законопроектов тюремного реформирования.

Основной по значимости для настоящего исследования является вторая группа – материалы официально-документального характера. Деятельность отдельных ведомств Российской империи (Министерство внутренних дел, Министерство юстиции, Министерство полиции, Третье отделение с.е.и.в.к., Главное тюремное управление) по управлению пенитенциарными учреждениями невозможно осмыслить и охарактеризовать без обращения к законодательным актам, основная масса которых включена в состав Полного собрания законов Российской империи и Свода законов, Собрания узаконений и распоряжений правительства.

Материалы официального делопроизводства (официально-документальные материалы): «всепопданнейшие доклады», законопроекты; правила; циркуляры; инструкции; статистические материалы – позволили проанализировать ход подготовки и проведения преобразований в пенитенциарной сфере. Также учитывались и категории документов, являющихся однородными с

административной перепиской, по содержанию непосредственно связанных с подготовкой закона (доклады, записки и замечания министров на законопроекты; журналы различных комитетов, совещаний). Они являются не только основным источником для изучения позиции участвовавших в нормотворчестве ведомств и обстановки, в которой происходила законодательная работа, но и вообще содержат подчас единственный в своем роде подбор сведений по исследуемому вопросу.

Ограниченность и излишнюю лаконичность официальных материалов восполняют документы неофициального характера (нарративные источники): дневники, письма, мемуары участников и очевидцев деятельности правительства (см.: *Сологуб В.А.* Воспоминания. М.; Л.: Academia, 1931).

Монографические источники. Историко-правовое обоснование причин решения власти о передаче пенитенциарной системы Российской империи в ведомство юстиции в разное время изучалось дореволюционными, советскими и российскими учеными. В этом отношении следует отметить работы следующих ученых-пенитенциаристов: М.Н. Галкина-Враского, П.А. Кашкарова, Н.Ф. Лучинского, Ф.Н. Малинина, С.В. Познышева, А.А. Пассека, А.П. Саломона, И.Я. Фойницкого. Труды обозначенных авторов положили начало развитию пенитенциарного права в России и явились основными теоретическими источниками тюремной реформы в конце XIX – начале XX в.

В советский период большинство исследователей (А.И. Зубков, Р.С. Мулукаев, Н.А. Стручков, Е.А. Скрипилев) в области истории государства и права и исправительно-трудового (уголовно-исполнительного) права уделяли внимание прежде всего самому процессу исполнения наказания, почти не затрагивая организационно-правовые вопросы управления местами заключения до октября 1917 г. При этом необходимо отметить, что советские исследования истории российских тюрем до октября 1917 г. составили весьма солидную научную базу, на основе которой успешно развилось целое историко-правовое направление – история органов, исполняющих наказание в виде лишения свободы (история уголовно-исполнительной системы России). Но в большинстве работ советского периода передача пенитенциарной системы в ведомство Министерства юстиции рассматривается фрагментарно.

Из советских и современных исследователей, которые ближе всего подошли к изучению вопросов управления пенитенциарными учреждениями в период до 1917 г., можно назвать М.Г. Деткова, Н.П. Ерошкина, Н.Н. Ефремову, А.П. Печникова. Особо следует выделить исследования, проведенные А.П. Печниковым, который, изучая становление организационно-правовых основ отечественной системы исполнения наказаний, проанализировал исторический опыт передачи пенитенциарной системы в ведомство Министерства юстиции Российской империи.

Из периодических изданий, освещающих деятельность Министерства юстиции в исследуемый период, можно назвать «Журнал Министерства юстиции», издававшийся с 1859 по 1869 г. и с мая 1894 г. по декабрь 1916 г. публиковавший законы, инструкции и циркуляры Министерства, сообщения об изменениях в личном составе чиновников, статьи по истории русских и иностранных судебных учреждений, а также статьи о судебных процессах, мате-

риалы судебной практики; «Тюремный вестник», издаваемый под эгидой Главного тюремного управления с 1893 г.

Методологическую основу работы характеризует применение общенаучных методов исследования: объективности, всесторонности, диалектики, единства логической и исторической системности, а также методов анализа и синтеза. Из специальных методов исследования в статье использованы: формально-юридический, историографический, компаративный (сравнительно-исторический, сравнительно-правовой), диахронный. Это позволило авторам освещать события в их последовательности и взаимообусловленности в строгом соответствии с реальной исторической обстановкой; выявить с позиции историко-правовой науки основные причины и тенденции в процессе принятия решения о смене ведомственной принадлежности пенитенциарной системы.

Первое в отечественной пенитенциарной системе решение власти о смене ее ведомственной принадлежности имеет свою историю, обусловленную обстоятельствами политического, юридического и научного характера и связанную с многочисленными проектами тюремного реформирования первой половины XIX в.

Концепцией пенитенциарной политики предусматривалось проведение всестороннего преобразования тюремной системы, и в первую очередь путем коренной реорганизации системы управления пенитенциарными учреждениями.

Вопрос о ведомственной принадлежности пенитенциарной системы не являлся основным, более важным и технически сложным представлялось решение задачи по сосредоточению всех направлений организации и деятельности пенитенциарных учреждений империи в одном органе, определении его статуса, а уж затем ведомственности. По мнению С.В. Познышева, «для установления единообразия в устройстве и режиме тюрем и для контроля за местными тюремными надзирателями необходимо централизовать тюремное управление» [1. С. 229–230]. Близкой по содержанию с мнением С.В. Познышева является позиция Н.С. Таганцева, согласно которой «без центрального управления заведование тюрьмами между многими ведомствами представляется невыгодным в экономическом и, в особенности, в пенитенциарном отношении» [2. С. 253]. В проектах о тюремном преобразовании эти проблемы решались различно.

18 августа 1862 г. по инициативе Второго отделения с.е.и.в.к. было подготовлено представление в Соединенные департаменты законов и гражданских дел Государственного совета о внесении изменений в систему уголовных и исправительных наказаний. В нем же обосновывалось предложение о необходимости сосредоточения управления всеми местами лишения свободы гражданского ведомства в Министерстве внутренних дел. Соединенные департаменты согласились с таким предложением [3. С. 119]. Министрам внутренних дел и юстиции предлагалось подготовить и внести на рассмотрение Государственного совета предложения о возможности использования в России зарубежного пенитенциарного опыта и немедленно заняться изучением вопросов по увеличению количества действовавших мест заключения и их надлежащему устройству.

В соответствии с этим к 1866 г. статским советником М.Н. Галкиным-Враским в департаменте исполнительной полиции была подготовлена «Записка об устройстве возможной у нас пенитенциарной системы». Ее рассмотрение состоялось в особом Комитете под председательством товарища министра юстиции, статс-секретаря графа Палена в составе директора департамента исполнительной полиции барона И.О. Велио, прокурора С.-Петербургской судебной палаты Н.О. Тизенгаузена, старшего чиновника Второго отделения с.е.и.в.к. Е.А. Перетца и начальника отделения Комитета министров, состоявшего при президенте Попечительного о тюрьмах общества М.Н. Галкина-Враского. По мнению члена комитета Палена, центральное управление тюрьмами следовало по-прежнему сосредоточить в департаменте исполнительной полиции Министерства внутренних дел. Однако старую структуру предполагалось модернизировать. Комитет рекомендовал ввести в департаменте должности чиновников, специально знакомых с тюремным делом. Им вменялось в обязанность производить частое обозрение тюрем, но при этом они были лишены права делать какие-либо распоряжения на местах. Они должны были только информировать министерство о замеченных недостатках.

В 1871–1872 гг. при Министерстве юстиции функционировала особая комиссия по пересмотру Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. под председательством обер-прокурора Правительствующего Сената Э. Фриша, которая внесла предложения по реорганизации каторги, ссылки, а также исправительных и смирительных домов.

19 мая 1873 г. по указу императора был образован особый Комитет под председательством члена Государственного совета тайного советника графа П.А. Зубова для окончательного обсуждения проекта о тюремном преобразовании подготовленного Комиссией под председательством практика тюремного дела тайного советника графа В.А. Сологуба, учрежденной из представителей ведомств, имевших отношение к тюремной системе: Министерства внутренних дел, Министерства юстиции и финансов, II и III Отделений с.е.и.в.к. Комиссия работала над составлением общего систематического проекта тюремной реформы. В ее обязанности входил анализ как современного для того времени состояния мест заключения, так и опыта предыдущих тюремных преобразований [4. Л. 15, 15 об.].

Особую тревогу у членов Комитета вызывала полная дезорганизация в управлении тюрьмами. Следует вспомнить, что заведование местами заключения в порядке государственного управления в этот период времени возлагалось на министерства внутренних дел и юстиции, а заведование наблюдательное и хозяйственное всех мест заключения политических преступников было предоставлено Третьему отделению с.е.и.в.к. Однако круг деятельности каждого из министерств в законе определен не был. Министерство юстиции не располагало специальными учреждениями для заведования тюремной частью, и влияние его на эту сферу ограничивалось лишь предоставлением чинам прокурорского надзора возможности наблюдать за исполнением указанного законом порядка содержания арестантов в местах заключения.

В Министерстве внутренних дел все материалы по тюремной части были сосредоточены в одном из отделений Департамента исполнительной полиции

и составляли лишь некоторую долю того обширного делопроизводства, которое возлагалось на данный департамент. Наблюдение за благоустройством в местах заключения и за исполнением всех постановлений закона о порядке содержания арестантов предоставлялось начальникам губерний, губернским правлениям и уездной полиции. Наконец, беспрепятственный вход в тюрьмы для осмотра положения содержащихся там арестантов имели штаб-офицеры корпуса жандармов, а если в тюрьмах размещались военные арестанты, то этим же правом пользовались и некоторые должностные лица военного ведомства.

Следовательно, первостепенная задача, которую необходимо было решать Комитету, – наладить централизованное управление тюремной системой государства [5. С. 112]. На заседании Комитета 27 июня 1873 г. был образован особый отдел под председательством члена Комитета, товарища министра внутренних дел Н.В. Шидловского для выработки предложений об устройстве тюремного управления. На повестку дня были вынесены вопросы учреждения при Министерстве внутренних дел особого управления для заведования тюремной частью; придания ему должности Главного управления или сравнения по правам и обязанностям с существовавшими департаментами; на каких началах должны быть устроены губернские тюремные учреждения по отношению к общей губернской администрации и центральному управлению; должны ли тюрьмы оставаться при Министерстве внутренних дел, под особым покровительством Его Императорского Величества и Попечительного общества о тюрьмах, не следует ли их всецело или частично передать в другое ведомство [4. Л. 56].

Большинством голосов Комитет решил, что «...передача тюремной части в другое ведомство в настоящее время не представляет особых поводов, а разделение заведования между разными ведомствами, в особенности при новом устройстве, нарушив единство управления, вредно отозвалось бы на успехе дела: ...сама специфика тюремного дела, в особенности при новом его устройстве, требует специальных трудов, и желательно, чтобы лица, которым будет поручено главное заведование этим делом, не отвлекались от него другими занятиями; поэтому представляется необходимым изъять тюремную часть из заведования департамента исполнительной полиции и учредить для нее особое управление – Главное тюремное управление» [4. Л. 56 об.].

Особого внимания заслуживает изучение заседания Комитета от 28 февраля 1874 г., в ходе которого было принято решение об образовании специального отдела Комитета под председательством товарища министра юстиции Эссена, которому было поручено разработать статьи проекта тюремного положения о передаче тюремной части в ведение Министерства юстиции, так как, по мнению членов Комитета, высказанных ранее, Министерство внутренних дел в настоящее время настолько обременено многообразными предметами ведомства, что всякое, по возможности, облегчение его в этом отношении является весьма желательным [4. Л. 55].

Итогом заседания стал проект статей учреждения тюремного управления. Согласно ему в составе центрального управления тюрьмами заведование тюремной частью гражданского ведомства возлагалось на Министерство юстиции (ст. 1). В составе данного министерства учреждалось Главное тюремное

управление, состоящее из начальника, его помощника, главных тюремных инспекторов и других чинов (ст. 2). К предметам ведомства Главного тюремного управления проект относил: а) заведование тюремными установлениями; б) разработку и предварительное обсуждение законодательных актов и соображений в устройстве тюремной части; в) определение тюремной политики; г) организацию устройства тюрем; д) составление инструкций; е) составление годовой сметы на содержание тюрем; ж) составление годовых отчетов и статистических ведомостей; з) решение всех вопросов тюремного управления (ст. 3). Дела, обозначенные в п. «б», «в», «д», «е» (ст. 3) подлежат предварительному обсуждению в совещательном присутствии, состоящем из помощника начальника Главного тюремного управления, главных тюремных инспекторов, архитектора и делопроизводителя под председательством начальника Главного тюремного управления, затем представляются на решение министра юстиции (ст. 4). Главные тюремные инспектора производят ревизию губернских тюремных управлений и тюрем с разрешения министра юстиции (ст. 6). При проведении ревизий главные тюремные инспектора, а равно и назначенные министром юстиции для ревизии лица делают губернским инспекторам и начальникам тюрем надлежащие указания, сообщая о таковых немедленно местному губернатору (ст. 7). Порядок делопроизводства в Главном тюремном управлении устанавливается инструкцией, утверждаемой министром юстиции (ст. 8).

Местное управление тюрьмами должно было осуществляться тюремными управлениями ведомства Министерства юстиции, состоявшими в каждой губернии в главном управлении губернатора по ведомству Министерства юстиции (ст. 9). Ближайшее заведование тюремными управлениями возлагается на губернского в каждой губернии тюремного инспектора заведующего тюремным отделением губернского правления, в котором сосредоточивается исключительно все делопроизводство по тюремной и арестантским частям в губернии и вся переписка губернатора по этим вопросам [4. Л. 48–49].

Комитет графа П.А. Зубова подверг рассмотрению и вопрос о порядке осуществления готовившегося тюремного преобразования. По этому вопросу комитет пришел к мнению, что «при введении в действие тюремного преобразования следует руководствоваться следующим общим правилом: немедленно приступить к устройству в тех местностях, где могут быть устроены каторжные работы – тюремных помещений для лиц, осужденных на каторгу. Затем составить сеть всех прочих вновь предполагаемых к постройке тюрем, причем прежде всего сооружать исправительные тюрьмы... и в то же время исправлять то, что представляется безусловно необходимым в существующих тюремных учреждениях». Эти предложения Комитета были внесены на рассмотрение Государственного совета, их рассмотрение состоялось в январе 1877 г. совместно с внесенным к этому времени представлением министра юстиции о лестнице наказаний.

28 февраля 1877 г. для окончательного рассмотрения вопроса о тюремном преобразовании разработки правовых основ реформирования тюремной системы в условиях централизации руководства при Государственном совете была учреждена Комиссия о тюремном преобразовании в империи, ее возглавил статс-секретарь тайный советник К.К. Грот. Изученный комиссией опыт

лег в основу тюремной реформы, юридическим основанием которой стал Закон от 11 декабря 1879 г. «Об основных положениях, имеющих служить руководством при преобразовании тюремной части и при пересмотре Уложения о наказаниях».

Комиссия отмечала, что «один из главных недостатков современного тюремного управления – это одновременное участие в заведовании тюрьмами нескольких ведомств, из которых каждое в известной степени входит в распоряжение и действия другого» [6. Л. 140]. Если этот порядок сохранится на будущее время, то ожидать в тюремном деле существенных улучшений не представится возможным. Мероприятия разрозненной центральной власти всегда будут медленны и нерешительны, и влияние ее на местные органы ничтожно. В своих заключениях комиссия опиралась на авторитет незадолго перед тем состоявшегося Международного тюремного конгресса в Стокгольме в 1876 г., постановившего, что «не только полезно, но даже необходимо учредить в каждом государстве центральное управление для руководства и наблюдения за всеми без изъятия местами заключения и всеми заведениями для несовершеннолетних преступников» [7. С. 322].

Во избежание указанных неудобств в будущем требовалось, чтобы заведование всеми органами тюремного управления было всецело сосредоточено в одном ведомстве. Приводя в пример опыт иностранных государств, комиссия полагала, что выбор в этом отношении может быть с одинаковым удобством сделан между министерствами юстиции и внутренних дел. Не придавая со своей стороны особого значения тому, при котором из названных министерств будет учреждено тюремное управление, комиссия тем не менее останавливалась на Министерстве внутренних дел, так как в его составе находился главный орган заведования всеми местами заключения.

Последствием указанной меры, по мнению комиссии, должно было явиться устранение Министерства юстиции от участия в тюремном управлении, но тем самым не нарушался общий порядок установившихся отношений, поскольку, во-первых, названное министерство не имело в своем распоряжении центрального органа для заведования тюрьмами, а во-вторых, вследствие судебного преобразования 1864 г. было призвано к исключительному наблюдению за правильным отправлением правосудия, и вопросы управления становились ему все более чуждыми. При таких условиях реформа должна была заключаться единственно в отмене уже утратившей свое значение ст. 16 Устава о содержащихся под стражей, предоставляющей Министерству юстиции не вполне определенное право совместного с Министерством внутренних дел заведования тюрьмами «в порядке управления государственного» [8. С. 20].

В качестве первоочередных мер Грот предлагал выделить из департамента исполнительной полиции наиболее квалифицированных специалистов в сфере тюремного управления, из которых и сформировать временное центральное тюремное управление. Возглавить его должен был человек, который впоследствии стал бы во главе всех мест лишения свободы. Вновь образованное управление, тесно контактируя с комиссией Грота, способствовало бы претворению в жизнь разрабатываемых положений тюремной реформы. Грот предложил обособить тюремное ведомство из состава Министерства внут-

ренных дел в самостоятельное и придать его начальнику права министра [8. С. 35].

Предложения Грота о создании обособленного тюремного ведомства и образовании центрального управления вызвало неоднозначную реакцию среди высших чиновников государства. Оно было поддержано министром юстиции Паленом и главноуправляющим Вторым отделением с.е.и.в.к. Урусовым, но встретило резкое противодействие со стороны министра внутренних дел Тимашева и шефа жандармов Мезенцева. В особом мнении на предложения Грота они заявили: «...преобразование центрального тюремного управления неудобно было бы предпринимать до утверждения в законодательном порядке главных начал тюремной реформы. Только с утверждением этих начал вполне определится круг задач тюремного управления и обозначатся необходимые изменения в устройстве как центральных, так и местных органов» [9. Л. 746].

Понимая бесперспективность выделения тюремного ведомства в самостоятельное образование, поскольку даже полиция в тот период времени не была организационно обособленной, члены комиссии при решении вопроса о подведомственности центрального тюремного управления высказались в пользу Министерства внутренних дел, тем более, что главный орган заведения тюрьмами там уже находился. Комиссия следующим образом сформулировала полномочия центрального тюремного управления: «В составе Министерства внутренних дел необходимо учредить... особый орган, предоставив ему... принятие необходимых мер к осуществлению тюремной реформы. Орган этот должен находиться под управлением лица, назначаемого Именным высочайшим указом, по представлению министра внутренних дел, и может быть наименован в соответствии с другими учреждениями, состоящими при Министерстве на особых правах... – «Главное тюремное управление», а лицо, заведующее им: «начальник Главного тюремного управления» [9. Л. 751].

Комиссия Грота пришла к заключению, что на первый раз следует ограничиться изданием в законодательном порядке «одних главных начал карательной системы и преобразованием центрального управления тюремной частью». «Находясь в постоянном соприкосновении с местными учреждениями, центральная власть, по мнению Комиссии, увидит, в чем нужно подкрепить их и усилить». Таким образом, труды Комиссии графа Зубова о новом тюремном устройстве не получили законодательного воплощения. Комиссией К.К. Грота были представлены в Соединенные департаменты Государственного совета только проекты основных начал карательной системы и образования в составе Министерства внутренних дел Главного тюремного управления [10. С. 293]. На заседании Государственного совета все предложения комиссии Грота были одобрены, результатом чего стало образование 27 февраля 1879 г. Главного тюремного управления, института инспекторов и Совета по делам тюремного управления.

Закон от 11 декабря 1879 г. «Об основных положениях, имеющих служить руководством при преобразовании тюремной части и при пересмотре Уложения о наказаниях» не содержал каких-либо конкретных указаний о сроках тюремной реформы и подчеркивал необходимость «постепенного устройства новых кара-

тельных учреждений и исправления существующих мест заключения», т.е. позволяя осуществлять намеченные мероприятия по модернизации системы мест заключения неопределенно долгое время. Это положение объяснялось недостатком средств и заранее обрекало тюремную реформу на длительный, затяжной процесс. Тем не менее некоторые положения закона имели позитивное значение, что позволило добиться в будущем значительных успехов в деле реорганизации мест заключения. Так, предполагалось изменить типологию тюрем и систему управления ими, а также усилить исправительно-воспитательную направленность в деятельности пенитенциарной системы в целом.

13 декабря 1895 г. Высочайшим указом Правительствующего Сената тюремная часть от Министерства внутренних дел была передана Министерству юстиции. По словам С.К. Гогеля, с этого момента тюремное дело стало родным для русских судебных деятелей благодаря Высочайшему указу от 13 декабря 1895 г., но и прежде оно было близко их сердцу, особенно со времени введения Судебных уставов 1864 г., воспитавших новое поколение юристов-криминалистов, шире, глубже и вдумчивее относящихся к задачам уголовного правосудия [11. С. 3].

Обращаясь к содержанию этого документа, представляется возможным назвать следующие причины передачи тюрем в ведение Министерства юстиции. Во-первых, отдавая дань Министерству внутренних дел в преобразовании центрального управления тюремной системой, способствовавшему упорядочению различных сторон ее деятельности, тем не менее отмечалось, «что предпринятое ранее преобразование (учреждение в 1879 г. Главного тюремного управления. – О.Я.) не может считаться завершенным», что фактически означало необходимость продолжения реформы, поскольку «...существовавшие условия содержания заключенных требовали во многом изменений, в том числе и в связи с осуществлявшимся общим пересмотром уголовных законов, с тем чтобы лишение свободы во всех его видах успешнее достигало поставленных задач – ограждение общества от порочных и опасных членов и нравственного исправления преступников».

Во-вторых, «для надлежащего с этой целью сближения тюремного дела в его законодательной постановке и практическом осуществлении с важнейшими интересами уголовного правосудия представляется благовременным объединить заведование местами заключения с управлением судебным».

В-третьих, отмечалось, что «ввиду крайней обширности и многообразия предметов ведения Министерства внутренних дел, признав за благо освободить его от управления тюремной частью и вверить попечение о ней министеру юстиции как главе судебного ведомства» [12. Ст. 1635].

Конечно же, не последнюю роль сыграла значительная загруженность Министерства внутренних дел непосредственно полицейскими делами. При этом необходимо отметить, что мысль о нецелесообразности смешивать полицейскую деятельность с уголовно-исполнительной вынашивалась правительством уже не одно десятилетие. Еще М.М. Сперанский обозначил всего четыре предмета, находящихся в ведении исполнительной полиции: 1) обнаружение законов «к общему исполнению принадлежащих»; 2) приведение их в исполнение; 3) обладание принудительной силой; 4) подчинение себе всех граждан, «яко обывателей известного места» [13. С. 132].

В 1826 г. в Министерство внутренних дел поступила записка неизвестного лица, которая вызвала определенный интерес властей. Автор констатировал, что полиция не справляется со своими обязанностями, потому что «приняла на себя весьма много дел и многим занимается напрасно и не по принадлежности». По мнению автора записки, все дела, которыми занимается полиция, можно классифицировать на пять групп, последняя из них как раз касается надзора за колодниками [14. Л. 1].

Оценка этого решения власти, данная в лице научной общественности, оказалась неоднозначной. А.Ф. Кони считал, что в его основе лежали интриги и личная заинтересованность министра юстиции Муравьева. Он писал: «Мерзавец Муравьев, вовремя ушедший в кусты, совершенно исказил Министерство юстиции, развратив его состав и присоединив к нему тюремное ведомство (для получения 6 тысяч добавочных и шашки на перевязи)...» [15. С. 92].

Неодобрительно отзывался об этом и М.Н. Гернет, саркастично замечая, что Министерство юстиции свою деятельность по руководству Главным тюремным управлением начало с указа о замене пуговиц на форменной одежде служащих тюремного ведомства.

Несмотря на мнения столь выдающихся представителей пенитенциарной науки и юридической практики о надуманности и в общем-то бесполезности переподчинения тюремной системы Министерству юстиции, по нашему мнению, этот шаг представлялся вполне рациональным и логически вытекающим из контекста тюремной реформы.

Прежде всего, теория уголовного права и тюремоведение XIX столетия уже исходили из классического понимания назначения наказания, в том числе лишением свободы, как исключительной сферы деятельности юстиции. Это положение нашло свое отражение и в тексте Указа от 13 декабря 1895 г.: «для надлежащего... сближения тюремного дела... с важнейшими интересами уголовного правосудия...». Мы разделяем точку зрения В.И. Алексеева, согласно которой передача тюрем в ведение Министерства юстиции с 1895 г. с теоретической точки зрения являлось шагом вперед в вопросе постановки тюремного дела вообще. Сфера применения наказания к преступнику связана с административным органом, а назначаемое наказание – с судом. Исследование ведущей функции пенитенциарного воздействия как элемента системы неизбежно связано с целенаправленным влиянием управления [16. С. 215].

Доводом в пользу выдвинутого предположения служит и тот факт, что еще в 1873 г. особый комитет Зубова обосновывал необходимость переподчинения Главного тюремного управления Министерству юстиции как одно из условий успешного реформирования тюремной системы. Недаром проект Комитета Зубова соединенными департаментами Государственного совета рассматривался в январе 1877 г. в одном пакете с предложениями Министерства юстиции об изменении лестницы наказаний.

В пользу сосредоточения управления тюрьмами в одном министерстве и именно в Министерстве юстиции высказывался и С.В. Познышев. Признавая необходимым объединить тюремное управление, поставив во главе его центральный орган – Главное тюремное управление, он не без основания полагал, что лучше всего и правильнее образовать такой орган в составе Министерства юстиции. «Тюремное дело в целом есть не что иное, как особый по-

рядок исполнения тех наказаний, которые играют в современном уголовном праве роль господствующих карательных мер. Его тесная связь с деятельностью судебных учреждений делает вполне естественным объединение тюремного ведомства с судебным в недрах одного министерства. Такое объединение отвечает и начинающему проявляться в современном праве общему стремлению сблизить суд с исполнением наказаний. С теоретической точки зрения также несомненно, что продолжающая еще существовать оторванность исполнения наказаний от суда – явление ненормальное, обреченное на постепенное исчезновение в будущем. Несомненно, желательно, чтобы высшее руководство исполнением наказаний принадлежало тому же министерству, в котором сосредоточены надзор за судебными установлениями и руководство, в указанных законом пределах, их деятельность» [1. С. 230]. Таким образом, С.В. Познышев научно обосновывал причины передачи пенитенциарной системы в ведомство Министерства юстиции.

Стремление сблизить суд с процессом исполнения наказаний, о котором высказывался С.В. Познышев, наиболее рельефно проявилось во Франции во второй половине XIX в. Практика нахождения французской пенитенциарной системы в ведении Министерства внутренних дел часто вызывала серьезную критику со стороны многих криминалистов, настаивавших на передаче пенитенциарной сферы в ведение Министерства юстиции (любопытно, что французская тюремная система успела побывать даже в ведении Министерства торговли по закону от 17 марта 1831 г., причины столь странного распределения компетенции отдельных ведомств остались невыясненными). За передачу тюрем в Министерство юстиции в 1875 г. высказались кассационный и большинство апелляционных судов Франции, когда к ним по этому поводу обратилось с запросом Национальное собрание. В поддержку этой реформы высказывались Главное тюремное общество и Главный совет по тюремным делам, а также министр юстиции Франции. Одним из горячих сторонников необходимости присоединения тюремного ведомства к Министерству юстиции являлся Н. Паско. По его убеждению, такая передача способствовала бы улучшению организации тюремного управления и, таким образом, является необходимым условием успешного отправления уголовного правосудия. Такое отправление возможно лишь тогда, когда в ведении Министерства юстиции будет сосредоточено как все то, что касается определения наказания, так и то, что относится к его исполнению. Здравый смысл требует, чтобы та власть, которая определяет наказание, следила также за его исполнением в течение всего того времени, пока осужденный его отбывает. Кроме этого, по мнению Н. Паско, в пользу такой передачи говорило еще одно важное обстоятельство, а именно многочисленность функций и чересчур обширная компетенция Министерства внутренних дел [17. С. 149–150], что фактически было сходно с ситуацией в Российской империи.

Весьма близким по содержанию с вышеизложенными мнениями является и мнение И.Я. Фойницкого, считавшего, что «связь тюремных учреждений с судебными гораздо ближе, чем с административными», отсюда следует, что «исправительные учреждения как органы исполнения судебных приговоров стоят ближе к той власти, делу которой непосредственно призваны служить, чем ко всякой другой» [18. С. 257].

Не отрицая в принципе возможность влияния субъективного фактора на процесс переподчинения тюремного ведомства Министерству юстиции, представляется маловероятным, что его первопричиной стало желание пусть даже такого влиятельного чиновника, как министр юстиции Н.В. Муравьев. Несколько запоздалое включение тюремного ведомства в состав Министерства юстиции связано, с одной стороны, с экстренным, вызванным чрезвычайными обстоятельствами порядком образования Главного тюремного управления, а с другой – опасением передать тюремную систему в момент непосредственного реформирования другому министерству, не имеющему опыта работы в этой сфере. Такой шаг в тот момент только бы осложнил и так с трудом реализуемую тюремную реформу. После выполнения основного объема работ по реформированию такое переподчинение было осуществлено. Однако даже после передачи тюрем из одного ведомства в другое полностью связь Министерства внутренних дел с тюремными учреждениями не прервалась, поскольку общность решаемых задач предполагала их довольно тесное и постоянное взаимодействие [19. С. 252–253].

По мнению А.П. Печникова, с которым нельзя не согласиться, перевод Главного тюремного управления из Министерства внутренних дел в Министерство юстиции имел и более глубокие причины политического характера, которые власти не афишировали по известным соображениям [20. С. 136]. К концу XIX в. в многоотраслевой деятельности Министерства внутренних дел наметилась четкая тенденция доминирования охранительной функции над другими внутригосударственными функциями, присущими данному органу. Курирование тюрем также можно отнести к охранительной деятельности, но в местах лишения свободы содержались преступники, которые уже не могли нанести вреда самодержавному режиму, во всяком случае в ближайшее время. Вместе с тем очень хлопотная деятельность по управлению тюремной системой действительно отнимала у Министерства внутренних дел немало сил и, что не менее важно, средств, которые можно было бы успешно направлять на борьбу с противниками монархии. Следовательно, среди множества причин смены юрисдикции на первый план выдвигается стремление царизма сделать из Министерства внутренних дел аппарат, направленный прежде всего на оперативное искоренение политической, а затем уже и уголовной преступности [20. С. 138].

Нельзя игнорировать и тот факт, что аналитическая работа по изучению и обобщению опыта функционирования отечественных тюремных учреждений шла параллельно с изучением теории и практики деятельности зарубежных пенитенциарных систем большинства европейских государств. В соответствии с утвержденным 18 августа 1862 г. мнением Государственного совета министерствам внутренних дел и юстиции предложено было выбрать конкретные пенитенциарные системы для определенных областей. В данном случае важно, что исследователями зарубежного опыта обращалось внимание не только на виды учреждений, исполняющие наказания, но и на органы управления ими.

Анализ деятельности зарубежных пенитенциарных систем показал, что ряд стран свои тюремные системы относил к юрисдикции Министерства внутренних дел (Англия, Ирландия, Шотландия, Франция, Италия), в других

государствах эта юрисдикция разделялась между Министерством внутренних дел и Министерством юстиции (Пруссия) и в ряде государств относилась к ведомству Министерства юстиции (Австрия, Нидерланды, Норвегия, Бельгия, Дания, Голландия) [21. С. 41–42].

Существовала еще одна модель управления, в соответствии с которой управление местами заключения принадлежало совершенно самостоятельному ведомству, уравненному в своих правах с прочими министерствами, примером являлась Швеция.

Разработчиков реформы в организационно-управленческом плане привлекала в большей степени именно шведская модель пенитенциарной системы. Высшим тюремным ведомством Швеции являлась генеральная тюремная администрация, состоявшая из генерал-директора тюрем и двух членов, заведующих канцелярией и хозяйством. В администрацию входили также врач, архитектор, отвечающий за состояние строений, и 13 чиновников. Управление тюрьмами осуществлялось на коллегиальной основе со стороны генеральной администрации, но голос генерал-директора являлся решающим. Генеральная дирекция входила в состав Министерства юстиции, но в административном плане представляла собой самостоятельное ведомство. Генерал-директор самостоятельно контролировал всю тюремную часть и являлся единственным ответственным лицом перед королем за ее состояние. В связи с этим генерал-директор или по его поручению начальники отделений посещали каждую тюрьму как минимум раз в год с целью проверки как содержания заключенных, так и качественного состава администрации. Министр юстиции фактически не вмешивался в дела тюремного управления, хотя центральное пенитенциарное ведомство было составной частью его министерства. У министра существовало только одно право в сфере тюремного управления – это доклад королю по делам тюремной части в Королевском совете. Даже вопросы назначения тюремных служащих и распоряжения ими полностью сосредоточивались на генерал-директоре без всякого участия со стороны министра. Таким образом, министр юстиции возглавлял центральное тюремное ведомство номинально, не вмешиваясь в его деятельность. Все вопросы, связанные с тюремной частью, решение которых не требовало особого официального доклада на совете, решались самостоятельно генерал-директором [8. С. 6–7].

По мнению И.Я. Фойницкого, «и с теоретической, и с практической точки зрения, последнее решение вопроса представлялось наиболее правильным: одними своими сторонами тюремные учреждения соприкасаются с Министерством внутренних дел, другими – с Министерством юстиции, так что внесение их в ведомство одного из этих министерств грозит опасностью пререканий и неудовлетворительностью разрешения задач, представляемых другим» [18. С. 257].

Сопоставление шведской структуры управления пенитенциарной системой с той, которая сложилась в России вследствие реформы 1879 г., подтверждает заимствование именно шведского опыта тюремного управления.

Переход мест заключения из Министерства внутренних дел в Министерство юстиции не был сиюминутным. Первоначально было признано нужным установить связь тюремной сферы с судебной лишь в лице министра юсти-

ции, которому вверялось высшее заведование тюремной частью и присваивалось звание президента Попечительного общества о тюрьмах. Что же касалось местного управления тюремными учреждениями и пересылки арестантов, то оно было сохранено «временно, впредь до пересмотра относящихся до этого предмета узаконений» [7. С. 323].

Кроме этого, 5 января 1896 г. состоялось циркулярное распоряжение по канцелярии министра внутренних дел, согласно которому местное заведование тюремной частью и пересылкой арестантов временно сохранялось на основании действующих узаконений. Губернаторам и начальникам областей разъяснялось, что «впредь до особого по сему предмету распоряжения тюремная деятельность на местах и установленный порядок отношений различных органов к местам заключения и управлению ими должны оставаться без всякой перемены».

Указом о передаче мест заключения министру юстиции поручалась разработка необходимых изменений в действовавших законах по тюремной части гражданского ведомства и арестантской пересыльной части, которые обусловливались состоявшейся реформой. Таким образом, первоначально перед Министерством юстиции ставилась задача пересмотреть действовавшую нормативную базу и только после этого осуществлять переход мест заключения из одного ведомства в другое. Но, с другой стороны, предстояло формирование стратегии и реализации пенитенциарной политики в новых исторических условиях.

Для выполнения первой задачи в том же году при Министерстве юстиции была образована особая Межведомственная комиссия для подготовки предложений об устройстве тюремной части в ведомстве Министерства юстиции. Возглавил работу комиссии сенатор Н.С. Таганцев. В ее состав были назначены: от Государственной канцелярии В.Н. Коковцев, от Министерства внутренних дел В.М. Глинка и исполняющий должность Тобольского губернатора (впоследствии начальник Главного тюремного управления) Н.М. Богданович, от Министерства финансов С.Ф. Вебер. Кроме этого, членами комиссии состояли: М.Н. Галкин-Враской, директора департаментов Министерства юстиции Н.Э. Шмеман и С.С. Манухин, от С.-Петербургской судебной палаты В.Ф. Дейтрих и В.Н. Кобыльский, члены Консультации при Министерстве юстиции Н.А. Воеводский и М.П. Домерщиков, вице-директор Первого департамента Министерства юстиции Н.Д. Чаплин, В.Я. Бахтияров, помощник начальника Главного тюремного управления С.Г. Коваленский и юрисконсульт Министерства юстиции Д.А. Дриль [9. Л. 2].

Председатель комиссии Н.С. Таганцев, открывая первое заседание комиссии 15 января 1896 г., сказал следующее: «До образования в составе Министерства внутренних дел Главного тюремного управления тюремная часть находилась в крайне неудовлетворительном состоянии, что удостоверено всеми работавшими над тюремным преобразованием комиссиями. В течение своего 15-летнего существования Главное тюремное управление сделало немало. С признательностью отмечая понесенные им труды и признавая достигнутые уже результаты, Министерство юстиции не только не имеет в виду отступить от начал, положенных Главным тюремным управлением в основу

его деятельности, но, пользуясь его опытом, будет неуклонно стремиться к скорейшему и полнейшему осуществлению тюремной реформы».

Таким образом, как считает Н.И. Петренко, в деятельности Главного тюремного управления, несмотря на передачу его в ведение Министерства юстиции, собственно нельзя было ожидать какого-либо крутого поворота в ином направлении, чем то, которое предназначалось ему до его учреждения и которого строго придерживался в течение 17 лет его первый начальник М.Н. Галкин-Враской. По этим же причинам статус Главного тюремного управления оставался практически неизменным до февральских событий 1917 г. [19. С. 252].

В конце 1896 г. комиссия завершила свои труды составлением проекта Временных правил «Об устройстве тюремной части в ведомстве Министерства юстиции», которые предполагалось ввести в действие с 1 июля 1898 г. Проект был рассмотрен в особом совещании под председательством министра юстиции и принят в основных положениях, затем дополнен в Главном тюремном управлении. Кроме этого, были выработаны штаты центрального и местного тюремного управления.

В проекте Временных правил комиссия обратила внимание на повышение статуса Главного тюремного управления в составе Министерства юстиции, формирование управленческих структур и разработку их функций. Предусматривалось, что начальник управления займет по должности пост товарища министра. Управление тюремной частью, по проекту комиссии, должно было сосредоточиться в особом коллегиальном учреждении, в состав которого входили бы представители суда и администрации. Но при этом комиссия находила необходимым выделить тюремное управление из губернского правления с устранением непосредственного руководства тюремной частью со стороны губернаторов и с сохранением института губернской тюремной инспекции в несколько измененном виде. В отношении собственно центрального управления комиссия не считала нужным вносить какие-либо коренные изменения. Низовое звено тюремной администрации во главе с начальниками тюрем и их помощниками, священниками, дьяконами и псаломщиками при местах заключения, врачами и фельдшерами составляло единую систему управления организацией исполнения уголовных наказаний. В низовом звене особое место занимала тюремная стража – старшие и младшие надзиратели, в обязанности которых входило обеспечение надзора за лицами, отбывающими наказания в виде тюремного заключения.

Примечательно, что из вышеописанной системы управления местами заключения выделялись отдельные места заключения, расположенные в Санкт-Петербурге, Царском Селе и Москве, соподчиненность и порядок регулирования деятельности которых отличались от общего правила: они находились в ведении Санкт-Петербургского и Московского губернаторов по принадлежности. Для наблюдения за местами заключения в этих городах учреждались особые наблюдательные комиссии в составе представителей, избираемых городскими думами, лиц прокурорского надзора, членов благотворительных тюремных комитетов, а также членов, назначаемых министром юстиции.

Одно из ключевых положений проекта – это установление центрального губернского управления, которое должен был возглавить начальник губернского

ского тюремного управления. Это означало, что в ведомстве Министерства юстиции лицо, заведовавшее тюремной частью в губернии, приобретало самостоятельное значение. Таким образом, комиссия, выделяя тюремное управление из губернского правления, шла по пути отстранения от руководства тюремными учреждениями губернаторов. Менялось и само название его должности: из инспектора, хотя и облеченного довольно значительной распорядительной властью, он становится начальником губернского тюремного управления [22. С. 254].

Однако стремление Министерства юстиции устроить управление тюремной системой на новых основаниях встретило серьезные препятствия; данный проект вызвал многочисленные замечания и возражения со стороны Министерства внутренних дел, а Министерство финансов категорически отказало Министерству юстиции в испрашиваемых материальных средствах на устройство тюрем, не взирая на то обстоятельство, что их размер не превышал расходов, которые неизбежно потребовались бы и Министерству внутренних дел при дальнейшем распространении института губернской тюремной инспекции, введенной с 1890 г. лишь в некоторых губерниях империи [23. С. 58].

Проектировалось, что финансирование деятельности тюремного ведомства и его центрального органа будет осуществляться из собственного бюджета, не входящего составной частью в бюджет Министерства юстиции. Последним планам не суждено было сбыться в полной мере, в частности, из-за усложнения внутривластной обстановки в стране (в связи с ухудшением положения российского крестьянства в результате крестьянской реформы 1861 г., русско-турецкой войны 1877–1878 гг., неурожая 1879–1880 гг., повлекших голод и мировой экономический кризис конца 70-х гг.).

Указ от 13 декабря 1895 г. фактически установил новый порядок предметов ведения между губернским правлением и губернским тюремным управлением. Из ведения установлений Министерства внутренних дел в Министерство юстиции предполагалось изъятие трех разрядов дел: по заведованию тюремными учреждениями гражданского ведомства; по заведованию пересылкой арестантов и по исполнению судебных приговоров о наказаниях лишением свободы. В связи с этим в обязанности начальника губернского тюремного управления в соответствии с проектом входило: 1) наблюдение за внутренним порядком в местах заключения гражданского ведомства; 2) наложение на арестантов, содержащихся в исправительных арестантских отделениях, за исключением арестантов отряда исправляющихся, усиленных мер взыскания. Начальнику губернского тюремного управления в подведомственной ему местности непосредственно подчинялись управления мест заключения и тюремной стражи. На начальника губернского тюремного управления возлагались распоряжения по передвижению арестантов и ссыльных, наблюдение за исполнением при передвижении их постановлений закона и составление списков на ссыльных и отправляемых в исправительные арестантские отделения [9. Л. 11–14].

Таким образом, совершенствуется центральное и местное тюремное управление: в нем более четко выстраивается горизонталь управления тюремной частью в губернии, в которой тюремный инспектор является связующим звеном между местами заключения и другими государственными и об-

ществленными организациями. Фактически был создан новый субъект управления в среднем звене управления тюремной системой.

Относительно обязанностей по делам о высылаемых на основании общественных приговоров о принятии и непринятии арестантов, оканчивающих сроки исполнительных наказаний, в среду их обществ, по мнению Главного тюремного управления, они не могли находиться в ведении губернского тюремного инспектора. Эти обязанности не могли быть перенесены на органы Министерства юстиции по местному самоуправлению тюремной частью – они составляли отрасль общей администрации в губернии.

А.П. Печников называет ряд причин сохранявшегося «двоевластия», в силу которого полиция долго опекала тюремные учреждения, которое, как оказалось, было типичным для ряда регионов империи. Все это создавало как объективного, так и субъективного характера зависимости тюремной части от Министерства внутренних дел в регионах империи. И лишь новые штаты тюрем с иным правовым статусом начальника тюрьмы, введенные в 1912 г., создали условия совершенствования управления исполнением наказания.

Министр юстиции, став во главе тюремного ведомства, автоматически получил звание президента Попечительного общества о тюрьмах. Однако непосредственное управление этой сферой, впрочем как и ранее, продолжали осуществлять Главное тюремное управление и Совет по тюремным делам. При этом необходимо отметить, что Совет по тюремным делам к этому времени фактически уже не действовал, поскольку был полностью заменен Главным тюремным управлением. Роль Совета была номинальной, все функции этого экспертно-совещательного органа взяло на себя управление, упразднив Совет фактически, но не юридически [20. С. 140].

Начальник Главного тюремного управления по-прежнему назначался именным высочайшим указом Правительствующему Сенату, но по представлению министра юстиции. Полномочия начальника Главного тюремного управления не изменились. Претерпели некоторые изменения штаты управления, и то не сразу. Лишь через восемь лет после передачи тюремной части из Министерства внутренних дел в Министерство юстиции начальнику Главного тюремного управления было позволено иметь двух помощников, вместо шести инспекторов их стало семь, кроме того, шесть старших и девять младших делопроизводителей, один архитектор, один заведующий статистической частью, один архивариус и два журналиста [24. С. 8–9].

Главное тюремное управление по-прежнему сохраняло свою самостоятельность в структуре Министерства юстиции так же, как и ранее в системе Министерства внутренних дел. Например, когда в Москве в 1896 г. проводился IV съезд представителей русских исправительных заведений, то Министерство юстиции и Главное тюремное управление официально представляли различные должностные лица [25. С. 106]. Деятельность Главного тюремного управления была настолько специфичной, что министр юстиции, как и министр внутренних дел, по-прежнему осуществлял власть по тюремному ведомству опосредованно, практически не вмешиваясь в суть пенитенциарных вопросов. Начальник Главного тюремного управления все еще оставался фактическим руководителем гражданскими местами заключения империи.

Но совсем отрицать влияние Министерства юстиции на Главное тюремное управление, являвшееся его составной частью, было бы неверным. В данном случае это означало бы отрицание роли общего руководства, которое, несомненно, накладывало определенный отпечаток на деятельность структурных подразделений пенитенциарной системы. В результате преобразования управления местами лишения свободы образовалась качественно новая модель тюремной системы, ее деятельность определенным образом перестраивается в соответствии с новыми условиями и новыми требованиями, становится динамичной с количественной стороны.

Безусловно, справедливо и мнение, что Министерство юстиции в определенной степени содействовало преобразованию Главного тюремного управления из полувоенной организации в штатскую. Во всяком случае именно в бытность Главного тюремного управления в составе Министерства юстиции были приняты попытки обратить внимание на проблему реализации прав личности в местах содержания под стражей и лишения свободы [26. С. 36].

Заключение

Таким образом, в период тюремной реформы 1879 г. были созданы необходимые организационно-правовые условия для формирования и функционирования отечественной пенитенциарной системы как отрасли государственного управления. Понимание необходимости централизации тюремного управления являлось общим для всех проектов тюремного реформирования, получившим свое воплощение в учреждении Главного тюремного управления. Основное назначение централизации управления в данном случае заключалось в том, чтобы реализовывать политику государства с целью сохранения господствующих общественных отношений, а с другой стороны, применяя методы пенитенциарного воздействия к арестантам, добиться эффективности исполнения наказания.

Главное тюремное управление становится самостоятельным органом власти, координирующим все уровни территориального и местного управления на достижение целей уголовного наказания. Переход тюремной системы под юрисдикцию Министерства юстиции должен был создать благоприятные условия для преодоления кризисного состояния тюремной системы. В лице министра юстиции объединялись два важнейших начала, необходимые для исполнения наказания в виде лишения свободы, гуманизации тюрьмы: проведение тюремной реформы и создание новой законодательной базы. Пенитенциарная политика по исполнению уголовных наказаний на новом этапе ее проведения становится более сбалансированной. Это проявляется в координации действий между различными правоохранительными органами: судом, прокуратурой, тюремной инспекцией, полицией, попечительными комитетами – в интересах правильного применения закона, а также создания условий для исполнения наказаний.

Литература

1. Познышев С.В. Очерки тюрьмоведения. 2-е изд., исправ. и доп. М.: Изд. Г.А. Лемана и Б.Д. Плетнева, 1915. 295 с.
2. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Т. 2. 2-е изд. Пг.: Гос. тип., 1915. 823 с.

3. О настоящем положении тюремного вопроса: Обзор тюремной действительности и предложения по ее преобразованию. СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1867. 167 с.
4. ГАРФ. Ф. 122. Оп. 6. Д. 55.
5. Коломенцев Д.В. Тюремная система России в 50–80-е годы XIX века и ее реформирование: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2004. 177 с.
6. ГАРФ. Ф. 122. Д. 176.
7. *Тюремный вестник*. Изд. Главного тюремного управления, Типо-литография С.-Петербургской тюрьмы. СПб. – Петроград, 1914. № 2.
8. Государственный совет. Комиссия о тюремном преобразовании. Материалы. СПб., 1886. 545 с.
9. РГИА. Ф. 1409. Оп. 6. Д. 89.
10. *Лучинский Н.Ф.* Краткий очерк деятельности Главного тюремного управления за первые XXXV лет его существования (1879–1914 гг.). СПб.: Изд. журнала «Тюремный вестник», 1914. 316 с.
11. *Гогель С.К.* Арестантский труд в русских и иностранных тюрьмах. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1897. 160 с.
12. *Собрание узаконений и распоряжений правительства*, издаваемое при Правительствующем Сенате [Издание официальное]. СПб., 1863–1917. 1895. № 1 (2 янв.) – 199 (29 дек.). Ст. 1635.
13. *Сперанский М.М.* План государственного преобразования (введение к Уложению государственных законов 1809 г.): с прил. М.: Типо-литография товарищества И.Н. Кушнерев и К. Пимен., 1905. 359 с.
14. ГАРФ. Ф. 109 с/а. Оп. 3. Д. 754.
15. *Детков М.Г.* Наказание в царской России. Система его исполнения / М-во внутр. дел Рос. Федерации. М.: Информ.-изд. агентство «Интерправо», 1994. 119 с.
16. *Алексеев В.И.* Пенитенциарная политика России во второй половине XIX – начале XX века. Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2008. 396 с.
17. *О передаче тюремного управления во Франции в ведение Министерства юстиции* // Журнал Министерства юстиции. СПб.: Сенатская тип., 1900. № 9. С. 149–150.
18. *Фойницкий И.Я.* На досуге: сб. юрид. ст. и исслед. с 1870 года. Т. II. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1900. 578 с.
19. *Петренко Н.И.* Становление и развитие уголовно-исполнительной системы России: дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2002. 517 с.
20. *Печников А.П.* Главное тюремное управление Российского государства, 1879 – октябрь 1917 г.: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. 415 с.
21. *Галкин М.Н.* Материалы к изучению тюремного вопроса. 2-е изд. СПб.: Тип. 2. Отд. с.е.и.в. канцелярии, 1868. 189 с.
22. *Алексеев В.И.* Тюремная реформа в России 1879 года. М.: Компания Спутник+, 2004. 554 с.
23. *Министерство юстиции* в первое десятилетие царствования императора Николая II. 1894–1904. СПб.: Сенат. тип., 1904. 89 с.
24. *Отчет* по Главному тюремному управлению за 1908 г. Приложение к Тюремному вестнику. Изд-е Главного тюремного управления, Типо-литография С.-Петербургской тюрьмы / Типо-литография Петроградской тюрьмы. СПб. – Петроград, 1910. № 2. 42 с.
25. *Тюремный вестник*. Изд. Главного тюремного управления, Типо-литография С.-Петербургской тюрьмы / Типо-литография Петроградской тюрьмы. СПб. – Петроград, 1896. № 2.
26. *Кашиба Ю., Небратенко Г.* За веру, царя и закон // Преступление и наказание. М., 2000. № 9.

Yakovleva Oksana N., Malchuk Olga I. Research Institute Federal Penitentiary Service (Moscow, Russian Federation)

THE LEGAL BASIS FOR TRANSFERRING THE PENAL SYSTEM TO THE JURISDICTION MINISTRY OF JUSTICE OF THE RUSSIAN EMPIRE AT THE END OF THE XIX CENTURY

Keywords: Ministry of Justice of the Russian Empire, Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire, prison reform, General Prison Administration, penitentiary system.

The item of this work is to analyze comprehensively the causes and problems of the first transfer of the penitentiary system from the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire to the jurisdiction of the Ministry of Justice of the Russian Empire, and to give an historical and legal assessment of this event.

The transfer of the system of places of detention from the Ministry of Internal Affairs to the jurisdiction of the Ministry of Justice of the Russian Empire has become one of the most significant and at the same time controversial events in the history of the criminal-executive policy of the Russian state. It should be noted that the places of detention in Russia have traditionally been the responsibility of the law enforcement agencies - the Ministry of Internal Affairs, the Ministry of Police, while the Ministry of Justice had little to do with the administration of penitentiary institutions. In this case, the reformers proceeded from the West European experience. Therefore, the fact of transfer of the Main Prison Administration to the Ministry of Justice was estimated by contemporaries ambiguously. On the contrary, representatives of penitentiary science, who studied the West European experience in the organization of penitentiary systems, Professor S.V. Poznyoshev, I.Ya. Foinitsky, N.S. Tagantsev advocated the transfer of the Chief Prison Administration to the Ministry of Justice of the Russian Empire, based on the position of establishing greater legitimacy in places of detention, less militarization of the process of enforcement of criminal penalties. The basic ideas underlying the legislative acts on the transfer of the penitentiary system to the Ministry of Justice were worked out by the Special Commission under the chairmanship of Senator N.S. Tagantseva. The most important condition for the transfer was that, without changes, the general principle of the central administration of the penitentiary system - the status, terms of reference and principles of the Main Prison Administration, was maintained. The main prison directorate functioned in the system of the Ministry of Justice of the Russian Empire on the basis of the principles developed as a result of the prison reform of 1879.

The transition of the prison system to the jurisdiction of the Ministry of Justice allowed creating favorable conditions for overcoming the crisis state of the prison system. In the person of the Minister of Justice, two important principles were combined, necessary for the execution of punishment in the form of deprivation of liberty, the humanization of the prison: the reform of the penitentiary system and the creation of a new legislative framework aimed at improving the execution of criminal sentences. Penal policy at a new stage of its implementation is becoming more balanced. This manifests itself in the coordination of actions between various law enforcement agencies: the court, the prosecutor's office, the prison inspectorate, the police, the trustees' committees in the interests of the correct application of regulatory legal acts, and the creation of conditions for the execution of penalties.

References

1. Poznyoshev, S.V. (1915) *Ocherki tyur'movedeniya* [Essays on Prison Studies]. 2nd ed. Moscow: Izd. G.A. Lemana i B.D. Pletneva.
2. Tagantsev, N.S. (1915) *Russkoe ugovnoe pravo* [Russian Criminal Law]. Vol. 2. 2nd ed. Petrograd: Gos. tip.
3. Russian Ministry of Home Affairs. (1867) *O nastoyashchem polozhenii tyuremnogo voprosa: Obzor tyuremnoy deystvitel'nosti i predlozheniya po ee preobrazovaniyu* [On the present situation of the prison: An overview of prisons and proposals for its transformation]. St. Petersburg: Tip. Ministerstva vnutrennikh del.
4. *The State Archives of the Russian Federation*. Fund 122. List 6. File 55.
5. Kolomentsev, D.V. (2004) *Tyuremnaya sistema Rossii v 50–80-e gody XIX veka i ee reformirovanie* [The prison system of Russia in the the 1850–80s and its reform]. History Cand. Diss. Voronezh.
6. *The State Archives of the Russian Federation*. Fund 122. File 176.
7. *Tyuremnyy vestnik*. (1914) 2.
8. The State Council. (n.d.) *Komissiya o tyuremnom preobrazovanii* [Commission on Prison Transformation]. St. Petersburg: [s.n.].
9. *The Russian State Historical Archives*. Fund 1409. List 6. File 89.
10. Luchinskiy, N.F. (1914) *Kratkiy ocherk deyatel'nosti Glavnogo tyuremnogo upravleniya za pervye XXXV let ego sushchestvovaniya (1879–1914 gg.)* [A brief outline of the activities of the Main Prison Administration in the first 35 years of its existence (1879–1914)]. St. Petersburg: Tyuremnyy vestnik.
11. Gogel, S.K. (1897) *Arestantskiy trud v russkikh i inostrannykh tyur'makh* [Prison labour in Russian and foreign prisons]. St. Petersburg: Tip. Pravitel'stvuyushchego Senata.

12. Russian Senate. (1895) *Sobranie zakonov i rasporyazheniy pravitel'stva, izdavaemoe pri Pravitel'stvuyushchem Senate. St. Petersburg, 1863–1917* [Collection of the Government Laws and Orders published under the Governing Senate. St. Petersburg, 1863–1917]. 1 (2nd January)–199 (29th December). Col. 1635.
13. Speranskiy, M.M. (1905) *Plan gosudarstvennogo preobrazovaniya (vvedenie k Ulozheniyu gosudarstvennykh zakonov 1809 g.)* [The plan of state transformation (introduction to the Code of State Laws of 1809)]. Moscow: Tipo-litografiya tovarishchestva I.N. Kushnerev i K. Pimen.
14. The State Archives of the Russian Federation. Fund 109 s/a. List 3. File 754.
15. Detkov, M.G. (1994) *Nakazanie v tsarskoy Rossii. Sistema ego ispolneniya* [Punishment in Tsarist Russia. The System of Its Execution]. Moscow: Interpravo.
16. Alekseev, V.I. (2008) *Penitentsiarnaya politika Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka* [Russian Penitentiary Policy in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Tyumen: Tyumen State University.
17. Ministry of Justice. (1900) O peredache tyuremnogo upravleniya vo Frantsii v vedenie Ministerstva yustitsii [On the transfer of prison administration in France under the jurisdiction of the Ministry of Justice]. *Zhurnal Ministerstva yustitsii*. 9. pp. 149–150.
18. Foynitskiy, I.Ya. (1900) *Na dosuge* [At leisure]. Vol. 2. St. Petersburg: Tip. M. Stasyulevicha.
19. Petrenko, N.I. (2002) *Stanovlenie i razvitie ugovorno-ispolnitel'noy sistemy Rossii* [Formation and development of the penal system of Russia]. Law Dr. Diss. Ryazan.
20. Pechnikov, A.P. (2002) *Glavnoe tyuremnoe upravlenie Rossiyskogo gosudarstva, 1879 – oktyabr' 1917 g.* [The main prison administration of the Russian state, 1879 – October 1917]. Law Dr. Diss. Moscow.
21. Galkin, M.N. (1868) *Materialy k izucheniyu tyuremnogo voprosa* [Materials to Study the Prison Issue]. 2nd ed. St. Petersburg: Tip. 2. Otd. s.e.i.v. kantselyarii.
22. Alekseev, V.I. (2004) *Tyuremnaya reforma v Rossii 1879 goda* [Prison Reform in Russia in 1879]. Moscow: Kompaniya Sputnik+.
23. Russian Senate. (1904) *Ministerstvo yustitsii v pervoe desyatiletie tsarstvovaniya imperatora Nikolaya II. 1894–1904* [Ministry of Justice in the first decade of the reign of Emperor Nicholas II. 1894–1904]. St. Petersburg: Senatskaya tipografiya.
24. Chief Prison Administration. (1910) Otchet po Glavnomu tyuremnomu upravleniyu za 1908 g. [Report on the Chief Prison Administration for 1908]. *Tyuremnyy vestnik. Prilozhenie. 2*.
25. *Tyuremnyy vestnik*. (1896) 2.
26. Kashuba, Yu. & Nebratenko, G. (2000) *Za veru, tsarya i zakon* [For Faith, Tsar and Law]. *Prestuplenie i nakazanie*. 9.

ПРОБЛЕМЫ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

УДК 343.13

DOI: 10.17223/22253513/25/3

А.М. Баранов

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС РОССИИ: ЗАКОН И ПОЛИТИКА

Рассматривается современное состояние уголовно-процессуальной политики, действующего уголовно-процессуального закона, результаты судебной реформы и направления совершенствования уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: уголовный процесс, закон, уголовно-процессуальная политика, судебная реформа, совершенствование уголовно-процессуального закона.

В результате произошедших социально-политических изменений в нашем государстве в конце 80 – начале 90-х гг. прошлого столетия объективно возникла необходимость осуществления судебной реформы. Как следствие этого Верховным Советом РСФСР 24 октября 1991 г. была утверждена соответствующая концепция, которая определила все последующие изменения [1]. В Концепции судебной реформы под влиянием политических взглядов были провозглашены основные направления уголовно-процессуальной и судебной политики. Наиболее ярко выражались следующие идеи: расширение состязательных начал в уголовном судопроизводстве; ограничение надзорных полномочий органов прокуратуры и расширение судебных процедур по защите гражданами своих прав; обжалование действий исполнительных органов; установление единственной досудебной формы производства по уголовным делам – предварительного следствия; введение специальных судов. Одним из позитивных моментов провозглашенной реформы стало создание действительно самостоятельной судебной системы, не зависимой от иных ветвей государственной власти.

В поисках новых форм и путей борьбы с преступностью в теории были введены новые понятия. Так, наряду с терминами «борьба с преступностью» и «уголовная политика» стали использоваться такие, как «защита общества и граждан от преступных посягательств» и «государственный контроль над преступностью» [2]. Тезис о том, что государство все-таки должно играть активную роль в «борьбе с преступностью» и определять «уголовную политику» в конкретный момент исторического развития, вновь стал предметом научных диспутов [3]. По прошествии десятилетия судебной реформы научная мысль, сделав виток в развитии, вернулась к идее о ведущей роли государства в проведении политики борьбы с преступностью, которая реализуется в сфере уголовной, уголовно-процессуальной, уголовно-исполнительной, профилактической и судебной деятельности. Однако приоритеты этой политики изменились, и на первом плане теперь находятся интересы личности, а уже потом общества и государства [4. С. 25–34].

Свобода научной мысли, многообразие привнесенных новых научных доктрин, заимствование их из иностранных правовых систем и возрождение старых и «нехорошо забытых теорий» российского права – все это на фоне стремительно меняющегося политического и экономического сознания общества – та среда, в условиях которой принимался действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.

Изначально принятый в таких условиях закон не мог не быть противоречивым, поскольку теория уголовного процесса от научного единства и полемики советского периода перешла в состояние полемики-антагонизма.

Такое состояние в теории и законе уголовного процесса не осталось без внимания, и учеными были сформулированы основные противоречия современного уголовного процесса, которые выражают суть противостояния в уголовно-процессуальной политике. В.Т. Томин, М.П. Поляков выделили следующие противоречия: 1) между потребностями общества в социальной справедливости и возможностями правоохранительной системы; 2) задачей обеспечить неотвратимость ответственности лиц, совершивших преступления, и обязанностью блюсти законные интересы лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство; 3) предназначенностью уголовного судопроизводства для проведения государственной политики и необходимостью обеспечить независимость следователей, прокуроров, судей от других государственных и общественных органов; 4) необходимостью в специальных людях, осуществляющих эту деятельность, и предубежденностью против них; 5) необходимостью в преобразованиях уголовного судопроизводства и консерватизмом этой системы как обязательным условием ее устойчивости; 6) между целью уголовного процесса и его средствами [5, 6].

Поддерживая в целом высказанную позицию, в ее развитие отметим перекосы в современной уголовно-процессуальной политике, которые еще более обостряют суть указанных противоречий. Среди них следует назвать: 1) превалирование обеспечения интересов обвиняемого (подсудимого) над интересами потерпевшего, особенно в досудебном производстве; 2) чрезмерную формализацию досудебного производства, повышение стандартов доказывания, вплоть до признания непригодными для использования в доказывании общеустановленных фактов; 3) распространение состязательного порядка на досудебное (по своей природе тайное и письменное) производство; 4) широкое введение иммунитетов в ущерб реализации целей уголовной юстиции.

В 90-е гг. проводником уголовно-процессуальной политики стал сначала Комитет конституционного надзора СССР, а затем и Конституционный Суд РСФСР. Наиболее ярко приоритеты такой политики выразились в его решениях, посвященных толкованию принципа состязательности. И по сей день последовательно распространяются состязательные начала посредством дачи Конституционным Судом РФ заключений о соответствии тех или иных норм УПК РФ положениям этого принципа. Зачастую такие толкования даются без должного учета влияния иных принципов уголовного процесса, например принципа публичности. Другая доктрина, определенная Конституционным Судом РФ, выражается в его решениях, посвященных праву граждан на судебное обжалование законности и обоснованности решений органов предва-

рительного расследования, известная как институт судебного контроля. На уровне постепенного, но неуклонного изменения правосознания не только у специалистов, но и всего общества реализуется уголовно-процессуальная политика в вопросе надзорных полномочий прокуратуры за досудебным производством. Противостояние интересов, которое не было разрешено в 1992–1995 гг. о наделении прокуратуры полномочиями органа, предназначенного для уголовного преследования или же для осуществления надзора за уголовно-процессуальной деятельностью иных субъектов, уже разрешается в пользу сторонников первой точки зрения.

Основная масса преобразований проведенной судебной реформы связана с вопросами судостроительства, перераспределением полномочий между прокуратурой и судом, а также с изменениями в порядке производства по уголовным делам в суде, которые опять же вызваны преобразованиями в судостроительстве. Значимых перемен в порядке производства по уголовному делу, особенно в его досудебной части (к которой больше всего претензий со стороны общества), не происходит [7]. Возможно, по этой причине до сих пор используется понятие «судебная реформа» вместо категории «уголовно-процессуальная политика».

Правовая политика всегда обслуживала и обслуживает прежде всего интересы государства, а через государство – интересы всего общества, его граждан [8].

Искусство уголовно-процессуальной политики заключается в том, чтобы из всех средств, уже известных цивилизации, в какой-либо период предложить обществу наиболее соответствующие его представлению о правосудии правовые процедуры.

Современная политика обеспечения законности в досудебном производстве без наличия к тому каких бы то ни было объективных причин стала развиваться по экстенсивному пути, а именно по пути увеличения органов, должностных лиц и их контрольных полномочий за органами и лицами, осуществляющими досудебное производство. Причина этого кроется в другом реализуемом сегодня направлении уголовной политики, проявляющемся в либерализации уголовно-процессуальных процедур и ограничении средств и полномочий государства в регулировании отношений между гражданами, в том числе и в борьбе с преступностью.

Кризис правосудия заключается, прежде всего, в ресурсном перенапряжении всех звеньев уголовной юстиции – органов следствия, суда и прокуратуры.

Оценивая результаты такой политики с формальной точки зрения, можно утверждать, что произошло существенное расширение прав участников уголовного процесса. Более того, по мнению ряда ученых, можно вести речь о постепенном выравнивании статусов обвиняемого и потерпевшего. В этой связи особое внимание начинает уделяться обеспечению прав личности при расследовании преступлений в широком смысле, т.е. прав всех участвующих в расследовании лиц: подозреваемого и обвиняемого, свидетеля и потерпевшего, а также следователя, прокурора, дознавателя, защитника, специалиста и др. [9, 10].

Однако в действительности, кроме усложнения процедуры уголовного судопроизводства и увеличения сроков расследования, ситуация с точки зрения законности и обоснованности осуществляемых действий и принимаемых решений в досудебном производстве не меняется в лучшую сторону.

Сегодня с подачи политиков-либералов доминирует позиция, что борьба с преступностью, защита прав граждан и реформа уголовного судопроизводства в демократическом государстве единственно возможны путем либерализации уголовного и в первую очередь уголовно-процессуального законодательства. Применительно к уголовно-процессуальному закону либерализация проявилась не только лишь в ограничении принудительно-властных полномочий органов, осуществляющих уголовное преследование. Стремясь создать цитадель правовых гарантий от уголовного преследования, в УПК РФ усложнили ранее существовавшие и ввели новые, в реальных условиях заведомо невыполнимые либо сложные по организации и длительные по времени, а потому неэффективные процедуры.

В условиях социальной нестабильности, обусловленной переходом к более либеральной политической и экономической форме управления обществом, ни в коем случае не должно происходить ослабление уголовно-процессуальных средств контроля за преступностью в обществе. В сфере правосудия либерализация возможна не за счет гуманизации уголовно-процессуальных средств и способов раскрытия и расследования преступлений, а за счет смягчения санкций за уголовное преступление либо путем декриминализации ряда преступлений, которая объективно неминуема в сфере экономической преступности.

Следует признать, что в последнее время государство стало проводить политику именно в этом ключе. Суды стали существенно реже назначать наказание в виде лишения свободы. Законодатель предусмотрел существенные ограничения по применению мер пресечения по уголовным делам в отношении лиц, обвиняемых в совершении экономических преступлений, появились специальные основания освобождения от уголовной ответственности по делам данной категории.

В то же время следует помнить, что либерализация уголовно-процессуального (публичного, властно-принудительного) закона, без потери контроля над преступностью, возможна только в условиях государства с четко отлаженной и действующей системой специальных органов и с высоким уровнем государственно-властных полномочий в период политической и экономической стабильности в государстве.

Во время проведения в государстве крупных политических, социально-экономических и правовых реформ либерализация борьбы с преступностью в сфере уголовного судопроизводства недопустима, поскольку ведет к беспомощности всей системы органов уголовной юстиции и подрыву авторитета власти в государстве в глазах законопослушного общества.

Содержание уголовно-процессуальной политики подвижно, изменчиво и зависит от конкретной социально-политической обстановки, от влияния определенных политикообразующих факторов [11. С. 101].

Именно этими факторами обусловлено множество различных взглядов и подходов к тому, каким должен быть современный уголовный процесс России и в каком направлении должно происходить его совершенствование.

Изменилась ли ситуация в государстве, обществе, законотворчестве и правоприменении за последнее время? Безусловно да!

Сегодня основной интерес общества направлен не на политику и право, а экономику. Как это связано с уголовным судопроизводством? Самым прямым образом. Более 80 % уголовных дел рассматриваются судами в правовом режиме, установленном в гл. 40 УПК РФ в особом порядке принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением. Не веря в возможность оправдательного приговора, а их, несмотря на все демократические преобразования, в процентном выражении не стало больше, чем в советскую эпоху, граждане сознательно выбирают менее затратный экономически, физически и морально процесс, при котором в качестве бонуса получают гарантию назначения максимального срока наказания, а на практике и еще меньшего.

Современное состояние уголовно-процессуального закона уже вызывает скорее не разочарование, а сострадание. Большая проблема для пользователей уголовно-процессуального права уже не только успеть переосмыслить изменения в законе, но и отследить их, а главное – не перепутать, какая норма действует в настоящее время, поскольку некоторые статьи претерпели неоднократные изменения.

Еще одно наблюдение за современным состоянием уголовно-процессуального закона. Закон все более превращается в инструкцию, пособие, учебник. Остановимся на двух примерах. Статья 144 УПК РФ «Порядок рассмотрения сообщения о преступлении». Оставим за рамками доктринальную полемику о необходимости стадии возбуждения уголовного дела. Обратимся к последним изменениям Федерального закона от 29.07.2017 № 250-ФЗ. Разве правового режима в предыдущей редакции было недостаточно для рассмотрения сообщения преступлений, в том числе и в сфере налогообложения и страхования?

Пример второй. Пункт 62 ст. 5 УПК РФ: «...педагог – педагогический работник, выполняющий в образовательной организации или организации, осуществляющей обучение, обязанности по обучению и воспитанию обучающихся» (п. 62 введен Федеральным законом от 02.07.2013 № 185-ФЗ). Давайте исходить из того, что следователь (большинство из них), прокурор, судья получили высшее образование, в таком случае *sapient sat*. Для кого это разъяснение? Разве назначение уголовно-процессуального закона разъяснять кто такой педагог? И таких норм, только загромождающих закон, можно найти немало.

Давая характеристику современному УПК РФ, следует обратить внимание на две симптоматичные исторические параллели. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. по прошествии 25 лет претерпел настолько существенные изменения, что ряд ученых мужей, характеризуя закон, говорили о контрреформах в уголовном процессе страны. Действующий Уголовно-процессуальный кодекс РФ радикально отличается по содержанию от закона, принятого в 2001 г. На 1 сентября 2017 г. в Уголовно-процессуальный закон

внесены изменения 224 федеральными законами и 25 решениями Конституционного Суда РФ.

Другая историческая параллель из нашего вчера. УПК РСФСР к 1991 г. провозглашения судебной реформы просуществовал 30 лет и был признан не соответствующим требованиям общества. С начала реформ прошло 26 лет, следовательно, идеи и направления судебной реформы уже морально устаревают. Означает ли это, что законодателю пора разрабатывать новый УПК? Нет. Поскольку экономика первична, а право все-таки вторично. Пока в стране не будет выстроена новая модель управления обществом и производством, реформирование уголовного процесса обречено на бесконечные и незначительные изменения в законе, подобные тем, что происходят сейчас.

Означает ли сказанное, что ученым необходимо направить усилия на разработку модели нового порядка уголовного судопроизводства? Полагаю, что да.

Какой опыт необходимо учесть? Определяющим является то обстоятельство, что разработчиками судебной реформы 1991 г. и при подготовке УПК РФ 2001 г. принимались во внимание все научные достижения и предложения по совершенствованию законодательства, которые были выдвинуты намного ранее, а некоторые еще в 80-е гг. XX в. и уже на момент их принятия не отвечали требованиям общества.

При разработке нового порядка судопроизводства необходимо учитывать современную информационную составляющую, высокую технологичность современного общества. Сейчас трудно объяснить, почему основным средством консервации доказательств в досудебном производстве до сих пор выступает протокол, выполненный ручкой на бумажном носителе. Почему консервация доказательств в досудебном производстве не может быть осуществлена при помощи электронных средств фиксации? Почему в судебном заседании до сих пор протокол составляется ручкой на бумажном носителе? Почему ход судебного заседания не фиксируется электронными видеосредствами? Один лишь только переход к электронной форме фиксации хода и результатов уголовного судопроизводства повлечет за собой существенные изменения всего порядка уголовного процесса как в целом, так и отдельных его стадий.

Литература

1. Концепция судебной реформы в Российской Федерации. М., 1992.
2. Харитонов А.Н. Государственный контроль над преступностью. Омск, 1997.
3. Сухарев А.Я., Алексеев А.И., Журавлев М.П. Основы государственной политики борьбы с преступностью в России. Теоретическая модель / НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре Российской Федерации. М., 1997.
4. Зубков А.И. Проблемы корректировки государственной политики борьбы с преступностью в России // Власть: криминологические и правовые проблемы / Российская криминологическая ассоциация. М., 2000. С. 25–34.
5. Томин В.Т. Острые углы уголовного судопроизводства. Н. Новгород, 2001. С. 26.
6. Поляков М.П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности / под ред. В.Т. Томина. Н. Новгород, 2001. С. 31.
7. Путин В. Сегодня нам крайне необходима судебная реформа // Рос. юстиция. 2001. № 5. С. 2–3.

8. Матузов Н. И. Актуальные проблемы российской правовой политики // Гос-во и право. 2001. № 10. С. 5–7.

9. Босхолов С.С. Основы уголовной политики: Конституционный, криминологический, уголовно-правовой и информационный аспекты. М., 1999.

10. Шадрин В.С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. Волгоград, 1997.

11. Ляхов Ю.А. Сущность и тенденции развития уголовно-процессуальной политики Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 1994.

Baranov Alexander M. Omsk Academy of Ministry of internal Affairs of the Russian Federation (Omsk, Russian Federation)

CRIMINAL TRIAL IN RUSSIA: LAW AND POLICY

Keywords: criminal trial; law, criminal procedure policy, judicial reform, improvement of criminal procedure law.

As a result of socio-political changes in our state at the end of 80 – the beginning of the 90th of last century objectively there was a need of implementation of judicial reform. The Supreme Council of RSFSR approved on October 24, 1991 the corresponding concept, which defined all subsequent changes. In the Concept of judicial reform under the influence of political views, the main directions of criminal procedure and judicial policy were proclaimed. The following ideas were most brightly expressed: expansions of the competitive beginnings in criminal legal proceedings; restrictions of supervising powers of prosecutor's office and expansion of legal proceedings on protection of the rights; appeals of actions of executive bodies; establishment of the only pre-judicial mode of proceedings on criminal; establishment of special courts. The establishment of an independent judicial system, independent of other branches of the government was one of the positive moments of the proclaimed reform.

Estimating the results of implementing criminal procedure policy from the formal point of view, it is possible to claim that there was an essential expansion of the rights of participants of criminal trial. Moreover, according to a number of scientists, it is possible to speak about a gradual alignment of the status of the defendant and an injured party. In this regard special attention is to be paid to ensuring the rights of the personality during the investigation of crimes in a broad sense, i.e. the rights of all persons involved in investigation: suspect and defendant, witness and injured party, as well as the rights of an investigator, prosecutor, advocate, expert, etc.

However, actually, except complication of the procedure of proceedings and increase in terms of investigation, the situation, from the point of view of legality and validity of the carried-out actions and the made decisions in pre-judicial production, does not change for the better.

Today, at the suggestion of liberal politicians, the position dominates that fight against crime, protection of the rights of citizens and reform of criminal legal proceedings in the democratic state are possible by liberalization of criminal and, first of all, the criminal procedure legislation. In relation to the criminal procedure law, liberalization manifested itself not only in restriction of compulsory powers of the bodies involved in carrying out criminal prosecution. Seeking to create a citadel of legal guarantees from criminal prosecution, in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation legislators complicated earlier existing procedures and entered new ones, which in actual practice are definitely impracticable, difficult in organization and time consuming, and therefore inefficient.

When developing a new order of legal proceedings it is necessary to consider a modern information component, high technological effectiveness of modern society.

References

1. Zolotukhin, B.A. (ed.) (1992) *Kontseptsiya sudebnoy reformy v Rossiyskoy Federatsii* [The Concept of Judicial Reform in the Russian Federation]. Moscow: Respublika.

2. Kharitonov, A.N. (1997) *Gosudarstvennyy kontrol' nad prestupnost'yu* [State Control Over Crime]. Omsk: Omsk Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs.

3. Sukharev, A.Ya., Alekseev, A.I. & Zhuravlev, M.P. (1997) *Osnovy gosudarstvennoy politiki bor'by s prestupnost'yu v Rossii. Teoreticheskaya model'* [Fundamentals of State Policy to Combat

Crime in Russia. A Theoretical Model]. Moscow: Research Institute for Strengthening Law and Order in the General Prosecutor's Office of the Russian Federation.

4. Zubkov, A.I. (2000) Problemy korrektyrovki gosudarstvennoy politiki bor'by s prestupnost'yu v Rossii [Problems of adjusting the state policy of combating crime in Russia]. In: Dolgova, A.I. (ed.) *Vlast': kriminologicheskie i pravovye problemy* [Power: Criminological and Legal problems]. Moscow: Russian Criminological Association. pp. 25–34.

5. Tomin, V.T. (2001) *Ostrye ugly ugovnogo sudoproizvodstva* [Acute Angles of Criminal Legal Procedure]. Moscow: Prospekt.

6. Polyakov M.P. *Ugovno-prozessual'naya interpretaziya rezul'tatov operativno-rozysknoy deyatel'nosti* / pod red. V.T. Tomina. N. Novgorod, 2001. p. 31.

7. Putin, V. (2001) Segodnya nam krayne neobkhodima sudebnaya reforma [Today we urgently need a judicial reform]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 5. pp. 2–3.

8. Matuzov, N.I. (2001) Aktual'nye problemy rossiyskoy pravovoy politiki [Topical problems of Russian legal policy]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 10. pp. 5–7.

9. Boskholov, S.S. (1999) *Osnovy ugovnoy politiki: Konstitutsionnyy, kriminologicheskiy, ugovno-pravovoy i informatsionnyy aspekty* [Fundamentals of criminal policy: Constitutional, criminological, penal law and information aspects]. Moscow: Tsentr YurInfoR.

10. Shadrin, V.S. (1997) *Obespechenie prav lichnosti pri rassledovanii prestupleniy* [Ensuring the Rights of the Individual in the Investigation of Crimes]. Volgograd: Volgograd Law Institute.

11. Lyakhov, Yu.A. (1994) *Sushchnost' i tendentsii razvitiya ugovno-protsessual'noy politiki Rossiyskoy Federatsii* [The Essence and Development Trends of the Criminal Procedure Policy of the Russian Federation]. Law Dr. Diss. Rostov on Don.

УДК 343.846

DOI: 10.17223/22253513/25/4

Т.И. Белюкова

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ В ПРОЦЕССЕ ИСПОЛНЕНИЯ ОТСРОЧКИ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ ПО ст. 82 УК РФ, И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Освещаются проблемы, с которыми сталкиваются сотрудники уголовно-исполнительных инспекций в процессе исполнения отсрочки отбывания наказания в отношении беременных женщин и лиц, имеющих малолетних детей. К таковым относятся: излишняя свобода и отсутствие чувства ответственности у осужденных за совершенное преступление в силу наличия всего одной обязанности, недостаточность средств и методов воздействия на осужденных. Анализируя имеющиеся трудности, автор предлагает пути их решения.

Ключевые слова: отсрочка отбывания наказания, беременные женщины, малолетние дети, уголовно-исполнительные инспекции.

Институт отсрочки отбывания наказания достаточно молодой, появился он в уголовном законодательстве с принятием Закона Российской Федерации № 2988-1 от 12 июня 1992 г. «О внесении изменений и дополнений в ИТК РСФСР, УК РСФСР, УПК РСФСР» [1], который вводил ст. 46², регламентирующую предоставление отсрочки беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей в возрасте до трех лет. На протяжении долгих лет институт претерпевал изменения, направленные на его совершенствование, однако и в настоящее время все еще возникают определенные трудности, связанные с реализацией указанного института на практике.

Представленные ниже данные основываются на проведенном автором исследовании – анкетировании 250 сотрудников уголовно-исполнительных инспекций, на учете которых состоят осужденные к отсрочке отбывания наказания в связи с беременностью или наличием малолетних детей, а также анкетировании 850 осужденных-отсрочников в 15 регионах Российской Федерации.

В ходе исследования были выявлены следующие проблемы, возникающие при исполнении отсрочки отбывания наказания.

Часть сотрудников уголовно-исполнительных инспекций (25 %) отмечают, что отсрочка отбывания наказания – неэффективный вид освобождения в плане исправления осужденных. Связано данное мнение с рядом причин:

- наличием всего одной обязанности у осужденных (воспитание ребенка и уход за ним);
- излишней свободой осужденных и отсутствием чувства ответственности за совершенное преступление;
- недостаточностью методов и средств воздействия на осужденных.

Наличие у осужденных всего одной обязанности (по воспитанию и уходу за ребенком), по мнению сотрудников уголовно-исполнительных инспекций,

которое поддерживаем и мы, недостаточно для эффективного контроля за осужденными. Для законопослушных граждан воспитание детей, обеспечение им надлежащих условий развития является проявлением родительской любви по отношению к своим детям, а поскольку в некоторых случаях осужденные родители используют детей для продолжения противоправного, аморального образа жизни, предоставление суду права возлагать на осужденных дополнительные обязанности видится нам необходимым.

Примерные обязанности, на наш взгляд, должны выглядеть следующим образом:

1) возместить причиненный совершенным преступлением вред. Осужденный должен отчитываться перед уголовно-исполнительной инспекцией о погашении долга. С целью проверки данных о погашении суммы ущерба необходима организация взаимодействия со службой судебных приставов-исполнителей, которые по запросам сотрудников УИИ должны ежеквартально представлять сведения о сумме возмещенного ущерба;

2) являться в уголовно-исполнительную инспекцию как на первоначальную регистрацию после вынесения судом постановления об отсрочке, так и на профилактические беседы (от 1 до 4 раз в месяц).

Сотрудники инспекций отмечают, что нет рычагов воздействия на осужденных в случае их неявки в УИИ для проведения беседы. На наш взгляд, если осужденный не является в установленный срок в УИИ, ему должно объявляться предупреждение.

Периодические явки осужденных в уголовно-исполнительную инспекцию должны сопровождаться отчетом осужденного о своем поведении и исполнении обязанностей по воспитанию ребенка и уходу за ним (о проведенных с ребенком развивающих, развлекательных мероприятий, посещения медицинских специалистов с предоставлением подтверждающих материалов). В случае необходимости и при наличии оснований отчет о воспитании ребенка должен заслушиваться работниками комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав.

В отношении условно осужденного сотрудник УИИ в случае неявки на регистрацию без уважительных причин может вынести постановление о приходе (при необходимости направляется копия в орган внутренних дел с ходатайством об оказании помощи в доставлении осужденного). В отношении осужденных к отсрочке отбывания наказания данной меры не предусмотрено, по всей видимости, в силу этических причин. На наш взгляд, применение данной меры в отношении осужденных к отсрочке было бы приемлемым в случае систематической неявки осужденного на регистрацию (более двух раз) при соответствующем поведении (проявление грубости по отношению к сотрудникам, отказ в проверке по месту жительства и т.д.) за тем дополнением, что в процессе привода должны участвовать работники органов опеки и попечительства, на которые должна возлагаться обязанность по контролю за ребенком (детьми) в отсутствие матери;

3) проходить обследование у врача-нарколога перед предоставлением отсрочки, при наличии соответствующего заключения пройти курс лечения от алкоголизма, наркомании. В случае отказа – вынесение предупреждения ли-

цу; повторный отказ должен предшествовать принудительному доставлению лица в медицинское учреждение.

Обусловлено установление данной обязанности следующим. Сотрудники уголовно-исполнительных инспекций отмечают, что многие осужденные – социально запущенные лица, они не могут или не хотят менять свой образ жизни, устраиваться на работу, употребляют спиртные напитки, наркотические вещества. В практике сотрудников УИИ были случаи, когда осужденная мать оставила пятерых детей без присмотра, употребляла спиртные напитки в течение трех дней, дети были предоставлены сами себе; дети были изъяты сотрудниками Отдела по делам несовершеннолетних и защите их прав и помещены в Реабилитационный центр временного содержания помощи семье и детям, сама же осужденная проживала в центре, и дети не были ей возвращены до момента кодирования матери от алкогольной зависимости. Однако не во всех регионах развито конструктивное сотрудничество органов системы профилактики преступлений с уголовно-исполнительной инспекцией по вопросам исправления осужденных и оказания им различных видов помощи, поэтому установление обязанности прохождения осужденными обследования у врача-нарколога будет выступать дополнительной гарантией защиты прав детей, находящихся на воспитании осужденных;

4) не менять место жительства без уведомления УИИ;

5) в ночное время (с 22:00 до 6:00) находиться по месту проживания, в противном случае – вынесение предупреждения;

6) трудоустроиться, в том числе и по выходу из отпуска по уходу за ребенком (в основном семьи малоимущие, родители не работают, поэтому трудоустройство осужденных в период отсрочки представляется необходимым и влияет как на исправление осужденных, так и предупреждение совершения повторных преступлений. О необходимости привлечения осужденных к труду свидетельствуют многие ученые, среди которых, например, В.А. Уткин, отмечающий, что суждение о недопустимости обязательного труда осужденных является несостоятельным [2. С. 83]);

7) в случае необходимости, отсутствия навыков и опыта работы – получить образование, пройти обучение (переподготовку) новой профессии, в том числе и во время декретного отпуска (возможно, и дистанционно).

Наличие трех и более предупреждений (в зависимости от характера допущенных нарушений), на наш взгляд, должно являться основой для подачи в суд представления об отмене отсрочки отбывания наказания и направлении лица для отбывания наказания, назначенного приговором суда.

Мы считаем, что предоставление суду права возлагать на осужденных дополнительные обязанности должно повысить эффективность отсрочки. Необходимо добиться, чтобы осужденные чувствовали ответственность за совершенное преступление, ведь, как отмечают сотрудники инспекций, часть осужденных считают, что их освободили от наказания, «они никому ничего не должны». Следствием такого восприятия выступает соответствующее поведение осужденных: грубость по отношению к сотрудникам, воспрепятствование входу в дом для осуществления проверки. Не зря некоторые авторы отмечают, что «оставить без последствий проступок – это значит поощрить нарушителя» [3. С. 19]. Именно поэтому установление дополнительных обя-

занностей для осужденных к отсрочке представляется необходимым и целесообразным.

По поводу недостаточности имеющихся средств и методов воздействия на осужденных у контролирующего органа хотелось бы пояснить следующее.

Согласно Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества [4] сотрудник УИИ проводит профилактические беседы с осужденными при их ежемесячной явке в инспекцию, а также не реже одного раза в месяц посещает осужденных с целью проверки материально-бытовых условий проживания. При реализации данных обязанностей сотрудник инспекции сталкивается с рядом проблем. Во-первых, неявка на профилактические беседы (решение данной проблемы было предложено выше). Во-вторых, нежелание отдельных категорий осужденных впускать сотрудника в дом для проверки, проявление грубости по отношению к нему. Законодательство не конкретизирует действия контролирующего органа в данном случае. Мы считаем, что необходимо предоставить сотруднику право вынесения предупреждения осужденному, составление по данному вопросу справки, с которой осужденный должен быть ознакомлен. В случае повторной неявки осужденного в инспекцию, грубого обращения с сотрудником – составление представления с последующим направлением его в суд для решения вопроса об отмене отсрочки (либо, в случае законодательного установления дополнительных обязанностей указанным категориям осужденных, их назначение). В-третьих, сотрудник не обладает сведениями, что считать нормой при обследовании жилищно-бытовых условий. В данном случае, как нам видится, необходимо внести дополнение в Инструкцию по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества, разъяснив, на что должен обращать внимание сотрудник при посещении осужденного. А именно:

- общее состояние квартиры (пол, стены, отопление, проветривание и т.п.);
- наличие места для сна ребенка, приготовления уроков;
- наличие продуктов;
- наличие игрушек (пусть самых простых), школьных принадлежностей, средств личной гигиены (зубная паста, мыло);
- санузел (чистота);
- наличие одежды по сезону;
- наличие домашних животных, чистота их содержания;
- свободный вход и выход из квартиры;
- состояние, внешний вид осужденных родителей и совместно проживающих родственников;
- обеспечение безопасности: отсутствие доступа к опасным предметам в быту, медикаментам, электроприборам;
- факты пренебрежительного, грубого обращения с ребенком, физического или психического насилия над ним.

Устранение обозначенных проблем, установление в законодательстве дополнительных обязанностей осужденным, предоставление сотрудникам уголовно-исполнительных инспекций обращаться в суд с ходатайством об установлении подучетным лицам дополнительных обязанностей на мотивирован-

ной основе позволит расширить имеющиеся средства и методы воздействия на осужденных, повысив тем самым эффективность деятельности УИИ в исправлении осужденных и предупреждении совершения ими новых преступлений.

Нами обозначены лишь некоторые из проблем, возникающих при исполнении отсрочки отбывания наказания в отношении осужденных, которым отсрочено отбывание наказания в связи с беременностью или наличием малолетних детей. Пути их решения будут зависеть от пересмотра и дополнения уголовного, уголовно-исполнительного законодательства страны.

Литература

1. *Российская газ.* 1992. № 164. 21 июля.
2. *Уткин В.А.* Проблемы правового регулирования труда осужденных в исправительных учреждениях Российской Федерации // *Уголовная юстиция.* 2015. № 2 (6). С. 81–88.
3. *Васильев А.Н.* Предупреждение преступлений. М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1963. 30 с.
4. *Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества:* приказ Минюста России от 20 мая 2009 г. № 142 // СПС «КонсультантПлюс».

Belyukova Tatiana I. Academy of the Federal penitentiary service of Russia (Ryazan, Russian Federation)

SOME PROBLEMS ARISING IN THE COURSE OF EXECUTION OF A DEFERRED SENTENCE UNDER ARTICLE 82 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE WAYS FOR THEIR SOLUTION

Keywords: deferred sentence, pregnant women, children, probation inspectorate.

Despite the changes in criminal legislation regarding improvement of the precepts of law providing the deterred sentence for pregnant women and persons having children, today there are certain difficulties in practice of execution of this type of release from punishment.

The arising problems are connected with the gaps in criminal and penal legislation; departmental regulations regulating the activities of probation inspectorates supervising the above categories of convicts. On the basis of the carried-out questioning of employees of probation inspectorates (250 people) and those convicted to a deferred sentence (850 people) in 15 regions of the country, the author revealed the following problems. Inefficiency of a deferred sentence can be explained by the fact that convicts have only one duty (upbringing of a child and care of it); excessive freedom of convicts and lack of sense of responsibility for the committed crimes; insufficiency of methods and instruments of control over convicts.

Proceeding from the above problems, the author offers some possible solutions. Firstly, to authorize the courts to impose additional duties on convicts taking into account the characteristic of their personality and the analysis of all facts of the case.

The suggested duties are the following: to compensate the harm done by the committed crime; to come to a probation inspectorate for initial registration after the court order about a deferred sentence and for a preventive conversation (from 1 to 4 times a month) with the report on child's upbringing; to be carefully examined by a narcologist before serving a deferred sentence and undergo a course of treatment in case of drug or alcohol addiction; not to change the residence without informing a probation inspectorate; at night (from 10p.m. till 6 a.m.) to be in the place of residence; to find a job, including after a parental leave; in case of need, lack of skills and experience – to get an education, to be trained (retrained) including the period during a maternity leave (it is possible to do it remotely).

The specified duties can be changed or added by the court.

According to the author, establishment of additional duties will discipline the convict and increase his responsibility for the committed crime. The author emphasizes that increase in efficiency of deferred sentences is possible by introduction of amendments and additions to current legislation of the country.

References

1. *Rossiyskaya gazeta*. (1992) 21st July.
2. Utkin, V.A. (2015) [On legal regulation of the labour of convicts in correctional institutions of the Russian Federation]. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 2(6). pp. 81–88. (In Russian). DOI: 10.17223/23088451/6/16
3. Vasiliev, A.N. (1963) *Preduprezhdenie prestupleniy* [Prevention of crimes]. Moscow: Gos. izd-vo yurid. lit-ry.
4. Ministry of Justice of the Russian Federation. (2009) *On the approval of the Instruction on the organization of execution of punishments and penal measures without isolation from society: Order No. 142 of the Ministry of Justice of Russia: dated May 20, 2009*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_89167/. (In Russian).

УДК 343.98

DOI: 10.17223/22253513/25/5

Ю.П. Гармаев

СОСТАВЛЕНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ КАК ЭЛЕМЕНТ ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ПОДХОДА В ПРЕПОДАВАНИИ КРИМИНАЛИСТИКИ И ИНЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

Анализируются современные проблемы качества юридического образования в России, излагается авторский практико-ориентированный подход к преподаванию криминалистики и иных юридических дисциплин, разработанный и апробированный с учетом уникальных условий российского правоприменения. Особое внимание уделено использованию в дидактике заданий по составлению процессуальных документов уголовного судопроизводства. Исходя из синтетической природы науки криминалистики, обучение в рамках ее курса должно строиться на междисциплинарной основе с обязательной интеграцией знаний из других наук антикриминального цикла.

Ключевые слова: практико-ориентированный подход в обучении, криминалистическая дидактика, составление процессуальных документов, инновации в образовательной деятельности, профессиональная стратегия юриста.

Преподавание криминалистики в вузах в настоящее время сталкивается с рядом проблем и вызовов. Это, прежде всего, оторванность дидактики в отдельных вузах (у отдельных преподавателей) от нужд практики, от ежедневных прикладных задач криминалистов-правоприменителей, связанных с системным применением криминалистических знаний и различных отраслей права, необходимостью составления множества процессуальных документов, потребностью постоянно выявлять ошибки и нарушения закона в деятельности коллег и процессуальных противников и т.п. В литературе также отмечается, что к числу обозначенных вызовов на организационном уровне относятся: с одной стороны, сокращение учебных часов, выделяемых на данную учебную дисциплину, с другой – возрастание объема криминалистических знаний, используемых в правоприменительной деятельности, который должен быть предоставлен обучающимся [1. С. 36].

Преодолевают ли современное научно-дидактическое криминалистическое сообщество эти проблемы и вызовы надлежащим образом? Думается, ответ на этот вопрос не будет однозначным. Далеко не всегда и не везде, и причин тому множество. Одна из них, а точнее целая группа причин, заложенная в современном Федеральном государственном образовательном стандарте высшего образования третьего поколения (ФГОС ВО 3+). В нем сформулированы новые требования к преподаванию, в том числе криминалистики: практико-ориентированный подход, комплекс формируемых компетенций, новая структура курса в соотношении лекций и практики 30/70 и т.д. Так, Н.В. Карепанов, анализируя проблемы преподавания криминалистики в условиях уровневой системы образования в свете требований стандарта нового поколения, находит явные противоречия вузовского образования, которые

неминуемо отражаются на преподавании дисциплины криминалистики. Приведем некоторые из авторских тезисов:

- студент получает тексты, информационные модули и знания, которые оторваны от смыслообразующих контекстов его будущей профессии;
- учеба идет с опозданием, отставанием от динамики развития профессии. Учить же нужно с опережением, готовить к завтрашнему дню.

И, вероятно, главная мысль автора: «...изначально при формировании компетенций стандартом (имеется в виду ФГОС 3, со всеми его вариациями. Отмечено мной. – Ю.Г.) допущено лукавство, которое... сводит на нет всю дальнейшую, даже самую добросовестную работу огромного количества специалистов и преподавателей на долгие годы. Кто должен изначально представить компетенции, заказ на студентов? Правильно, работодатель: органы внутренних дел, прокуратура, следственный комитет, таможенные органы, адвокатура, юридические службы коммерческих хозяйствующих субъектов и т.д. Ведь в этом корень идеи нового стандарта. Кто из работодателей сформировал такие компетенции или принял участие в формировании таких идей? Никто. Кто сформировал компетенции в стандарте? Только работники образования, которые сделали это, не дождавшись реакции работодателей. Видимо, куда-то торопятся...» [2].

Научная общественность давно бьет тревогу по поводу снижения качества обучения будущих юристов [3, 4]. Переход на «Болонский процесс» не только не решил имеющихся проблем, но в определенном смысле усугубил их. Эксперты отмечают, что в постсоветские годы уровень высшего образования, в том числе и гуманитарного, значительно упал [5; 6. С. 422]. Вновь обратим внимание, что все это верно и в отношении качества преподавания криминалистики.

Другими причинами такого снижения (помимо введения ФГОС ВО 3) специалисты в области образования и науки называют падение уровня школьного образования, введение ЕГЭ, отказ от специалитета и переход к бакалавриату, введение подушевого финансирования, недофинансирование, низкую оплату труда профессорско-преподавательского состава, снижение престижа профессии преподавателя, необязательность посещения учебных занятий студентами, неудовлетворительную организацию прохождения студентами практики, недостаточное применение на занятиях активных форм обучения в виде деловых игр, диспутов, решения микро- и проблемных ситуаций, неоправданно большое количество юридических факультетов с малым количеством студентов и ряд других причин [6. С. 422].

Мнения опытных юристов – практических работников, руководителей крупных организаций-работодателей также зачастую весьма критичны. Распространены суждения такого рода: «...юридическое образование продолжает оставаться самым невосприимчивым к современным технологиям управления знаниями. При этом юридические вузы сталкиваются с недостаточной мотивированностью студентов обучению. В лучшем случае студенты ориентированы на престиж профессии, о которой имеют весьма "книжное" представление. Существует "отрыв" юридического образования от практики» [7]. Обилие юридических вузов и далеко не всегда

высокое качество обучения породили феномен «перепроизводства юристов» [8].

Нельзя сказать, что действующие в России образовательные технологии в юриспруденции, включая криминалистику, совершенно игнорируют практическую составляющую обучения. Образовательный процесс в юридических вузах всегда опирался и опирается на применение ознакомительной, производственной, преддипломной практики, прикладных, в том числе игровых методов обучения. В преподавании юридических дисциплин активно используются компьютерные классы и электронные библиотеки, справочные правовые системы типа «КонсультантПлюс», «Гарант» и др. (далее – СПС). В лучших образовательных учреждениях страны при преподавании активно используются учебные полигоны и залы судебных заседаний, где проводятся деловые игры, имитирующие проведение следственных действий, судебных заседаний; на семинарах используются реальные, т.е. «на бумаге» уголовные дела прошлых лет; проводятся спецкурсы по методике составления процессуальных документов. В рамках реализации практико-ориентированного подхода обучающиеся совместно с преподавателями посещают реальные заседания суда, на постоянной основе проводят занятия-встречи со следователями, оперативными сотрудниками, которые помимо общей характеристики места их работы, требований к претендентам рассказывают и об особенностях профессиональной деятельности, обращают внимание студентов на то, какие именно знания из получаемых в вузе наиболее важны для дальнейшей работы, например в их следственном или оперативно-розыскном подразделении, других организациях и т.п.

Эти дидактические средства в определенной мере устраняют имеющийся дисбаланс между теоретической и практической составляющими обучения криминалистике. Тем не менее общероссийская тенденция такова: вузовские образовательные технологии сильны своими теоретическими, иногда методическими составляющими, но, мягко говоря, несколько оторваны от правоприменения, реальной криминалистической деятельности. Налицо часто бывает некий перекося в сторону теории в ущерб практике [9].

В целях корректировки указанного выше перекося, повышения конкурентных преимуществ выпускников-юристов предлагаем основы, а точнее фрагменты авторского практико-ориентированного подхода к преподаванию криминалистики [10. С. 14–20]. Здесь мы акцентируем внимание на использовании в дидактике заданий по составлению и использованию обучаемыми процессуальных документов уголовного судопроизводства. Важно отметить, что эти подходы в практике автора и его коллег доказали свою универсальность при проведении занятий и по другим юридическим дисциплинам. Кроме того, исходя из синтетической природы науки криминалистики [11. С. 4], обучение в рамках учебного курса должно строиться в обязательном порядке на междисциплинарной основе, с обязательной интеграцией знаний из других наук антикриминального цикла, прежде всего уголовного процесса и уголовного права.

Итак, кратко сформулируем элементы названного подхода:

1. Проведение на 1–2-х курсах бакалавриата занятий: «Профессиональная стратегия успешного юриста» [12–14]. Эти встречи направлены на определе-

ние личной миссии студента-юриста, на формирование его устойчивых жизненных целей (на основе «ролей» в жизни и личных приоритетов), задач на перспективу 5, 10 лет и более. Опытные ученые и преподаватели-практики проводят серию лекций и практических занятий по вопросам самоменеджмента¹ [15, 16].

2. Отбор на добровольной основе прежде всего тех студентов, кто уже решил для себя, что будет заниматься именно криминалистической деятельностью (далее для краткости – будущий криминалист);

3. Методические семинары с профессорско-преподавательским составом (далее – ППС). Предмет семинаров – методика практико-ориентированной подготовки студентов, планирующих совмещать учебу с практической криминалистической деятельностью. За основу рекомендуется брать, например, опыт обучения в учреждениях повышения квалификации практических работников следствия [17, 18].

4. Помощь студенту в формировании личной стратегии. ППС помогает студентам письменно изложить элементы личной профессиональной стратегии [19], согласовать ее с родителями, иными близкими людьми и тем самым создать у молодого человека мощную мотивацию для личностного роста в будущей профессии. С этой целью ППС проводятся собеседования с каждым студентом, выясняются приоритеты и пожелания по будущей трудовой деятельности. С учетом этого обучающемуся предлагается на основе учебного плана составить индивидуальный план. Особенность последнего в том, что тематика будущих курсовых работ, дипломного сочинения и магистерской диссертации, места прохождения практики определяются с учетом будущей профессиональной криминалистической деятельности, выбранной студентом [20].

5. В случае выбора стратегии, связанной с научной деятельностью, во взаимодействии со студентом также составляется индивидуальный план, в котором указываются темы курсовых и дипломной работы, объект (а иногда и предмет) исследования будущих магистерской и кандидатской диссертаций. Важно, что, как и в п. 4, каждая из этих работ является основой для написания последующей.

6. Студент, выбравший «практическое» направление, например, работу в следственных органах, по имеющимся у вуза договорам о сотрудничестве идет не только на учебную практику, но и на последних курсах обучения выходит на работу. Например, студент становится постоянно действующим общественным помощником следователя СК РФ на основании официального направления вуза и путем согласования ряда организационных и учебно-методических вопросов между студентом, вузом и следственным органом [21, 22].

7. В организациях-работодателях необходимо проводить специальные занятия-совещания. Так, в следственных органах силами ППС вуза желательно провести встречи на тему: «Деятельность общественного помощника следователя: организация и наставничество» [23].

¹ Здесь мы ориентируем студентов на использование терминологии самоменеджмента, принципов личностного роста. Рекомендуем специальную литературу.

8. Студент постоянно получает учебно-методическую и иную поддержку вуза по линии своей профессиональной деятельности в должности общественного помощника.

9. По окончании обучения, как показали имеющийся опыт и результаты интервьюирования работников кадровых служб ряда региональных следственных управлений СК РФ, около 80 % студентов – общественных помощников, имеющих стаж такой работы более полутора лет, обладают ключевыми конкурентными преимуществами перед выпускниками иных вузов. Они успешно трудоустраиваются в органы СК РФ и не испытывают типичных сложностей периода адаптации. Среди них минимальна пресловутая «текучка кадров». Таким образом, в следственном комитете «...действуют институты общественных помощников, наставничества, формируется корпус помощников следователей, составляющих ближайший кадровый резерв для назначения на должности следователей» [24. С. 9].

10. В случае выбора «научно-преподавательского» направления студент может проходить практику на кафедре криминалистики, активно привлекаться к организации конференций, участию в них, присутствовать на методических семинарах кафедры, посещать заседания студенческих научных обществ и пр. [9].

Помимо изложенных организационно-методических аспектов, опишем некоторые особенности обучения криминалистике студентов (не только будущих криминалистов, но и всех остальных).

При проведении лекционных и практических занятий со студентами и магистрантами предлагаем коллегам-преподавателям воспользоваться следующими рекомендациями:

1. Заранее или на вводной лекции предложить всем студентам иметь при себе на занятиях действующие редакции УК РФ, УПК РФ, а также соответствующие постановления Пленума Верховного Суда РФ, другие источники по выбору преподавателя.

2. Использовать для занятий электронную базу данных¹, которую можно заранее скачать и разместить в компьютерном классе вуза, а на вводном занятии рассказать о правилах доступа к информации и методах работы с ней.

3. После первой, максимум второй лекции по криминалистике следует провести специальное занятие в компьютерном классе по теме: «Методика составления процессуальных документов» (независимо от того, был ли ранее в учебной программе аналогичный предмет, проводились ли подобные в рамках курса «Уголовный процесс» и т.п.), в ходе которого особое внимание обратить на составление постановления о привлечении в качестве обвиняемого (обвинение) по делам различных категорий. В дальнейшем время от времени следует проводить такого рода занятия по усмотрению преподавателя.

4. С учетом вышеизложенных рекомендаций студентам можно предложить готовить свои проекты документов на компьютере, взяв за основу соответствующий электронный документ из базы данных. Каждый студент, по-

¹ Мы предлагаем одну из таких крупных подборок, которая размещена по следующему адресу: <https://yadi.sk/d/ynidP6od3KDuUm>.

мимо устных вопросов, в качестве домашнего задания должен готовить от 2 до 5 проектов процессуальных документов.

5. Каждый студент по представленному ему реальному документу должен дать оценку наличию / отсутствию в нем нарушений закона или криминалистических ошибок и представить свои выводы на практическом занятии в форме списка ошибок и распечатанного документа, в котором ошибки выделены жирным шрифтом, а рядом – комментарий (в чем заключается ошибка и как нужно было сделать правильно).

6. Помимо обязательного составления процессуальных документов, на занятиях рекомендуется давать задания о составлении планов расследования и противодействия ему; планов допросов и иных следственных действий; «деревя» версий; перечня обстоятельств, подлежащих установлению и доказыванию; схем и таблиц (по квалификации, по доказательствам и т.д.), т.е. тех документов, которые в непроцессуальном порядке составляет каждый представитель стороны обвинения. Жалобы студентов об отсутствии в Интернете образцов такого рода не всегда уместны. Примеры их составления есть в упомянутой базе данных, в криминалистической литературе, а деловые знакомства с практическими работниками добросовестный студент должен воспринимать как обязанность.

7. Преподаватель может предложить обучаемым найти копии реальных документов правоприменительной практики по делам соответствующей категории. Полученные материалы можно использовать для создания «обезличенных» учебных дел [25].

В заключение хотелось бы отметить, что в ходе реализации подобного рода комплексных междисциплинарных подходов к проведению занятий по криминалистике преподаватели могут сталкиваться с трудностями, среди которых можно назвать: непонимание и / или неприятие цели и задач со стороны отдельных студентов, будущих работодателей и даже отдельных преподавателей; неспособность некоторой части студентов сформировать и быть приверженными долгосрочной профессиональной стратегии; изменчивость планов и приоритетов у молодежи (впрочем, как и у любых людей) в период обучения в вузе¹ [26]; нежелание работать в качестве общественного помощника без материального стимулирования со стороны работодателя; недостаточная компетентность и не всегда безупречное поведение студента на рабочем месте и т.д. Но, как сказал Вольтер, «никогда не бывает больших дел без больших трудностей». Значимость и уникальность подхода, энтузиазм и высокая мотивация на успех участвующих в его реализации студентов, поддержка многих организаций-работодателей помогают в преодолении возникающих сложностей и препятствий.

Литература

1. *Ткачев А.В.* Использование новых организационных структур при преподавании криминалистики в высших учебных заведениях // Юридическое образование и наука. 2014. № 2. С. 36–37.

¹ План может и должен меняться. Но он должен быть.

2. *Карепанов Н.В.* Методика преподавания криминалистики в условиях уровневой системы образования с применением инновационных методов (в свете новых требований стандарта) // Новые образовательные технологии в вузе: матер. X Междунар. науч.-метод. конф. (Екатеринбург, 6–8 февраля 2013 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://hdl.handle.net/10995/26728>. Загл. с экрана (дата обращения: 06.08.2017).

3. *Мацкевич И.М.* Интервью с первым главным редактором журнала «Юридическое образование и наука» Побезимовой Нелли Ивановной // Юридическое образование и наука. 2013. № 4. С. 2–3.

4. *Вияк О.И.* Об основных направлениях совершенствования научно-методического обеспечения деятельности помощников судей арбитражных судов / О.И. Вияк, Э.П. Доржиев, Ю.П. Гармаев // Юридический мир. 2013. № 7. С. 56–59.

5. *Крестьянников В.* Взгляд в будущее высшего образования / В. Крестьянников, Л. Чуйков // Аргументы недели. 2013. 18 апр. № 15(357). С. 4–5.

6. *Винокуров Ю.Е.* Безопасность профессиональной деятельности юриста // Административное и муниципальное право. 2013. № 5. С. 421–423.

7. *Шиколова И.* Интервью с председателем Законодательного собрания Красноярского края, руководителем Красноярского отделения Ассоциации юристов России Александром Викторовичем Уссом // Юридический мир. 2011. № 8. С. 4–5.

8. *Медведев Д.* Вузы готовят слишком много юристов // Ведомости. 2011. 15 февр. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vedomosti.ru/politics/news/1211368/medvedev_prizval_vuzy_prekratit_gotovit_beskonechnyh. Загл. с экрана (дата обращения: 12.08.2017).

9. *Гармаев Ю., Попова Е., Шаралдаева И.* Направления профессиональной адаптации студентов юридических вузов России // *Zagadnienia Społeczne, Niepaństwowa Wyższa Szkoła Pedagogiczna w Białymstoku*. 2016. № 2 (6). С. 215–229.

10. *Криминалистика: учеб. пособие* / Р.Н. Боровских, Ю.П. Гармаев, Б.Б. Глазунов / под общ. ред. Ю.П. Гармаева. Новосибирск: Альфа-Порте, 2015. 342 с.

11. *Россинская Е.Р.* Проблемы современной криминалистики и направления ее развития // Эксперт-криминалист. 2013. № 1. С. 2–6.

12. *Гармаев Ю.П.* Профессиональные стратегии успешного юриста. Слушать и смотреть всем студентам юрфаков! [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=MtkjojjVoil&index=2&t=38s&list=PLb41PRNETzNg8QA3kNWzCaazcQJgnfso>. Загл. с экрана (дата обращения: 29.08.2017).

13. *Гармаев Ю.П.* Профессиональная стратегия успешного юриста – 3 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=m1nabMvzFI4&list=PLb41PRNETzNg8QA3kNWzCaazcQJgnfso&index=1&t=43s>. Загл. с экрана (дата обращения: 29.08.2017).

14. *Гармаев Ю.П.* Профессиональная стратегия успешного юриста – 4 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=NrN-6p7F2LI&t=669s&list=PLb41PRNETzNg8QA3kNWzCaazcQJgnfso&index=4>. Загл. с экрана (дата обращения: 29.08.2017).

15. *Кови С.Р.* Семь навыков высокоэффективных людей: Мощные инструменты развития личности / пер. с англ. 10-е изд., доп. М.: Альпина Паблишер, 2015. 396 с.

16. *Багмет А.М., Цветков Ю.А.* Психологические аспекты управления временем в следственных органах // Юридическая психология. 2014. № 1. С. 3–6.

17. *Багмет А.М.* Организация учебной деятельности в Институте повышения квалификации Следственного комитета Российской Федерации // Юридическое образование и наука. 2014. № 2. С. 29–32.

18. «Мы учимся не для школы, а для жизни» (интервью с ректором Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина В.В. Блажеевым) // Прокурор. 2012. № 3. С. 79–84.

19. *Гузенюк Ф.* Как создать личную миссию [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.e-xecutive.ru/career/labormarket/1303726-kak-sozdat-lichnuu-missiu>. Загл. с экрана (дата обращения: 06.08.2017).

20. *Бычков А.В.* Практическая составляющая обучения в профессиональной стратегии студента-юриста уголовно-правовой специализации / А.В. Бычков, Ю.П. Гармаев // Юридическое образование и наука. 2010. № 2. С. 17–22.

21. *Об организации работы с общественными помощниками следователя в системе Следственного комитета Российской Федерации: Приказ Следственного комитета РФ от 04 мая*

2011 г. № 74 (вместе с «Положением об общественном помощнике следователя Следственного комитета Российской Федерации») [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant-plus.ru>. Загл. с экрана (дата обращения: 08.08.2017).

22. Елинский В.И. Организация работы учебных кабинетов криминалистики в системе Следственного комитета Российской Федерации в 2014 году (проблемы и меры по совершенствованию) // Российский следователь. 2015. № 15. С. 3–7.

23. Руководство для следователя и его общественного помощника: учеб.-практ. пособие / А.В. Бычков, Ю.П. Гармаев, Т.Т. Магомедов и др. / отв. ред. Ю.П. Гармаев (подготовлен для системы «КонсультантПлюс», 2010).

24. Оводов А.А. Интервью с директором Института повышения квалификации Следственного комитета Российской Федерации Анатолием Михайловичем Багметом // Юрист. 2013. № 23. С. 3–13.

25. Гармаев Ю.П. Руководство по поиску, получению и деперсонификации материалов судебно-следственной практики: учеб.-метод. пособие. 2009. 140 с. [Электронный ресурс]. Сайт МАСП. Режим доступа: <http://www.iuaj.net/node/1967>. Загл. с экрана (дата обращения: 29.08.2017).

26. Зайцев Р. 33 факта о планировании [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://interesno.co/myself/fbb439ed3406>. Загл. с экрана (дата обращения: 06.08.2017).

Garmaev Yuri P. Kuban State Agrarian University (Krasnodar, Russian Federation)

PREPARATION OF PROCEDURAL DOCUMENTS AS AN ELEMENT PRACTICE-ORIENTED APPROACH IN THE TEACHING OF CRIMINOLOGY AND OTHER LEGAL DISCIPLINES

Keywords: practice-oriented approach in teaching, forensic didactics, drafting of procedural documents, innovations in educational activities, professional strategy of a lawyer.

The article analyzes modern problems of the quality of legal education in Russia in general and the quality of the teaching of criminology, in particular. It is noted that in some institutions of higher education, individual teachers are separated from the practice of some didactic approaches. Conclusions are drawn that in training it is necessary to be guided by daily applied tasks of criminal law enforcement officers. And this, including, the need to compile a set of procedural documents of criminal justice. The author examines the organizational basis for conducting classes, making a special emphasis on modern approaches to motivating students. Thus, the faculty can help the student in the formation and implementation of a personal professional strategy. A student who has chosen a "practical" (rather than a scientific and teaching) direction in his strategy, for example, work in the investigative bodies of the Investigative Committee of the Russian Federation, may enter the workplace as a permanent public assistant to the investigator in the last training courses.

Further, an author's practice-oriented approach to the teaching of criminology and other legal disciplines is developed, developed and tested taking into account the unique conditions of Russian law enforcement. Particular attention is paid to the use in didactics of assignments for drafting procedural documents. For this purpose, an electronic database was developed with a large selection of examples of such documents. They can be downloaded in advance and placed in the computer class of the university, and on the introductory lesson, talk about the rules of access to information and methods of working with it. The trainee is encouraged to prepare his own draft documents on the computer, taking as a basis the corresponding electronic document from the database. Each student, among other tasks, should prepare for each practical lesson from 2 to 5 draft procedural documents, as well as assess the availability / absence of other trainee violations in the documents and / or forensic errors.

In addition, in the classroom it is recommended to give assignments on drawing up plans for investigation and countering it; plans for interrogations and other investigative actions; "Tree" versions; list of circumstances to be established and proved; schemes and tables (by qualification, by evidence, etc.), i.e. those documents, which in a non-procedural order are each representative of the prosecution. Examples of their compilation are in the mentioned database.

In conclusion, it is stated that, based on a practice-oriented approach, as well as from the synthetic nature of criminology science, training within its course should be based on an interdisciplinary basis, with mandatory integration of knowledge from other sciences of the anticriminal cycle, taking into account the real needs of practice and with purposeful work over the motivation of the trainees.

References

1. Tkachev, A.V. (2014) Use of new organizational structures in teaching criminalistics in higher educational institutions. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka – Juridical Education and Science*. 2. pp. 36–37. (In Russian).
2. Karepanov, N.V. (2013) [Methodology of teaching criminology under the tertiary education system using innovative methods (under new requirements of the standard)]. *Novyye obrazovatel'nye tekhnologii v vuze* [New Educational Technologies in the University]. Proc. of the Tenth International Conference. Ekaterinburg. February 6–8, 2013. [Online] Available from: <http://hdl.handle.net/10995/26728>. (Accessed: 6th August 2017). (In Russian).
3. Matskevich, I.M. (2013) Interv'y u s pervym glavnym redaktorom zhurnala “Yuridicheskoe obrazovanie i nauka” Pobezhimovoy Nelli Ivanovnoy [Interview with the first editor-in-chief of the journal “Juridical Education and Science” Pobyzhimova Nelli Ivanovna]. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka – Juridical Education and Science*. 4. pp. 2–3.
4. Vilyak, O.I., Dorzhiev, E.P. & Garmaev, Yu.P. (2013) Ob osnovnykh napravleniyakh sovershenstvovaniya nauchno-metodicheskogo obespecheniya deyatel'nosti pomoshchnikov sudey arbitrazhnykh sudov [On fundamental directions of improvement of methods ensuring the activities of judge assistants in appeal courts]. *Yuridicheskii mir – Juridical World*. 7. pp. 56–59.
5. Krestyannikov, V. & Chuykov, L. (2013) Vzgl'yad v budushchee vysshego obrazovaniya [A glance at the future of higher education]. *Argumenty nedeli*. 18th April. pp. 4–5.
6. Vinokurov, Yu.E. (2013) Security in the professional activities of a lawyer. *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo – Administrative and Municipal Law*. 5. pp. 421–423. (In Russian).
7. Shikolova, I. (2011) Interv'y u s predsedatelem Zakonodatel'nogo Sobraniya Krasnoyarskogo kraia, rukovoditelem Krasnoyarskogo otdeleniya Assotsiatsii yuristov Rossii Aleksandrom Viktorovichem Ussom [Interview with the Chairman of the Legislative Assembly of Krasnoyarsk Territory, Head of the Krasnoyarsk Branch of the Russian Association of Lawyers, Aleksandr Viktorovich Uss]. *Yuridicheskii mir – Juridical World*. 8. pp. 4–5.
8. Medvedev, D. (2011) Vuzy gotovyat slishkom mnogo yuristov [Universities are preparing too many lawyers]. *Vedomosti*. 15th February. [Online] Available from: http://www.vedomosti.ru/politics/news/1211368/medvedev_prizval_vuzy_prekratit_gotovit_beskonechnyh. (Accessed: 12th August 2017).
9. Garmaev, Yu., Popova, E. & Sharaldaeva, I. (2016) Napravleniya professional'noy adaptatsii studentov yuridicheskikh vuzov Rossii [Professional adaptation of Russian law students]. *Zagadnienia Społeczne, Niepaństwowa Wyższa Szkoła Pedagogiczna w Białymstoku*. 2(6). pp. 215–229.
10. Borovskikh, R.N., Garmaev, Yu.P. & Glazunov, B.B. (2015) *Kriminalistika* [Criminalistics]. Novosibirsk: Al'fa-Porte.
11. Rossinskaya, E.R. (2013) Problemy sovremennoy kriminalistiki i napravleniya ee razvitiya [Problems of Contemporary Criminalistics and Its Development]. *Ekspert-kriminalist – Expert-Criminalist*. 1. pp. 2–6.
12. Garmaev, Yu.P. (n.d.) *Professional'nye strategii uspeshnogo yurista. Slushat' i smotret' vsem studentam yurfakov!* [Professional strategies of a successful lawyer. To be listened and watched by all law students!]. [Online] Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=MtkjojjVoiI&index=2&t=38s&list=PLb41PRNETzNg8QA3kNWzCaazcQJgnffso>. (Accessed: 29th August 2017).
13. Garmaev, Yu.P. (n.d.) *Professional'naya strategiya uspeshnogo yurista – 3* [Professional strategy of a successful lawyer – 3]. [Online] Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=m1nabMvzFI4&list=PLb41PRNETzNg8QA3kNWzCaazcQJgnffso&index=1&t=43s>. (Accessed: 29th August 2017).
14. Garmaev, Yu.P. (n.d.) *Professional'naya strategiya uspeshnogo yurista – 4* [Professional strategy of a successful lawyer – 4]. [Online] Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=NrN-6p7F2LI&t=669s&list=PLb41PRNETzNg8QA3kNWzCaazcQJgnffso&index=4>. (Accessed: 29th August 2017).
15. Covi, S.R. (2015) *Sem' navykov vysokoeffektivnykh lyudey: Moshchnye instrumenty razvitiya lichnosti* [The 7 Habits of Highly Effective People: Restoring the Character Ethic]. Translated from English. 10th ed. Moscow: Al'pina Publisher.
16. Bagmet, A.M. & Tsvetkov, Yu.A. (2014) Psychological aspects of time management in investigating bodies. *Yuridicheskaya psikhologiya – Juridical Psychology*. 1. pp. 3–6. (In Russian).

17. Bagmet, A.M. (2014) Organization of the educational activities in the Institute of Advanced Training of the Investigatory Committee of the RF. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka – Juridical Education and Science*. 2. pp. 29–32. (In Russian).

18. Blazheev, V.V. (2012) “My uchimsya ne dlya shkoly, a dlya zhizni” (interv'yu s rektorom Moskovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii im. O.E. Kutafina V.V. Blazheevym) [“We study not for school, but for life” (interview with the rector of the O.E. Kutafin Moscow State Law Academy V.V. Blazheev)]. *Prokuror*. 3. pp. 79–84.

19. Guzenyuk, F. (n.d.) *Kak sozdat' lichnyuyu missiyu* [How to create a personal mission]. [Online] Available from: <http://www.e-xecutive.ru/career/labormarket/1303726-kak-sozdat-lichnuu-missiu>. (Accessed: 6th August 2017).

20. Bychkov, A.V. & Garmaev, Yu.P. (2010) Prakticheskaya sostavlyayushchaya obucheniya v professional'noy strategii studenta-yurista ugovolno-pravovoy spetsializatsii [Practical component of training in the professional strategy of a law student who majors in criminal law]. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka – Juridical Education and Science*. 2. pp. 17–22.

21. Investigative Committee of the Russian Federation. (2011) *On the organisation of work with public assistants of the investigator in the system of the Investigative Committee of the Russian Federation: Order No. 74 of the Investigative Committee of the Russian Federation of May 4, 2011 (together with the Regulations on the Public Assistant to the Investigator of the Investigative Committee of the Russian Federation)*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115274/. (Accessed: 8th August 2017). (In Russian).

22. Elinskiy, V.I. (2015) Organization of work of criminalistic training rooms in the system of the investigative committee of the Russian Federation in 2014 (problems and measures of improvement). *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 15. pp. 3–7. (In Russian).

23. Garmaev, Yu.P. (ed.) (2010) *Rukovodstvo dlya sledovatelya i ego obshchestvennogo pomoshchnika* [A Guide For The Investigator and His Public Assistant]. [Online] Available from: <http://www.rumvi.com>.

24. Ovodov, A.A. (2013) Interv'yu s direktorom Instituta povysheniya kvalifikatsii Sledstvennogo komiteta Rossiyskoy Federatsii Anatoliem Mikhaylovichem Bagmetom [Interview with the director of the Institute for Advanced Studies of the Investigative Committee of the Russian Federation Anatoly Mikhailovich Bagmet]. *Yurist – Jurist*. 23. pp. 3–13.

25. Garmaev, Yu.P. (2009) *Rukovodstvo po poisku, polucheniyu i depersonifikatsii materialov sudebno-sledstvennoy praktiki* [Guidelines for the Search, Receipt and Depersonification of Forensic Investigation Materials]. [Online] Available from: <http://www.iaaj.net/node/1967>. (Accessed: 29th August 2017).

26. Zaytsev, R. (2015) *33 fakta o planirovanii* [33 Facts about Planning]. [Online] Available from: <http://interesno.co/myself/fbb439ed3406>. (Accessed: 6th August 2017).

УДК 343.13

DOI: 10.17223/22253513/25/6

В.Н. Григорьев

**О МЕДИЦИНСКИХ ДОКУМЕНТАХ ПРИ ИЗМЕНЕНИИ
ОБВИНЯЕМОМУ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В СВЯЗИ С ТЯЖЕЛЫМ
ЗАБОЛЕВАНИЕМ (ДЕТАЛЬНАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ
КАК ПРЕПЯТСТВИЕ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЮ ПРАВОМ)¹**

На основе анализа нормативных актов и других источников, обобщения судебной практики сформулированы аргументированные положения о нормативно-правовой основе, видах и форме медицинских документов, составляемых в различных ситуациях, связанных с изменением обвиняемому меры пресечения в связи с тяжелым заболеванием, препятствующим его содержанию под стражей. Отдельное внимание уделено вопросу о правовом значении медицинских документов из лечебного учреждения иностранного государства.

Ключевые слова: заключение под стражу, препятствующее содержанию под стражей, тяжелое заболевание, медицинские документы, регламентация медицинских документов в уголовном процессе, изменение меры пресечения, экстрадиция обвиняемого, злоупотребление правом.

Медицинские документы, необходимые для обоснования решения при изменении обвиняемому меры пресечения в связи с тяжелым заболеванием, препятствующим его содержанию под стражей, являются непосредственным предметом нормативно-правового регулирования на уровне как федерального законодательства, так и подзаконных нормативных актов (Т.В. Трубникова, Ю.К. Якимович [1. С. 39], Н.В. Ильютченко [2. С. 252–253] и др.).

Так, Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. № 434-ФЗ «О внесении изменений в ст. 110 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и ст. 24 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» [3] ст. 110 УПК РФ дополнена ч. 1¹, в которой установлены некоторые особенности порядка изменения меры пресечения в виде заключения под стражу на более мягкую при выявлении у обвиняемого в совершении преступления тяжелого заболевания, препятствующего его содержанию под стражей. Эти особенности касаются, в частности, требования закона об удостоверении тяжелого заболевания, препятствующего содержанию под стражей, медицинским заключением, вынесенным по результатам медицинского освидетельствования. Здесь же установлено, что перечень тяжелых заболеваний, препятствующих содержанию под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, порядок их медицинского освидетельствования и форма медицинского заключения утверждаются Правительством Российской Федерации.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ, проект № 16-03-00413.

В 2017 г. Федеральным законом от 1 июля 2017 г. № 137-ФЗ «О внесении изменения в статью 110 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [4] указанная ч. 1¹ ст. 110 УПК РФ дополнена нормой о том, что решение об изменении меры пресечения в виде заключения под стражу принимается дознавателем, следователем или судом, в производстве которых находится уголовное дело, не позднее 3 суток со дня поступления к ним из мест содержания под стражей копии медицинского заключения.

В профессиональной литературе аргументированно отмечается детальный характер регламентации в ч. 1¹ ст. 110 УПК вопросов медицинской деятельности, в отличие, например, от положений п. 2 ч. 1 ст. 238 УПК РФ, которые не позволяют установить, в чью компетенцию входит утверждение Перечня тяжелых заболеваний, влекущих приостановление производства по уголовному делу, порядка медицинского освидетельствования и формы медицинского заключения [5. С. 30].

В соответствии со ст. 110 УПК РФ Правительство Российской Федерации 14 января 2011 г. приняло Постановление № 3 «О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений» [6], которым утвердило Правила медицинского освидетельствования подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений; перечень тяжелых заболеваний, препятствующих содержанию под стражей подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений; форму медицинского заключения о наличии (отсутствии) тяжелого заболевания, включенного в перечень тяжелых заболеваний, препятствующих содержанию под стражей подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений.

Согласно п. 2 Правил медицинского освидетельствования подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений (далее по тексту – Правила) для рассмотрения вопроса о направлении подозреваемого или обвиняемого на медицинское освидетельствование необходимо обратиться к следователю либо начальнику места содержания под стражей с письменным заявлением подозреваемого или обвиняемого либо его законного представителя или защитника о наличии у подозреваемого или обвиняемого тяжелого заболевания, включенного в Перечень. Данное заболевание должно подтверждаться медицинскими документами, содержащими данные стационарного медицинского обследования. Вторым способом для рассмотрения указанного вопроса является ходатайство руководителя медицинского подразделения места содержания под стражей, адресованное начальнику места содержания под стражей, подтвержденное медицинскими документами.

В данном случае речь идет об обычных медицинских документах, принятых в практике медицинского обслуживания, не предназначенных непосредственно для обоснования процессуальных решений о мере пресечения, но лежащих в основе решения о направлении на медицинское освидетельствование либо об отказе в этом. В определении Санкт-Петербургского городского суда от 12.02.2014 № 33-1551/2014 [7], например, специально отмечается, что непредставление медицинских документов или отсутствие в представленных медицинских документах сведений о наличии у подозреваемого или обвиняемого заболеваний, включенных в Перечень, является основанием для отказа в направлении на медицинское освидетельствование.

Далее в соответствии с п. 3 Правил следователь либо начальник места содержания под стражей рассматривает заявление обвиняемого или ходатайство руководителя медицинского подразделения места содержания под стражей с прилагаемыми медицинскими документами и в течение рабочего дня, следующего за днем их получения, принимает решение о направлении обвиняемого на медицинское освидетельствование в медицинскую организацию государственной или муниципальной системы здравоохранения либо выносит постановление о мотивированном отказе в направлении на медицинское освидетельствование при отсутствии медицинских документов.

В соответствии с п. 6 Правил при принятии решения о направлении обвиняемого на медицинское освидетельствование следователь либо начальник места содержания под стражей, рассмотревший заявление обвиняемого или ходатайство руководителя медицинского подразделения места содержания под стражей, оформляет направление на медицинское освидетельствование, форма которого утверждается Министерством здравоохранения Российской Федерации по согласованию с Министерством юстиции Российской Федерации. В настоящее время применяется форма этого документа, утвержденная Приказом Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 16 марта 2011 г. № 208н «Об утверждении формы направления на медицинское освидетельствование подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, в отношении которого избрана мера пресечения в виде заключения под стражу» [8]. К направлению на медицинское освидетельствование прилагаются медицинские документы, содержащие данные стационарного медицинского обследования.

В соответствии с п. 9 Правил медицинское освидетельствование обвиняемого осуществляется врачебной комиссией медицинской организации, определенной органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации в сфере здравоохранения, в которой имеются условия, необходимые для проведения соответствующих исследований и обеспечения прав и законных интересов лица, в отношении которого проводится медицинское освидетельствование.

Согласно п. 11 Правил медицинское освидетельствование проводится в течение 5 рабочих дней со дня поступления в медицинскую организацию направления на медицинское освидетельствование с вынесением медицинского заключения по форме, утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 14 января 2011 г. № 3, которая приложена к данному постановлению в виде бланка документа.

Несоблюдение на практике установленной формы медицинского заключения является основанием для отказа в удовлетворении ходатайства об изменении больному меры пресечения на не связанную с лишением свободы [9]. Равно как, наоборот, соблюдение требований к форме и содержанию такого заключения служит основанием для допустимости его использования при обосновании принимаемых по делу решений [10].

В соответствии с п. 12 Правил по результатам медицинского освидетельствования врачебная комиссия выносит медицинское заключение о наличии или отсутствии у обвиняемого тяжелого заболевания, включенного в Перечень. Верховный Суд Российской Федерации в решении от 25 мая 2016 г.

№ АКПИ16-307 «Об отказе в удовлетворении заявления о признании частично недействующим Постановления Правительства РФ от 14.01.2011 № 3 «О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений» [11] подтвердил, что оспариваемые положения нормативного правового акта, касающиеся Перечня тяжелых заболеваний, препятствующих содержанию под стражей подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений, являются ясными и определенными и не допускают их неоднозначного толкования, учитывают как правовое положение подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, так и наличие у них выявленных тяжких заболеваний, препятствующих содержанию под стражей.

Далее согласно п. 13 Правил в течение рабочего дня, следующего за днем вынесения медицинского заключения о наличии или отсутствии у обвиняемого тяжелого заболевания, включенного в Перечень, руководитель медицинской организации направляет указанное медицинское заключение начальнику места содержания под стражей с приложением медицинских документов. После чего в соответствии с п. 14 Правил копии медицинского заключения о наличии или отсутствии у обвиняемого тяжелого заболевания, включенного в Перечень, направляются либо вручаются под роспись начальником места содержания под стражей следователю, обвиняемому и его защитнику в течение календарного дня, следующего за днем поступления медицинского заключения в администрацию места содержания под стражей.

Сведения о медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых заносятся медицинской организацией в журнал регистрации медицинских освидетельствований подозреваемых или обвиняемых. Форма указанного журнала, порядок его ведения и хранения утверждаются Министерством здравоохранения Российской Федерации. В настоящее время действуют формы и порядок, утвержденные приказом Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 16 марта 2011 г. № 209н [12].

Далее из требований ч. 1¹, 2 и 3 ст. 110 УПК РФ и Правил следует, что, получив медицинское заключение о наличии у обвиняемого тяжелого заболевания, включенного в Перечень, следователь с согласия руководителя следственного органа отменяет или изменяет меру пресечения. Выше уже отмечалось, что исчисление установленного законом 3-суточного срока для принятия решения законодатель связывает с днем поступления к дознавателю, следователю или суду, в производстве которых находится уголовное дело, копии медицинского заключения.

Существенное значение этот документ имеет и на этапе продления срока содержания под стражей. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 19 декабря 2013 г. № 41 (ред. от 24.05.2016) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» [13] предусматривает, что исходя из положений ст. 109 УПК РФ во взаимосвязи с ч. 1¹ ст. 110 УПК РФ суд не вправе продлить срок содержания под стражей обвиняемого, если у него выявлено препятствующее содержанию под стражей заболевание, которое удо-

становлено медицинским заключением по результатам медицинского освидетельствования, проведенного в установленном порядке (п. 25).

Требования к самому факту представления медицинских документов, подтверждающих наличие тяжелых заболеваний, препятствующих содержанию под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, и к их форме достаточно высокие, и их несоблюдение влечет принятие соответствующего отрицательного решения.

Изучение судебной практики по изменению меры пресечения по основанию наличия заболевания, препятствующего содержанию под стражей (ч. 1¹ ст. 110 УПК РФ) (проанализировано 295 апелляционных постановлений Московского городского суда за период с 2011 по 2017 г., содержащихся в базе СПС «КонсультантПлюс» [14]), показывает, что нет ни одного положительного решения об изменении меры пресечения на стадии предварительного расследования при отсутствии медицинского заключения установленной формы. Практически во всех этих случаях в качестве основания для отказа в изменении меры пресечения указано отсутствие (либо в соответствующих случаях – наличие) соответствующего медицинского заключения, вынесенного по результатам медицинского освидетельствования, либо его несоответствие установленной форме.

Так, Апелляционным постановлением Московского городского суда от 14.07.2016 № 10-11270/2016 отказано в удовлетворении ходатайства об изменении меры пресечения в виде заключения под стражу на залог обвиняемому в совершении преступлений, предусмотренных ст. 159, 159.4, 193 УК РФ (мошенничество; мошенничество в сфере предпринимательской деятельности; уклонение от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте России). Судья, не согласившись с доводами ходатайства следователя, в качестве оснований указал, что медицинского освидетельствования на предмет наличия тяжелого заболевания обвиняемому проведено не было, заключение врачей-психологов не является предусмотренным законом медицинским заключением, а других оснований для изменения меры пресечения ходатайство следователя не содержит.

Апелляционным постановлением Московского городского суда от 20.09.2016 по делу № 10-15208/2016 оставлено без изменения постановление следователя, которым обвиняемой в совершении преступлений, предусмотренных ст. 159 УК РФ (мошенничество) изменена мера пресечения в виде заключения под стражу на подписку о невыезде и надлежащем поведении. Вопреки доводам прокурора и потерпевших, выводы суда о необходимости изменения М. меры пресечения в виде заключения под стражу на подписку о невыезде и надлежащем поведении были сделаны судом на основании материалов уголовного дела, в частности медицинского заключения специальной врачебной комиссии о наличии у М. тяжелого заболевания, включенного в Перечень тяжелых заболеваний, препятствующих содержанию под стражей, которые подтверждают обоснованность принятого судом решения и отвечают требованиям ч. 1¹ ст. 110 УПК РФ.

Апелляционным постановлением от 3 ноября 2015 г. по делу № 10-15560/2015 Московский городской суд отказал в удовлетворении ходатайства защитника об изменении М. меры пресечения в виде заключения под стражу на

домашний арест при том, что в отношении М. было проведено медицинское освидетельствование комиссией врачей ГБУЗ ГKB № 67 им. Л.А. Ворохобова ДЗМ, которая пришла к заключению о наличии у последнего заболевания, включенного в Перечень тяжелых заболеваний, препятствующих содержанию под стражей обвиняемого в совершении преступлений. В обоснование своего решения суд указал, что представленное заключение содержит противоречия как в анкетных данных обвиняемого М., так и в сведениях о лице, по чьему ходатайству проведено данное медицинское освидетельствование.

В основе решений об отказе в изменении меры пресечения по основанию наличия заболевания, препятствующего содержанию под стражей (ч. 1¹ ст. 110 УПК РФ), лежат такие стандартные обстоятельства: «в материалы дела не представлено медицинское заключение», «судебной коллегии не представлено медицинское заключение, основанное на проведении медицинского освидетельствования, подтверждающее наличие у лица тяжелых заболеваний, препятствующих содержанию под стражей», «представленные стороной защиты дополнительные документы о состоянии здоровья не соответствуют положениям ч. 1¹ ст. 110 УПК РФ» и т.п.

Отдельного обсуждения заслуживает возникающий в ситуации экстрадиции вопрос о правовом значении медицинских документов (медицинских заключений) из лечебного учреждения иностранного государства о стационарном медицинском обследовании обвиняемого, свидетельствующих о наличии у него заболевания, препятствующего в российском уголовном производстве его содержанию под стражей. В этой ситуации в соответствии с Правилами медицинского освидетельствования подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений, утвержденными Постановлением Правительства Российской Федерации от 14 января 2011 г. № 3 «О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений», необходимо различать:

1) медицинские документы, содержащие данные стационарного медицинского обследования, как основание для рассмотрения вопроса о направлении подозреваемого или обвиняемого на медицинское освидетельствование на предмет обнаружения у подозреваемого или обвиняемого тяжелого заболевания, включенного в Перечень тяжелых заболеваний, препятствующих содержанию под стражей (п. 2 Правил);

2) медицинское заключение о наличии или отсутствии у подозреваемого или обвиняемого тяжелого заболевания, включенного в Перечень тяжелых заболеваний, препятствующих содержанию под стражей, которое врачебная комиссия медицинской организации государственной или муниципальной системы здравоохранения выносит по результатам медицинского освидетельствования (п. 12 Правил).

Исходя из этого, следует сразу исключить возможность представления медицинских документов (медицинских заключений) из лечебного учреждения иностранного государства о стационарном медицинском обследовании обвиняемого, свидетельствующих о наличии у него заболевания, требующего, например, проведения регулярной экстракорпоральной детоксикации (гемодиализа), в качестве медицинского заключения, вынесенного по результатам медицинского освидетельствования (п. 12 Правил), на основании которо-

го в соответствии с ч. 1¹ ст. 110 УПК РФ решается вопрос об изменении меры пресечения в виде заключения под стражу на более мягкую при выявлении у подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления тяжелого заболевания, препятствующего его содержанию под стражей. Такое заключение может исходить только из медицинской организации государственной или муниципальной системы здравоохранения Российской Федерации в форме, специально утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 14 января 2011 г. № 3.

Что касается других документов, представление которых предусмотрено для рассмотрения вопроса о направлении подозреваемого или обвиняемого на медицинское освидетельствование в подтверждение письменного заявления подозреваемого или обвиняемого либо его законного представителя или защитника о наличии у подозреваемого или обвиняемого тяжелого заболевания, включенного в Перечень (п. 2 Правил), требования к ним другие. Указанные документы должны быть, во-первых, медицинскими, т.е. выданными медицинским учреждением, во-вторых, они должны содержать данные стационарного медицинского обследования и, в-третьих, исходя из контекста, свидетельствовать о наличии у подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений тяжелого заболевания, включенного в Перечень тяжелых заболеваний, препятствующих содержанию под стражей подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений.

Какие-либо иные требования к этим документам (п. 2 Правил) не предусмотрены. В частности, ничего не сказано об организационно-правовой форме медицинского учреждения. Стало быть, это могут быть документы, выданные как в медицинской организации государственной или муниципальной системы здравоохранения, так и в негосударственной медицинской организации. Ничего не сказано также и о стране регистрации учреждения. Поэтому это может быть как российская медицинская организация, так и иностранная организация, предоставляющая медицинские услуги на территории России, а также зарубежная медицинская организация.

Поэтому у следователя отсутствуют формальные препятствия для принятия медицинских документов (медицинских заключений) из лечебного учреждения иностранного государства, свидетельствующих о наличии у лица заболевания, в качестве достаточного основания для рассмотрения вопроса о направлении подозреваемого или обвиняемого на медицинское освидетельствование.

Вместе с тем следователь, не обязанный в деталях знать зарубежную систему здравоохранения, может столкнуться с естественными трудностями в оценке легитимности и достоверности представленных документов, выданных зарубежной медицинской организацией. Поэтому будет правомерной его реакция предложить представить эти документы в российские медицинские организации как основание для прохождения стационарного медицинского обследования. И уже на основании медицинских документов, выданных российской организацией, содержащих данные стационарного медицинского обследования, принимать решение по существу.

Исходя из этого, а также с учетом негативных тенденций в практике рассмотрения следователями заявлений и ходатайств обвиняемых и их защитни-

ков существует высокая вероятность отказа в направлении обвиняемого на медицинское освидетельствование при представлении медицинских документов (медицинских заключений) из лечебного учреждения иностранного государства по формальному основанию – отсутствию не вызывающих сомнения в легитимности и достоверности медицинских документов стационарного медицинского обследования.

Сказанное отчасти находит подтверждение в представленной переписке правоохранительных органов Российской Федерации и ФРГ по поводу экстрадиции обвиняемого Х., в частности, в письме заместителя Генерального прокурора РФ Федеральному министру юстиции и защиты прав потребителей ФРГ от 12 мая 2016 г. и в письме помощника Генерального прокурора РФ в Федеральное ведомство юстиции ФРГ от 26 сентября 2016 г. [15].

Так, в письме заместителя Генерального прокурора РФ от 12 мая 2016 г. № 81/3-145-2016, в частности, сказано: «Принимая во внимание, что в соответствии с российским законодательством заболевание, диагностированное у Х. германскими врачами, исключает содержание его под стражей в Российской Федерации, в случае выдачи его в Россию и **подтверждения диагноза** (выделено мной. – В.Г.), органами предварительного следствия будет рассмотрен вопрос об изменении ему меры пресечения в виде заключения под стражу на иную, не связанную с содержанием лица в следственном изоляторе». В этом контексте я хочу акцентировать внимание на словах о необходимости «подтверждения диагноза», прямо свидетельствующих о том, что в основу процессуального решения могут быть положены лишь российские медицинские документы.

Детальная регламентация, четкое представление о системе и форме документов, составляемых в различных ситуациях, связанных с изменением обвиняемому меры пресечения в связи с тяжелым заболеванием, препятствующим его содержанию под стражей, а также их нормативно-правовой основе поможет избежать ошибок и воспрепятствовать злоупотреблению правом, квалифицированно защитить права и законные интересы участников уголовного производства [16].

Литература

1. *Уголовно-процессуальное право Российской Федерации* / отв. ред. Ю.К. Якимович. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007. 890 с.
2. *Курс уголовного процесса* / под ред. Л.В. Головки. М.: Статут, 2016. 1278 с.
3. *Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 434-ФЗ «О внесении изменений в статью 110 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статью 24 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»* // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 1. Ст. 46.
4. *Федеральный закон от 1 июля 2017 года № 137-ФЗ «О внесении изменений в статью 110 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»* // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 27. Ст. 3934.
5. *Шишов М.А.* Актуальные проблемы медицинской экспертизы // *Медицинское право*. 2014. № 4. С. 28–33.
6. *Постановление Правительства Российской Федерации от 14 января 2011 г. № 3 (ред. 04.09.2012 № 882) «О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений»* // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 4. Ст. 608; 2012. № 37. Ст. 5002.

7. *Определение* Санкт-Петербургского городского суда от 12.02.2014 № 33-1551/2014 «Заявление об оспаривании постановления об отказе в направлении на медицинское освидетельствование удовлетворено, поскольку представленными копиями медицинских документов подтверждается факт наличия у обвиняемого заболевания, препятствующего его содержанию под стражей». Документ опубликован не был // КонсультантПлюс (дата обращения: 04.07.2017).

8. *Приказ* Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 16 марта 2011 г. № 208н «Об утверждении формы направления на медицинское освидетельствование подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, в отношении которого избрана мера пресечения в виде заключения под стражу» // Российская газета. 2011. № 66. 30 марта.

9. *Определение* Конституционного Суда Российской Федерации от 3 июля 2014 г. № 1485-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дохова Михаила Башировича на нарушение его конституционных прав частью первой¹ статьи 110 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Документ опубликован не был // КонсультантПлюс (дата обращения: 04.07.2017).

10. *Апелляционное определение* Ростовского областного суда от 21.08.2015 по делу № 33-11703/2015 «В удовлетворении требования отказано, поскольку форма и содержание оспариваемого заключения свидетельствуют о том, что установленный Постановлением Правительства РФ от 14.01.2011 № 3 порядок медицинского освидетельствования истца комиссией врачей был соблюден». Документ опубликован не был // КонсультантПлюс (дата обращения: 04.07.2017).

11. *Решение* Верховного Суда Российской Федерации от 25 мая 2016 г. № АКПИ16-307 «Об отказе в удовлетворении заявления о признании частично недействующим Постановления Правительства РФ от 14.01.2011 № 3 «О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений». Документ опубликован не был // КонсультантПлюс (дата обращения: 04.07.2017).

12. *Приказ* Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 16 марта 2011 г. № 209н «Об утверждении формы, Порядка ведения и хранения журнала регистрации медицинских освидетельствований подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу» // Российская газета. 2011. № 66. 30 марта.

13. *Постановление* Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 (ред. от 24.05.2016) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2014. № 2.

14. *Дополнительная информация* к абзацу «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2017) 1.1. Мера пресечения в виде заключения под стражу также изменяется на более мягкую при выявлении... // Судебная практика. Суды общей юрисдикции // КонсультантПлюс (дата обращения: 04.07.2017).

15. *Дело* об экстрадиции из Федеративной Республики Германии в Российскую Федерацию Х., находящееся с 2016 года в производстве Генеральной прокуратуры Мюнхена: в 2 ч. на 351 листе (ксeroкопия).

16. *Андреева О.И.* Право на защиту должно быть реальным, практически осуществимым и не иллюзорным // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 4. С. 10–14.

Grigoriev Victor N. All-Russian Institute of advanced training of employees of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation (Domodedovo, Russian Federation)

ABOUT MEDICAL DOCUMENTS WHEN CHANGING A MEASURE OF RESTRAINT IN CONNECTION WITH A SERIOUS ILLNESS OF THE DEFENDANT (A DETAILED REGULATION AS PREVENTION OF THE ABUSE OF RIGHT)

Keywords: the detention, the serious illness interfering detention, medical documents, regulation of medical documents in criminal trials, change of a measure of restraint, an extradition of the defendant, abuse of right.

The article formulates the reasoned regulations on a standard and legal basis, system and a form of the medical documents made in various situations connected with changing measures of restraint in connection with the serious illness of the defendant that prevents his remand in custody.

The federal legislation establishes the following norms: about the certificate of the serious illness interfering detention, the medical certificate which is taken out by results of medical examination; about the approval of the list of serious illnesses interfering the detention of suspects and accused of commission of crimes, order of their medical examination and form of the medical certificate by the Government of the Russian Federation (the Federal Law of December 29, 2010 No. 434-FZ); about making decision on changing a measure of restraint in the form of detention no later than 3 days from the date of receipt of the copy of medical certificate (the Federal Law of July 1, 2017 No. 137-FZ).

According to Article 110 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation the Government of the Russian Federation approved Rules of medical examination of suspects or those accused of commission of crimes; the list of serious illness interfering detention of suspects or those accused of commission of crimes; the form of a medical certificate of existence or absence of a serious illness included into the list of serious illnesses (Resolution No. 3 of January 14, 2011).

According to the Rules of medical examination of suspects or those accused of crimes, the Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation approved the form of certification for medical examination of suspects or defendants (the Order of March 16, 2011 No. 208n), the form, order of maintaining and storage of registration log books of medical surveys of suspects or defendants (the Order of March 16, 2011 No. 209n).

The significance of requirements to the order and form of drawing up medical documents in various situations when changing of restraint measures is connected with a serious illness interfering the detention of the defendant and the consequences of their violation is shown on the materials of judicial and investigative practice. Special attention is paid to the question of legal validity of medical documents from medical institutions of a foreign state on stationary medical examination of the defendant that confirm the disease interfering his detention according to the Russian criminal proceedings.

References

1. Yakimovich, Yu.K. (ed.) (2007) *Ugolovno-protsessual'noe pravo Rossiyskoy Federatsii* [The Criminal Procedure Law of the Russian Federation]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
2. Golovko, L.V. (ed.) (2016) *Kurs ugolovnogo protsessa* [Criminal Process]. Moscow: Statut.
3. Russian Federation. (2011) Federal Law No. 434-FZ of December 29, 2010 On Amending Article 110 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and Article 24 of the Federal Law On the Detention of Suspects and Accused of Committing Crimes. *Legislative Bulletin of the Russian Federation*. 1. Art. 46. (In Russian).
4. Russian Federation. (2017) Federal Law No. 137-FZ of 1 July 2017 On Amending Article 110 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. *Legislative Bulletin of the Russian Federation*. 27. Art. 3934. (In Russian).
5. Shishov, M.A. (2014) Topical problems of medical expertise. *Meditinskoe pravo – Medical Law*. 4. pp. 28–33. (In Russian).
6. Government of the Russian Federation. (2011) Decree No. 3 of the Government of the Russian Federation of January 14, 2011, (edited as No. 882 on September 4, 2012) On Medical Examination of Suspects or Accused of Committing Crimes. *Legislative Bulletin of the Russian Federation*. 4. Art. 608. (In Russian).
7. St. Petersburg City Court. (2014) *Resolution No. 33-1551 / 2014 of the St. Petersburg City Court of February 12, 2014, The application on challenging the decision to refuse to go to medical examination is satisfied, because the copies of medical documents submitted have proved the fact that the accused has a disease that prevents his detention*. Document was not published. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SOJ;n=889439#0>. (Accessed: 04.07.2017). (In Russian).
8. Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation. (2011) Order No. 208n of the Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation of March 16, 2011, On the approval of the form of referral for medical examination of a suspect or accused in the commission of a crime, against which a preventive measure was placed in custody. *Rossiyskaya gazeta*. 30th March. (In Russian).
9. Constitutional Court of the Russian Federation. (2014) *Resolution No. 1485-O of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 3, 2014, On refusal to accept for consideration the*

complaint of citizen Mikhail Bashirovich Dokhov on violation of his constitutional rights by Part One of Article 110 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. Document was not published. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=402579#0>. (Accessed: 4th July 2017). (In Russian).

10. Rostov Regional Court. (2015) *The appellate ruling of the Rostov Regional Court of August 21, 2015 in case No. 33-11703 / 2015 "The request was denied because the form and content of the contested conclusion testify that the medical board has observed the procedure for medical examination of the plaintiff established by Decree No. 3 of the Government of the Russian Federation of January 14, 2011.* Document was not published. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SOJ;n=1289154#0>. (Accessed: 4th July 2017). (In Russian).

11. Supreme Court of the Russian Federation. (2016) *Decision No. АКП116-307 of the Supreme Court of the Russian Federation of May 25, 2016, On refusal to satisfy the application for recognition of as partially inoperative Government Decree № 3 of January 14, 2011, On medical examination of suspects or accused of committing crimes.* Document was not published. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200201/. (Accessed: 4th July 2017). (In Russian).

12. Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation. (2011) Order No. 209Н of the Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation of March 16, 2011, On the approval of the form, the Procedure for maintaining and storing the register of medical examinations of suspects or accused in committing a crime, against whom a preventive measure in the form of detention was taken. *Rossiyskaya gazeta*. 30th March. (In Russian).

13. Supreme Court of the Russian Federation. (2014) Decree No. 41 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 19, 2013, (edited on May 24, 2016), On the practice of the applying legislation on preventive measures in the form of detention, home arrest and bail. *Byulleten' Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii*. 2. (In Russian).

14. Russian Federation. (2017) *Additional information to the paragraph "The Code of Criminal Procedure of the Russian Federation" No. 174-FZ of December 18, 2001 (as amended on July 1, 2017) 1.1. The measure of restraint in the form of detention is also changed to a softer one when it is identified* [Online] Available from: [Konsul'tantPlyus](http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SOJ;n=1289154#0). (Accessed: 4th July 2017). (In Russian).

15. Prosecutor-General's Office of Munich. (2016) *Delo ob ekstraditsii iz Federativnoy Respubliki Germanii v Rossiyskuyu Federatsiyu Kh., nakhodyashcheysya s 2016 goda v proizvodstve General'noy prokuratury Myunkhena: v 2 ch. na 351 liste* [The case of extradition from the Federal Republic of Germany to the Russian Federation of H., stored since 2016 in the Prosecutor-General's Office of Munich: 2 parts, 351 pages]. [Photocopy].

16. Andreeva, O.I. (2016) *Pravo na zashchitu dolzhno byt' real'nym, prakticheski osushchestvlyimym i ne illyuzornym* [The right to defense must be real, practically feasible and not illusory]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. 4. pp. 10–14.

УДК 343.2.01

DOI: 10.17223/22253513/25/7

Ф.В. Грушин

**РЕЛИГИОЗНОЕ СОСТОЯНИЕ ОБЩЕСТВА КАК ФАКТОР,
ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ РАЗВИТИЕ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ
ПОЛИТИКИ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

Рассматриваются различные аспекты влияния религиозного состояния общества на развитие уголовно-исполнительной политики и уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная политика, уголовно-исполнительное законодательство, религия, уголовно-исполнительная система, факторы.

Десятилетиями складывающаяся система средств исправления осужденных в настоящее время не отвечает современным реалиям в сфере исполнения уголовных наказаний. Во-первых, это связано с тем, что в действующем УИК РФ содержатся далеко не все имеющиеся средства исправления (например, отсутствует социальная и психологическая работа с осужденными), а во-вторых, труд осужденных, который десятилетиями использовался если не как единственное, то, как минимум, самое основное средство исправления, в современных рыночных экономических условиях не справляется с выполнением своей функции. Это подтверждается данными статистики. Если в советский период доля осужденных к лишению свободы, обеспеченных трудом приближалась к 100 %, то впоследствии она постоянно снижалась и по данным переписи 2009 г. достигла рекордно низких показателей – 50,7 % у осужденных женщин и 37,2 % у осужденных мужчин [1. С. 436]. Все это негативным образом сказывается на исправлении осужденных. Таким образом, когда труд осужденных утрачивает свое значение в современных рыночных условиях, необходимо повышать воспитательный потенциал наказания, в том числе и за счет религиозного просвещения осужденных с помощью религиозных организаций.

Важной составляющей духовной жизни общества является религия, понимаемая как «определенная система взглядов, свод моральных норм и правил поведения, которые поддерживаются верой в существование “иного” трансцендентного начала, сверхъестественного существа – Бога, разумно сотворившего и творящего все материальные и духовные формы бытия, а также наличие определенных ритуалов и религиозных культов, обеспечивающих связь человека с Богом» [2. С. 51].

Однако степень ее влияния на политику, в том числе в сфере исполнения наказаний и обеспечивающее ее реализацию законодательство, во многом зависит от отношения государства к этому элементу духовной сферы жизни общества.

История религиозного воздействия на осужденных в нашей стране достаточно противоречива, но вместе с тем позволяет утверждать о значимости и необходимости религиозного воздействия в процессе исправления осужденного и влияния на уголовно-исполнительную политику и законодательство (далее – УИПиЗ). Достаточно отчетливо оно проявлялось в дореволюционной России. Проникновение религиозных воззрений в пенитенциарную практику было отмечено еще на раннефеодальном этапе развития общества, и в дальнейшем результаты их воздействия становились все более отчетливыми, что со временем нашло свое выражение в законодательстве [3. С. 215]. Так, определяя статус созданного в 1819 г. Попечительного общества о тюрьмах, самодержец в качестве одной из целей его деятельности выделял наставление осужденных в правилах христианского благочестия и доброй нравственности, на этом основанной.

Действовавшие в тюрьмах попечительские комитеты обеспечивали равный доступ к осужденным представителей всех конфессий, представленных в Российской империи, в частности, правом миссионерской деятельности обладали католики. При этом не испытывали притеснений и не подвергались ущемлениям свободы совести и права на выбор вероисповедания схизматы и раскольники (старообрядцы) и представители различных религиозных сект, находящиеся в местах лишения свободы [Там же. С. 216–217].

В дореволюционной России привитие религиозных ценностей признавалось неотъемлемой частью работы с осужденными, поскольку конечная цель наказания в виде исправления понималась «в смысле религиозно-нравственного перерождения наказываемого» [4. С. 62]. Религиозное воспитание рассматривалось и как неотъемлемая часть систем исполнения наказаний, реализуемых в этот период за рубежом, например, в пенсильванской и оборнской системе отбывания наказания религиозное воспитание было практически единственным средством исправления.

В советский период, несмотря на изначальное провозглашение права исповедовать любую религию или не исповедовать никакой при признании возможности свободного исполнения религиозных обрядов, обеспечиваемой постольку, поскольку они не нарушают общественного порядка и не сопровождаются посягательствами на права граждан Советской Республики [5], сложились открыто враждебные отношения государства и церкви, повлекшие массовое разрушение храмов. Уничтожение духовенства как социального слоя повлекло вытеснение религии из общественной жизни, а следовательно, и из жизни осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы [6], что обусловило исключение религии из числа факторов, оказывающих влияние на политику в сфере исполнения наказания.

Ситуация стала меняться в конце 80-х гг., когда начался процесс постепенного возвращения религии в социально-культурную жизнь населения и повышения ее значимости в повседневной жизни. Принятие Закона РСФСР «О свободе вероисповеданий» от 25 октября 1990 г. № 268-1 [7], а также последующее закрепление в Конституции РФ свободы совести и вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию либо не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и

действовать в соответствии с ними (ст. 28) при одновременном признании идеологического многообразия (ст. 13), запрета устанавливать какую-либо религию в качестве государственной или обязательной (ст. 14), обусловили признание свободы совести и свободы вероисповедания в качестве элемента правового статуса осужденных (ст. 14 УИК РФ). Этому также способствовала ориентация процесса реформирования уголовно-исполнительной системы на соответствие деятельности по исполнению наказания международным стандартам, которые предполагают, что в пределах осуществимого каждый заключенный должен иметь возможность удовлетворять свои религиозные потребности, участвуя в религиозных обрядах в стенах его заведения и имея в своем распоряжении религиозные писания, свойственные его вероисповеданию (ст. 42 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными 1957 г.).

Следует заметить, что для большинства пенитенциарных систем государств-членов ЕС в настоящее время характерно активное взаимодействие исправительных учреждений с религиозными конфессиями и миссионерскими организациями. В частности, при поддержке государства в тюрьмах Италии, Германии, Великобритании и Голландии действует институт тюремного священства. В Финляндии деятельность тюремных капелланов непосредственно финансируется государством. В то же время в ряде государств деятельность религиозных организаций в исправительных учреждениях ограничена или запрещена. Так, в Казахстане законодательно запрещено проведение богослужений, религиозных обрядов, церемоний и собраний, а также миссионерская деятельность на территории и в зданиях государственных органов. Согласно ч. 4 ст. 7 Закона Республики Казахстан от 11 октября 2011 г. № 483-IV «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» [8] к лицам, находящимся в учреждениях, исполняющих наказания, по их просьбе или их родственников священнослужители религиозных объединений, зарегистрированных в порядке, установленном законодательством Республики Казахстан, приглашаются в случае ритуальной необходимости. Во Вьетнаме вообще установлен категорический запрет на общение осужденных со священнослужителями любых конфессий [9. С. 27].

Еще одним аспектом в пользу эффективности религиозного воздействия на исправление осужденных являются статистические данные, показывающие предрасположенность осужденных к религиозному воздействию. В переписи осужденных 1994 г. впервые был поставлен вопрос об их отношении к религии. Учитывая атеистическое советское прошлое, результат был скорее неожиданным, поскольку лишь 76,7 % осужденных отнесли себя к неверующим, а в дальнейшем эта цифра стала неуклонно снижаться: в 1999 г. она составила 63,2 %, а в 2009 – уже 26,4 %. Причем доля женщин, считающих себя атеистами, существенно меньше и составляет 21 % против 31,8 % среди мужчин.

Складывающаяся ситуация коррелирует с общими тенденциями, проявляющимися в обществе. По крайней мере, согласно данным опросов компании «Левада-центр», если в 1991 г. верующими себя называли немногим более 30 % граждан, в 2000 г. – примерно половина, то в 2012 г. – более 75 % жителей страны. О полном неверии в Бога заявили лишь 10 % опрошенных.

При этом с возрастом религиозность постепенно растет (18–24 года – 29 %, 25–39 лет – 38 %, 40–54 года – 44 %, 55 лет и старше – 49 %) [10].

Однако, несмотря на эти, безусловно, позитивные изменения, нельзя не учитывать тех проблем, которые неизбежно возникают из-за трансформаций, происходящих в настоящее время в этой сфере духовной жизни. С одной стороны, для политических систем в современном обществе характерен сдвиг от харизматического и традиционного господства религии к рационально-легитимному, разумно узаконенному, при котором взаимопроникновение, взаимодействие религии и политики проявляется в иных формах и на более высоком уровне, чем в прошлом. Некоторые специалисты говорят скорее о политизации религии, проявляющейся в повышении активности религиозных организаций в решении значимых для общества и государства вопросов [11. С. 60]. Одним из них, безусловно, является исправление осужденных.

С другой стороны, в условиях глобализации произошла плюрализация религиозной ситуации, которая в настоящее время характеризуется ростом разнообразия религий, приватизацией и субъективизацией религиозных учений, появлением новых религий, сопровождающаяся не только трансформацией самой религии, форм ее проявления в обществе, но и деятельности религиозных институтов, принципов организации религиозных сообществ. В этих условиях создаются предпосылки для падения авторитета организованной религии, изменений в ее институциональной организации, кризиса исторических церквей, а также распространения различных маргинальных течений, в том числе экстремистского толка. Об этом свидетельствует резкий рост доли независимых церквей, занимающих сегодня второе место по числу последователей среди всех христианских конфессий, а также расширение числа самостоятельных течений в исламе.

Государство в подобной ситуации оказывается перед непростым выбором. С одной стороны, его светский характер, провозглашенный в ст. 7 Конституции РФ, а также признание права на свободу вероисповедания требуют дистанцироваться от соответствующего выбора. С другой – крайний религиозный плюрализм, ограничиваемый лишь возможностью дистанцироваться от деятельности местных религиозных организаций, а также организаций, деятельность которых официально запрещена на основании судебного решения, создает угрозу распространения среди осужденных деструктивных религиозных идей, которые могут проникать в исправительные учреждения по-разному. Так, в свое время был выявлен факт установки в исправительных учреждениях Тульской области спутниковых тарелок, через которые помимо прочего транслировался спутниковый телеканал «ТБН» (учрежден Ассоциацией христианских церквей «Союз христиан») [12]. Кроме того, служителями культа традиционных для России религий периодически отмечаются проявления прозелитизма, заключающегося в использовании средств давления на человека с целью его обращения в свою веру или перехода из одной религии в другую – со стороны представителей ряда религиозных организаций.

Особое значение в этих условиях приобретает совершенствование процесса взаимодействия зарегистрированных в установленном порядке централизованных религиозных организаций и уголовно-исполнительной системы. Как указано в Основах социальной концепции Русской Православной церкви,

принятых на Архиерейском Соборе в 2010 г., «исполняя свое служение в местах лишения свободы, Церковь должна устроить там храмы и молитвенные комнаты, совершать Таинства и богослужения, проводить пастырские беседы с заключенными, распространять духовную литературу. При этом особенно важен личный контакт с лишенными свободы, включая посещение мест их непосредственного нахождения» [13].

Основные направления по реализации данных положений были, в частности, обозначены в документе, принятом 12 марта 2013 г. на заседании Священного Синода (журнал № 27) под названием «Миссия тюремного служения Русской Православной церкви и пенитенциарные учреждения» [14]. Согласно ему она состоит: в духовно-просветительской деятельности, предполагающей проведение духовно-просветительских бесед в местах принудительного содержания; организацию воскресных школ, создание и пополнение библиотек и медиатек при тюремных храмах, катехизацию среди заключенных, дистанционное религиозное образование; в богослужебной деятельности и пастырском душепопечении, опирающемся на организацию религиозных общин и оборудование молитвенных помещений для заключенных, сооружение тюремных храмов, создание при тюремных храмах религиозных организаций и т.п.

Таким образом, в нормативных документах РПЦ прослеживается заинтересованность и желание оказать помощь в реализации государственной функции по исполнению уголовных наказаний. Еще одним документом в данном русле следует рассматривать подписанное 22 февраля 2011 г. Соглашение о сотрудничестве между Федеральной службой исполнения наказаний России и Русской Православной церковью [15]. Предметом Соглашения является сотрудничество сторон в области удовлетворения духовных потребностей работников уголовно-исполнительной системы и членов их семей, курсантов образовательных учреждений ФСИН России, обеспечения конституционных прав на свободу совести, свободу вероисповедания, духовное окормление, образование и духовно-нравственное просвещение лиц, осужденных к лишению свободы, и лиц, заключенных под стражу.

Следует согласиться с В.Г. Лещенко, которая утверждает, что «...церковь за многолетний период своей кариативной деятельности в пенитенциарных учреждениях аккумулировала большой опыт в области социальной работы и духовного окормления заключенных, наработала апробированные на практике эффективные технологии перевоспитания, ресоциализации, общественной адаптации и методики исправительно-преобразовательной активности» [16. С. 170]. Не использовать существующий опыт церкви в работе с осужденными по их исправлению было бы крайне недальновидно и контрпродуктивно.

В результате воздействия данного фактора соответствующие изменения стали проявляться в УИПиЗ. В частности, Концепция развития УИС до 2020 г. предполагает использование потенциала религиозных конфессий в духовно-нравственном просвещении и воспитании осужденных и работников уголовно-исполнительной системы, а также для социальной адаптации лиц, освободившихся из мест лишения свободы, что требует активизации взаимодействия с традиционными конфессиями, в частности, обеспечения осужден-

ным возможности участия в религиозных обрядах, реализации совместных с традиционными конфессиями гуманитарных проектов.

С целью практической реализации ее положений, в результате совместной деятельности в рамках Соглашения о сотрудничестве между Русской Православной церковью и Федеральной службой исполнения наказаний, а также с учетом мнения научного сообщества и практических работников был принят Федеральный закон от 20 апреля 2015 г. № 103-ФЗ [17]. Данный закон направлен на совершенствование духовно-нравственного воспитания осужденных и обеспечение возможности их участия в религиозных обрядах и церемониях. В целях обеспечения свободы вероисповедания в условиях, требующих неуклонного соблюдения правил внутреннего распорядка учреждения, исполняющего наказания, были конкретизированы положения об условиях проведения религиозных обрядов и церемоний (преимущественно касающихся вопроса места их проведения) в зависимости от вида отбываемого наказания. Кроме того, были закреплены порядок и различные формы взаимодействия органов УИС с зарегистрированными в установленном порядке религиозными организациями в сфере просветительной и воспитательной работы среди осужденных, в создании благоприятных условий для проведения представителями религиозных организаций в исправительных учреждениях духовно-нравственных бесед, совершения различных обрядов и богослужений, включая проведение осужденными встреч со священнослужителями, что направлено на гуманизацию условий содержания лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, повышение гарантий соблюдения их прав и законных интересов.

В целях определения единообразного подхода к порядку заключения и содержанию соглашений о взаимодействии, заключаемых территориальными органами УИС, число которых уже превысило 80, было установлено, что обязательные требования к их содержанию утверждаются федеральным органом исполнительной системы, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере исполнения уголовных наказаний. Соответственно Минюст России утвердил требования к содержанию заключаемых в этих целях соглашений [18], которыми, помимо прочего, определяются пообъектный перечень выделенных зданий (сооружений, помещений), в которых осужденным и священнослужителям разрешается проведение религиозных обрядов и церемоний, пользование предметами культа и религиозной литературой; время (график) проведения религиозных обрядов и церемоний; фамилии, имена, отчества священнослужителей, наделенных правом проведения религиозных обрядов и церемоний; перечень предметов культа и религиозной литературы, которые могут быть использованы при осуществлении религиозных обрядов и церемоний на территории учреждений УИС.

Важнейшим направлением деятельности религиозных организаций, реализуемым совместно с администрацией исправительных учреждений, становится реализация духовно-нравственного потенциала тюремного служения представителей традиционных религий России в процессе противодействия прозелитизму и вербовке адептов неоязычества,

радикального ислама, псевдорелигиозного экстремизма и терроризма, а также профилактике их негативного воздействия на осужденных в местах отбывания уголовного наказания.

Рассмотрение этой проблемы на уровне уголовно-исполнительной политики обусловило обращение к ней на Международной научно-практической конференции по взаимодействию Русской Православной церкви с государственной системой исполнения наказаний, проводившейся 29–30 сентября 2016 г. в Академии ФСИН [19].

Заслуживает отдельного рассмотрения вопрос о специфике проявления религиозного фактора при проведении уголовно-исполнительной политики и ее отражении в законодательстве. Прежде всего, обращает на себя внимание то, что законодатель не выделяет так называемые традиционные религиозные объединения и исходит из конституционного принципа равенства всех религиозных объединений перед законом, однако допускает заключение таких соглашений только с централизованными религиозными организациями, т.е. организациями, состоящими не менее чем из трех местных религиозных организаций. Подобный подход представляется вполне оправданным во избежание проникновения в исправительные учреждения сомнительных религиозных учений, не получивших достаточного признания.

В этих условиях обоснованное опасение специалистов вызывает распространение в исправительных учреждениях радикализма и религиозного экстремизма в местах лишения свободы. По словам В.В. Меркурьева, вербовка в исправительных учреждениях России осужденных для последующего (постпенитенциарного) их использования в террористической и иной насильственной экстремистской деятельности стала сравнительно новым, но приобретающим устойчивый характер криминальным явлением [20].

Учитывая достигнутый в последнее время уровень участия религиозных организаций в деле исправления осужденных, можно сделать вывод о том, что религиозное воздействие является хотя и не нормативным, но весьма действенным средством исправления осужденных. Вместе с тем законодательное закрепление религиозного воспитания именно как основного средства исправления осужденных нам представляется не совсем правильным с юридической точки зрения. Во-первых, Российская Федерация является светским государством в соответствии со ст. 14 Конституции РФ, и никакая религия не может устанавливаться в качестве обязательной. Во-вторых, участие осужденного в исправительных мероприятиях учитывается при применении к нему мер поощрений и взысканий, изменении условий отбывания наказания, условно-досрочного освобождения и др. Отказ осужденного от религиозного воздействия не должен быть основанием для какой-либо дискриминации или ущемления его прав и законных интересов.

Поэтому оптимальной, на наш взгляд, была бы формулировка, предложенная авторами общей части нового УИК РФ [21. С. 98], где религиозное просвещение рассматривается в рамках воспитательной работы с осужденными, которая, в свою очередь, является основным средством исправительного воздействия на осужденных. При этом религиозное просвещение, исходя из предложенных авторами абсолютно обоснованных формулировок (использование термина «может»), не относится напрямую к основным средст-

вам исправительного воздействия. То есть отказ от религиозного просвещения осужденным не будет являться основанием для непредставления ему, например, условно-досрочного освобождения как лицу, не участвующему в проводимых исправительных мероприятиях. Кроме того, на наш взгляд, в целях законодательного закрепления централизованные религиозные организации должны быть упомянуты в статье УИК РФ, которая регулирует общественное воздействие на осужденных.

Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы:

1. В современных рыночных экономических отношениях исправительный потенциал труда как основного средства исправления отходит на второй план. В связи с этим необходимо повышать воспитательный потенциал наказания. Одним из вариантов такого повышения должно стать усиление роли воспитательного воздействия за счет религиозного просвещения осужденных.

2. С учетом исторического развития нашего государства, зарубежного опыта исполнения наказаний, международных стандартов обращения с осужденными, имеющегося опыта взаимодействия церкви и тюремной системы, а также некоторой предрасположенности у осужденных религиозное просвещение осужденных представляется крайне необходимым и перспективным средством исправительного воздействия.

3. Понимая важность религиозного просвещения в деле исправления осужденных, необходимо его нормативно закрепить в новом УИК РФ. При этом религиозное просвещение не должно быть основным средством исправительного воздействия, учитывающимся при применении к осужденному тех или иных мер, а рассматриваться в рамках воспитательной работы с осужденными. Кроме того, централизованные религиозные организации должны быть упомянуты в статье УИК РФ, которая регулирует общественное воздействие на осужденных.

4. Угроза распространения религиозного экстремизма среди осужденных обуславливает важность включения вопросов борьбы с ним в современную уголовно-исполнительную политику, а также создания необходимого для ее осуществления правового инструментария.

Литература

1. *Осужденные и содержащиеся под стражей в России: по материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, 12–18 ноября 2009 г.* / под общ. ред. Ю.И. Калинина; под науч. ред. В.И. Селиверстова. М.: ИД «Юриспруденция», 2012. 939 с.
2. *Омарова З.А.* Религия и государство: конституционно-правовые основы взаимодействия // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 5. С. 50–55.
3. *Тасаков С.В.* Религия и ее роль в духовно-нравственном исправлении осужденных к лишению свободы // Вестник Чувашского университета. 2012. № 2.
4. *Фойницкий И.Я.* Учение о наказании в связи с тюремоведением. М.: Городец, 2000. 464 с.
5. *Об отделении церкви от государства и школы от церкви:* Декрет СНК РСФСР от 23.01.1918 // СУ РСФСР. 1918. № 18. Ст. 263.
6. *Матвеев В.Е.* Становление и развитие общественного воздействия в системе основных средств исправления осужденных // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2006. № 2. С. 31–33.
7. *Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР.* 1990. № 21. Ст. 241.

8. http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31067690#pos=1;-327 (дата обращения: 12.03.2017).
9. Яворский М.А. Роль религиозных объединений в механизме исправления осужденных // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2014. № 2.
10. <http://www.levada.ru/2008/03/10/a-a-golov-religioznost-a-takzhe-chto-lyudi-obretayut-v-religii/> (дата обращения: 12.03.2017).
11. Куприянова Г.М. Взаимодействие религиозной и политической сфер общества: история и современность // Веснік БДУ. 2011. Сер. 3. № 2. С. 57–60.
12. <http://www.sektainfo.ru/sekty-v-tule-i-oblasti/sekty-i-okkultizm-v-tule/sekta-panovyh/> (дата обращения: 12.03.2017).
13. <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (дата обращения: 12.01.2017).
14. <http://www.patriarchia.ru/db/text/2843078.html> (дата обращения: 12.01.2017).
15. <http://www.patriarchia.ru/db/text/1414730.html> (дата обращения: 12.01.2017).
16. Леценко В.Г. Диалектика развития религиозного воздействия на осужденных к лишению свободы в российском государстве // Вестник Чувашского университета. 2011. № 4. С. 165–170.
17. Собрание законодательства РФ. 2015. № 17 (ч. IV). Ст. 2478.
18. Требования к содержанию соглашений о взаимодействии ФСИН России и территориальных органов уголовно-исполнительной системы с зарегистрированными в установленном порядке централизованными религиозными организациями: утв. приказом Минюста России от 21.03.2016 № 67 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2016. № 19.
19. http://www.apu.fsin.su/area/scientific_activities/smu/konf/a_k.php (дата обращения: 13.01.2017).
20. Меркурьев В.В. Координация деятельности правоохранительных органов по пресечению и предупреждению экстремистской деятельности в исправительных учреждениях ФСИН России // <http://crimas.ru/wp-content/uploads/2014/12/Doklad-Merkureva-v-Akademii-FSIN-Rossii-27-28.11.2014.pdf> (дата обращения: 12.03.2017).
21. Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретического моделирования / под ред. В.И. Селиверстова. М.: ИД «Юриспруденция», 2017. 328 с.

Grushin Fedor V. Academy of the Federal penitentiary service of Russia (Ryazan, Russian Federation)
RELIGIOUS CONDITION OF SOCIETY AS THE FACTOR DEFINING THE DEVELOPMENT OF PENAL POLICY AND PENAL LEGISLATION

Keywords: penal policy, penal legislation, religion, penal correction system, factors.

The question of the analysis of reasons and conditions defining the development and functioning of legislative system is a topical one both in the theory of law and in branch legal sciences. A religious condition of society acts as one of the social factors defining the development of penal policy and legislation.

Under modern market conditions, the work of convicts gradually loses its significance. In this regard, it is necessary to increase the educational potential of punishment including a religious enlightenment of convicts by means of religious organizations.

In pre-revolutionary Russia, religious education was considered an integral part of work with convicts. During the Soviet period of development of our state, there were openly hostile relations between the state and church that resulted in extrusion of religion out of public life and consequently, the life of convicts serving sentence in the form of imprisonment. The situation began to change in the late eighties when the process of gradual return of religion into social – cultural life of the population and increase of its importance in everyday life started.

Now, in the context of international policy concerning prisoners, religious impact on convicts is considered a part of modern penal policy in the Russian Federation. This finds its reflection in current penal legislation and the changes made to it, the Concept of development of penal correction system until 2020, and in various manifestations of cooperation between the penal correction system and centralized religious organizations registered in accordance with the established procedure.

Realization of spiritual and moral potential of prison ministration of representatives of traditional religions of Russia in the course of counteraction to proselytism and recruitment of adherents of Neopaganism, radical Islam, pseudo-religious extremism and terrorism, as well as prevention of their negative impact on convicts becomes the most important activity of religious organizations.

Taking into account the achieved level of participation of religious organizations in correction of convicts, it is possible to conclude that although law does not regulate religious impact it is a very effective cure of convicts and one of the factors, which influences the penal policy and legislation of the Russian Federation.

References

1. Kalinin, Yu.I. (ed.) (2012) *Osuzhdennye i sodержashchiesya pod strazhey v Rossii: po materialam spetsial'noy perepisi osuzhdennykh i lits, sodержashchikhsya pod strazhey, 12–18 noyabrya 2009 g.* [Convicts and detainees in Russia: according to the materials of the special census of convicts and detainees, November 12–18, 2009]. Moscow: Yurisprudentsiya.
2. Omarova, Z.A. (2012) Religion and the state: constitutional-legal basis of interaction. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo – Constitutional and Municipal Law*. 5. pp. 50–55. (In Russian).
3. Tasakov, S.V. (2012) *Religiya i ee rol' v dukhovno-nravstvennom ispravlenii osuzhdennykh k lisheniyu svobody* [Religion and its role in the spiritual and moral correction of prisoners sentenced to imprisonment]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. 2.
4. Foyntskiy, I.Ya. (2000) *Uchenie o nakazanii v svyazi s tyur'movedeniem* [The Doctrine of Punishment in Connection with Prison Studies]. Moscow: Gorodets.
5. Council of People's Commissars of the RSFSR. (1918) *Ob otdelenii tserkvi ot gosudarstva i shkoly ot tserkvi: Dekret SNK RSFSR ot 23.01.1918* [On the separation of the church from the state and the school from the church: Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR of January 23, 1918]. *SU RSFSR*. 18. Art. 263.
6. Matveenko, V.E. (2006) Stanovlenie i razvitie obshchestvennogo vozdeystviya v sisteme osnovnykh sredstv ispravleniya osuzhdennykh [Formation and development of social influence in the system of fixed means for the correction of convicts]. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie – Criminal-Executory System: Law, Economy, Management*. 2. pp. 31–33.
7. *Vedomosti SND RSFSR i VS RSFSR*. (1990). 21. Art. 241.
8. Kazakhstan. (2011) *Law of the Republic of Kazakhstan of 11 October 2011 No. 483-IV, On Religious Activities and Religious Associations (as amended on December 11, 2016)*. [Online] Available from: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31067690#pos=1;-327. (Accessed: 12th March 2017). (In Russian).
9. Yavorskiy, M.A. (2014) The role of religious associations in the system of correction of convicts. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie – Criminal-Executory System: Law, Economy, Management*. 2. (In Russian).
10. Golov, A.A. (2008) *Religioznost', a takzhe chto lyudi obretayut v religii* [Religiousness, and what people acquire in religion]. [Online] Available from: <http://www.levada.ru/2008/03/10/a-a-golov-religioznost-a-takzhe-chto-lyudi-obretayut-v-religii/>. (Accessed: 12th March 2017).
11. Kupriyanova, G.M. (2011) *Vzaimodeystvie religioznoy i politicheskoy sfer obshchestva: istoriya i sovremennost'* [Interaction of the religious and political spheres of society: history and modern times]. *Vestnik BDU. Ser. 3*. 2. pp. 57–60.
12. Sekta.info. (n.d.) *Sekta Panovykh ("Tserkov' Novogo Zaveta", "Tserkov' Usynovlenie")* [The Panov sect ("The Church of the New Testament", "The Adoption Church")]. [Online] Available from: <http://www.sektainfo.ru/sekty-v-tule-i-oblasti/sekty-i-okkultizm-v-tule/sekta-panovykh/>. (Accessed: 12th March 2017).
13. Russian Orthodox Church. (2008) *Osnovy sotsial'noy kontseptsii Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi* [Basis of the social concept of the Russian Orthodox Church]. [Online] Available from: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html>. (Accessed: 12th January 2017).
14. Russian Orthodox Church. (2013) *Missiya tyuremnogo sluzheniya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi i penitentsiarnye uchrezhdeniya* [Mission of the prison service of the Russian Orthodox Church and penitentiary institutions]. [Online] Available from: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2843078.html>. (Accessed: 12th January 2017).
15. Russian Orthodox Church. (2011) *Podpisano Soglasenie o sotrudnichestve mezhdu Federal'noy sluzhboy ispolneniya nakazaniy Rossii i Russkoy Pravoslavnoy Tserkov'yu* [The Agreement on cooperation between the Federal Service for the Execution of Punishments of Russia and the Russian

Orthodox Church has been signed]. [Online] Available from: [http:// www.patriarchia.ru/ db/ text/ 1414730.html](http://www.patriarchia.ru/db/text/1414730.html). (Accessed: 12th January 2017).

16. Leshchenko, V.G. (2011) *Dialektika razvitiya religioznogo vozdeystviya na osuzhdennykh k lisheniyu svobody v rossiyskom gosudarstve* [Dialectics of the development of religious influence on prisoners sentenced to imprisonment in the Russian state]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. 4. pp. 165–170.

17. *Legislative Bulletin of the Russian Federation*. (2015) 17 (Part IV). Art. 2478.

18. Ministry of Justice of the Russian Federation. (2016) Requirements for the content of agreements on the interaction of the Federal Penitentiary Service of Russia and the territorial bodies of the penitentiary system with centralized religious organizations registered in accordance with the established procedure: Order № 67 of the Ministry of Justice of Russia of March 21, 2016. *Byulleten' normativnykh aktov federal'nykh organov ispolnitel'noy vlasti*. 19. (In Russian).

19. Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia. (2016) *Announcement about the Fourth International Conference on the Interaction of the Russian Orthodox Church with the State System for the Execution of Sentences*. [Online] Available from: [http://www. apu.fsin.su/ area/scientific_activities/smu/konf/a_k.php](http://www.apu.fsin.su/area/scientific_activities/smu/konf/a_k.php). (Accessed: 13th January 2017). (In Russian).

20. Merkuriev, V.V. (2014) *Koordinatsiya deyatel'nosti pravookhranitel'nykh organov po pre-secheniyu i preduprezhdeniyu ekstremistskoy deyatel'nosti v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh FSIN Rossii* [Coordination of the activities of law enforcement agencies in suppressing and preventing extremist activities in correctional facilities of the FSIN of Russia]. [Online] Available from: <http://crimas.ru/wp-content/uploads/2014/12/Doklad-Merkureva-v-Akademii-FSIN-Rossii-27-28.11.2014.pdf>. (Accessed: 12th March 2017).

21. Seliverstov, V.I. (ed.) (2017) *Obshchaya chast' novogo Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii: itogi i obosnovaniya teoreticheskogo modelirovaniya* [The General Part of the New Penal Enforcement Code of the Russian Federation: the results and justification of theoretical modeling]. Moscow: Yurisprudentsiya.

УДК 343.13

DOI: 10.17223/22253513/25/8

Ю.В. Деришев, В.И. Козырев

КРИТЕРИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ И ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА РАЗУМНОСТЬ СРОКА ДОСУДЕБНОГО УГОЛОВНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Анализируются предоставленные правоприменителю законодателем инструменты определения разумного срока уголовного судопроизводства, именуемые обстоятельствами. Автором рассматриваются сложности использования указанных средств для обеспечения выполнения требований ст. 6¹ УПК РФ органами расследования, проводится обстоятельный анализ перечисленных в ней обстоятельств, влияющих на разумный срок уголовного судопроизводства, производится их разграничение на факторы и критерии определения с целью облегчения применения указанной нормы.

Ключевые слова: критерии, факторы, обстоятельства, разумный срок уголовного судопроизводства, прокурор, следователь следственного отдела.

Статья 6 Европейской конвенции о защите прав человека (далее – ЕКПЧ) закрепляет право каждого гражданина на разбирательство его дела в разумный срок, что является одним из ключевых элементов в международном праве. Ратификация Российской Федерацией требований ЕКПЧ привела к потребности добавить в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) новую статью, которая своим содержанием показала бы приверженность России общепризнанным международным принципам, что было воплощено законодателем в ст. 6¹ УПК РФ [1].

Целью формирования принципа разумного срока является в том числе устранение неопределенности правового положения участников уголовного процесса, а также повышение эффективности судопроизводства как формы осуществления правосудия [2. С. 51]. Указанное требование касается не только судебной части уголовного процесса, но и досудебной, а также является одним из основополагающих, поскольку для успешной борьбы с преступностью должен быть максимально сокращен период времени между совершением преступления и наказанием лица, его совершившего [3. С. 25].

УПК РСФСР в ст. 2 определял задачами советского уголовного судопроизводства *быстрое и полное* раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден. Таким образом, перед органами предварительного расследования ставилась задача всестороннего, полного, объективного (ст. 20 УПК РСФСР), в *оптимальные сроки* исследования всех обстоятельств совершенного преступления на основе правильного применения закона (подробнее об этом изложено в [4. С. 47–68]). Как известно, современный отечественный законодатель от данной задачи отказался, но был вынуж-

жден, как указано выше, вернуться к нормативному урегулированию оптимизации сроков уголовного судопроизводства.

Вместе с тем, как свидетельствует теоретический анализ, а также правоприменительная практика, требования ст. 6¹ УПК РФ *малоприспособны* для целедостижения и решения задач современного уголовного судопроизводства России.

Причин и условий создания подобной ситуации несколько, но вполне очевидно, что каждая из них так или иначе связана с определенным формализмом законодателя по определению и обеспечению разумного срока уголовного судопроизводства.

Сложность данного направления деятельности понятна: российское законодательство не знает предельных сроков производства предварительного следствия [5. С. 303]. Примером может служить уголовное дело, возбужденное 18 сентября 2011 г. следователем Следственного комитета Российской Федерации по г. Екатеринбургу по факту убийства, сопряженного с изнасилованием 14-летней девочки, подозреваемый по которому был установлен лишь 10 мая 2017 г. Кроме того, в досудебном уголовном производстве первоначальные сроки расследования уголовных дел и проведения предварительных проверок законодателем строго регламентированы (два месяца и трое суток соответственно). Если следователь или дознаватель не укладываются в эти временные промежутки, то им еще нужно постараться обоснованно их продлить. Таким образом, законодатель ставит правоприменителя в положение, когда разные по своей сложности и необходимому (и достаточному) объему действий уголовные дела и материалы предварительных проверок по заявлениям, сообщениям о преступлениях необоснованно уравниваются. Так, если следователем Следственного комитета Российской Федерации по Ростовской области расследование уголовного дела, возбужденного 7 мая 2017 г. по факту исчезновения (а теперь уже и смерти) 3-летнего мальчика завершится в течение 2 месяцев, то это будет свидетельствовать лишь о высокой степени профессионализма работников правоохранительных ведомств. Однако 2-месячный срок работы по уголовному делу, возбужденному по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 238 УК РФ, уже должен вызывать вопросы, но с точки зрения закона никаких нарушений в последнем случае нет. В совокупности именно это, с нашей точки зрения, необоснованное уравнивание и вынуждает законодателя использовать в ранге принципа оценочную категорию «разумный срок», которая должна соотноситься с конкретными установленными обстоятельствами произошедшего криминального события [5. С. 303].

Одна из главных причин неэффективной работы анализируемой статьи заключается в том, что в соответствии с уже «привычным» способом разработки положений УПК РФ законодатель, добавив в Кодекс ст. 6¹, не предоставил правоприменителю отлаженный инструмент, благодаря которому последний мог бы определить – укладывается ли срок расследования уголовного дела (или проведения предварительной проверки по заявлению, сообщению о преступлении) в понятие «разумности» или нет? Вместо размежевания и ранжирования критериев определения разумного срока и факторов, влияющих на продолжительность сроков, в ч. 3, 3.1, 3.3 ст. 6¹ УПК РФ и те и другие приводятся последовательно, именуются «обстоятельствами», что

исключает возможность субъектам правоприменения «приложить» указанную норму к конкретному уголовному делу (или материалу предварительной проверки) и ответить на поставленный вопрос, тем самым индивидуализировать срок конкретного уголовного производства.

Для исправления данной ситуации необходимо уйти от термина «обстоятельства», используя понятия «критерии» и «факторы», определить и нормативно их закрепить, прописав в ст. 6¹ УПК РФ, обязательно при этом размежевав. Важность решения этого вопроса для практики резко актуализирует потребность в настоящем исследовании.

В ч. 3, 3.1, 3.3 ст. 6¹ УПК РФ законодателем указаны следующие обстоятельства, которые должен учитывать и применять правоприменитель при решении вопроса о разумном сроке:

1. Своевременность обращения лица, которому деянием, запрещенным уголовным законом, причинен вред, с заявлением о преступлении.

2. Правовая и фактическая сложность материалов проверки по заявлению, сообщению о преступлении или материалов уголовного дела.

3. Поведение потерпевшего, лица, которому деянием, запрещенным уголовным законом, причинен вред, и иных участников уголовного судопроизводства и досудебного производства по уголовному делу.

4. Достаточность и эффективность действий суда, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя, производимых в целях:

- ✓ своевременного возбуждения уголовного дела;
- ✓ установления лица, подлежащего привлечению в качестве подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления;
- ✓ своевременного осуществления уголовного преследования или рассмотрения уголовного дела;

5. Общая продолжительность досудебного производства по уголовному делу.

6. Общая продолжительность уголовного судопроизводства.

Для их уяснения и разграничения необходимо определиться, что есть критерий, а что – фактор.

Фактор – это момент, существенное обстоятельство в каком-нибудь процессе, явлении [6. С. 837]. Под фактором необходимо понимать исключительно условия, параметры, показатели, которые влияют на результат работы. Из приведенного ранее перечня, с нашей точки зрения, к ним относятся: 1) достаточность и эффективность действий должностных лиц, производимых в указанных выше целях; 2) своевременность обращения лица, которому деянием, запрещенным уголовным законом, причинен вред, с заявлением о преступлении; 3) поведение потерпевшего, лица, которому деянием, запрещенным уголовным законом, причинен вред, и иных участников уголовного судопроизводства и досудебного производства по уголовному делу. Дополнительно сюда можно отнести опыт работы должностного лица, погодные условия при осуществлении первоначальных следственных действий, особенности места совершения преступления и т.д. Например, в случае ранее описанного убийства 14-летней девочки в г. Екатеринбурге значительное

влияние на длительность срока расследования оказали общедоступность места преступления, ночное время в сочетании с прошедшим после убийства потерпевшей сильным дождем. Перечень факторов в законе должен быть открытым, чтобы максимально учитывать все обстоятельства, которые так или иначе влияют на сроки расследования или предварительной проверки. Наиболее полно эти факторы будут рассмотрены далее при раскрытии понятия критериев разумного срока уголовного судопроизводства, на который они оказывают влияние.

Критерий – это мерило, оценки, суждения [6. С. 301]. В теории познания критерий определяется как признак или средство проверки действительности некоторого положения, а также как правило или основание принятия решения по оценке чего-либо на соответствие предъявленным требованиям. Именно критерии должны служить теми инструментами, с помощью которых должностное лицо будет выявлять нарушения разумного срока уголовного судопроизводства. Из приведенных законодателем в ч. 3, 3.1, 3.3 ст. 6¹ УПК РФ обстоятельств выделим следующие критерии: 1) правовая и фактическая сложность материалов проверки по заявлению, сообщению о преступлении или материалов уголовного дела; 2) общая продолжительность досудебного производства по уголовному делу; 3) общая продолжительность уголовного судопроизводства. Вместе с тем целесообразно внести дополнения в данный перечень и одновременно сделать несколько важных пояснений. Так, в качестве новых критериев разумного срока досудебного уголовного производства, по нашему мнению, надлежит учитывать количество участников в уголовном деле (например, свидетелей, потерпевших, подозреваемых или обвиняемых) или в проводимой предварительной проверке, а также полноту и объективность осуществленной на этих двух стадиях работы, ибо «быстрота следствия ни в коем случае не должна достигаться в ущерб его качеству» [7. С. 65].

Важно указать, что упоминание о количестве участников в расследовании уголовного дела или проведении предварительной проверки требует отдельного закрепления в ст. 6¹ УПК РФ и не может включаться в понятие правовой и фактической их сложности, поскольку под последним следует подразумевать такие факторы, как своевременность обращения лица, которому деянием был причинен вред, объем и сложность процессуальных действий, их число, наличие либо отсутствие совокупности преступлений, осуществление уголовно наказуемой деятельности организованной преступной группой (когда сотрудникам правоохранительных органов противостоит крупномасштабная и структурированная группировка, зачастую имеющая прикрытие со стороны действующей власти), а также потребность обращаться к смежным правовым нормам (например, уяснение и применение сложных по своей структуре и смыслу норм налогового законодательства), потребность во взаимодействии с иностранными правоохранительными органами. Неправильно относить к факторам, влияющим на данный критерий, такие обстоятельства, как неожиданное и непредвиденное увеличение материалов уголовного дела, присутствие общественного (публичного) интереса, количество обвиняемых, свидетелей и потерпевших, наличие серьезных оснований подозревать арестованного в совершении правонарушения и т.д., как это предлагается в работе К.Б. Ка-

линовского и М.М. Ахмедова [8. С. 48], ибо ни один из них напрямую не влияет на повышение сложности уголовного дела (или проводимой предварительной проверки). Кроме того, не следует относить к ним и противодействие обвиняемых (стороны защиты) в ходе следствия, как предлагается М.Н. Зацепиной [9. С. 114], поскольку это полностью охватывается фактором «поведение потерпевшего, лица, которому деянием, запрещенным уголовным законом, причинен вред, и иных участников уголовного судопроизводства и досудебного производства по уголовному делу» (имеет смысл чисто логически изменить только формулировку данного фактора, прямо перечислив в нем подозреваемого, обвиняемого, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства и досудебного производства, помимо потерпевшего).

Под полнотой и объемом осуществленной работы по материалу предварительной проверки заявления, сообщения о преступлении или уголовному делу предполагается понимать все произведенные следователем или дознавателем *процессуальные действия* на момент оценки соблюдения им разумности срока уголовного судопроизводства, как-то: допросы, очные ставки, проверки показаний на месте, избрание меры пресечения, привлечение в качестве обвиняемого и т.д. Потребность в отдельном закреплении данного критерия обуславливается тем, что субъекты ведомственного процессуального контроля, а также прокурорского надзора и судьи в своих решениях о признании срока расследования или предварительной проверки, выходящим за требования ст. 6¹ УПК РФ, как нам известно, практически всегда принимают во внимание проведенную следователем или дознавателем работу.

Значительная часть нарушений разумного срока происходит не только при расследовании уголовного дела, но и в стадии его возбуждения (далее – ВУД). Подтверждением данного тезиса служит следующая статистика: за 2015 г. органами предварительного расследования было вынесено 8 569 516 постановлений об отказе в ВУД, из которых 575 204 решения принимались 2 раза, а 465 140 – 3 раза и более. Кроме того, низкое качество данной работы становится еще очевиднее, если учесть, что из указанных 8 569 516 постановлений об отказе в ВУД 2 346 476 решений были вновь отменены, в том числе те, которые уже отменялись 3 раза и более (их число составило 366 669) [9. С. 99–100].

Таким образом, из вышеприведенных сведений следует, что проблема нарушения субъектами правоприменения (со стороны органов предварительного расследования) сроков проведения проверки по заявлениям, сообщениям о преступлениях актуальна до сих пор, хотя ст. 6¹ УПК РФ не должна допускать подобного. Исходя из этого, 03.07.2016 Федеральным законом № 331-ФЗ «О внесении изменений в статью 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [10] законодателем была введена ч. 3.3, которая закрепляла требования разумного срока в стадии ВУД, при этом в ее изложении впервые было использовано понятие «материал проверки сообщения о преступлении». Вместе с тем при детальном изучении ч. 3.3 и ее сравнении с ч. 3.1 указанной статьи можно выявить значительное число лишь дополнительно продуцированных проблем. В их числе следующие:

1. Определению разумного срока досудебного производства в ч. 3.1 и 3.3 даны **различные** толкования: в ч. 3.1 он охватывается периодом со дня пода-

чи заявления, сообщения о преступлении до дня принятия решения о приостановлении предварительного расследования по уголовному делу по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, тогда как в ч. 3.3 обозначен периодом со дня подачи заявления, сообщения о преступлении до дня принятия решения об отказе в ВУД либо о прекращении уголовного дела по основанию, предусмотренному п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ.

2. Часть 3.1 закрепляет в качестве одного из обстоятельств, учитываемых при определении разумного срока, правовую и фактическую сложность уголовного дела, тогда как ч. 3.3 данное обстоятельство описывает как правовую и фактическую сложность материалов проверки сообщения о преступлении или материалов уголовного дела, хотя логичнее было бы объединить все это в одну согласованную формулировку.

3. Часть 3.1 не называет в качестве обстоятельства, учитываемого при определении разумного срока досудебного уголовного производства своевременность обращения лица, которому деянием, запрещенным уголовным законом, причинен вред, с заявлением о преступлении, в отличие от ч. 3.3, несмотря на то, что оба рассматриваемых положения ст. 6¹ УПК РФ говорят о разумном сроке одного и того же временного промежутка.

4. Часть 3.3, которая при определении разумного срока включает стадию ВУД, тем не менее не рассматривает в качестве влияющего на него такого обстоятельства, как общая продолжительность досудебного производства по материалу проверки заявления, сообщения о преступлении, ограничиваясь лишь уголовным делом, полностью копируя тем самым аналогичное положение ч. 3.1 ст. 6¹ УПК РФ и повторяя ее проблему.

В итоге можно заключить: очередное дополнение в ст. 6¹ УПК РФ не только не внесло исправления в ситуацию, но лишь еще значительно усложнило применение и без того не работающей нормы. Статистическая отчетность Генеральной прокуратуры РФ за 2014–2016 гг. становится очередным показателем подтверждения вышеизложенных фактов. В частности, констатируется: 1) возрастающее число нарушений при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлениях (2014 г. – 3 605 162; 2015 г. – 3 732 360; 2016 г. – 3 778 553); 2) возрастающее число лиц, привлеченных в этой связи к дисциплинарной ответственности (2014 г. – 140 306; 2015 г. – 145 269; 2016 г. – 165 640); 3) число отмененных прокурорами постановлений об отказе в ВУД за 2016 г. составило 2 494 172 [11].

В совокупности все это должно подвести законодателя к изменению ст. 6¹ УПК РФ не посредством дополнения к ее содержанию очередной части или пункта, а полноценным формированием ее новой редакции. Только такой подход позволит навести порядок с пониманием и применением принципа разумного срока уголовного судопроизводства и согласовать его элементы, что превратит чисто формальную норму в полноценный правовой инструмент.

В этой связи предлагаем следующую ее формулировку:

Статья 6¹ УПК РФ «Разумный срок уголовного судопроизводства»:

1. Уголовное судопроизводство осуществляется в разумный срок.

1.1. Разумный срок уголовного судопроизводства определяется исходя из перечисленных в ч. 3.1, 3.2, 3.3 настоящей статьи критериев. Критериями

разумного срока уголовного судопроизводства являются признаки, позволяющие определить соответствие длительности проверки заявления (сообщения) о преступлении, а также производства по уголовному делу требованию осуществления уголовного судопроизводства в разумный срок.

1.2. Критерии разумного срока определяются через факторы, перечисленные в ч. 3 настоящей статьи. Факторами разумного срока уголовного судопроизводства являются условия, влияющие на продолжительность проверки заявления, сообщения о преступлении или расследования (рассмотрения) уголовного дела.

2. Уголовное судопроизводство осуществляется в сроки, установленные настоящим Кодексом. Продление этих сроков допустимо в случаях и в порядке, которые предусмотрены настоящим Кодексом, но уголовное преследование, назначение наказания и прекращение уголовного преследования должны осуществляться в разумный срок.

3. При определении разумного срока уголовного судопроизводства, который включает в себя период с момента начала осуществления уголовного преследования (в том числе начала предварительной проверки заявления, сообщения о преступлении) до момента прекращения уголовного преследования или вынесения обвинительного приговора, учитываются такие факторы, как эффективность надзора, а также действий суда, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя, производимых в целях своевременного возбуждения уголовного дела, осуществления уголовного преследования или рассмотрения уголовного дела, быстрого установления лица, подлежащего привлечению в качестве подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, своевременность обращения лица, которому деянием был причинен вред, объем, сложность, число необходимых и проведенных процессуальных действий, наличие либо отсутствие совокупности преступлений, осуществление уголовно наказуемой деятельности организованной преступной группой, потребность обращения к смежным правовым нормам или взаимодействия с иностранными правоохранительными органами, поведение потерпевших, подозреваемых, обвиняемых, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства и т.д.

3.1. При определении разумного срока досудебного уголовного производства, который включает в себя период с момента подачи заявления, сообщения о преступлении до принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела либо о приостановлении предварительного расследования по уголовному делу по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 208, либо о его прекращении по основанию, предусмотренному п. 3 ч. 1 ст. 24 настоящего Кодекса, учитываются такие критерии, как правовая и фактическая сложность предварительной проверки заявления, сообщения о преступлении или расследования уголовного дела, количество участников досудебного уголовного производства (как предварительной проверки заявления, сообщения о преступлении, так и расследования уголовного дела), полнота и объективность осуществленной предварительной проверки заявления, сообщения о преступлении и проведенного расследования уголовного дела, общая продолжительность досудебного уголовного производства.

3.2. При определении разумного срока судебного уголовного производства, который включает в себя период с момента поступления уголовного дела в суд до момента прекращения уголовного преследования или вынесения обвинительного приговора, учитываются такие критерии, как правовая и фактическая сложность уголовного дела, количество участников судебного уголовного производства по уголовному делу, общая продолжительность судебного уголовного производства.

3.3. При определении разумного срока применения меры процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия, в ходе уголовного судопроизводства учитываются критерии, указанные в ч. 3.1, 3.2 настоящей статьи, а также общая продолжительность применения меры процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество в ходе уголовного судопроизводства.

4. Факторы, связанные с организацией работы органов дознания, следствия, прокуратуры и суда, а также рассмотрение уголовного дела различными инстанциями не могут приниматься во внимание в качестве оснований для превышения разумных сроков осуществления уголовного судопроизводства.

5. В случае если после поступления уголовного дела в суд оно длительное время не рассматривается и судебный процесс необоснованно затягивается, заинтересованные лица вправе обратиться к председателю суда с заявлением об ускорении рассмотрения дела.

6. Заявление об ускорении рассмотрения уголовного дела рассматривается председателем суда в срок не позднее 5 суток со дня его поступления в суд. По результатам рассмотрения заявления председатель суда выносит мотивированное постановление, в котором может быть установлен срок проведения судебного заседания по делу и (или) могут быть приняты иные процессуальные действия для ускорения рассмотрения дела.

В заключение отметим, что обязанность соблюдения правоохранительными органами положений ст. 6¹ УПК РФ напрямую затрагивает вопросы защиты потерпевших от преступления через восстановление их нарушенных прав. Это одна из ключевых задач уголовного процесса России, выполнение которой обеспечивается в том числе разрешением уголовно-правового конфликта в разумные сроки. Однако отсутствие сегодня сбалансированных, однозначных, юридически выверенных формулировок, обеспечивающих реализацию принципа разумного срока уголовного судопроизводства, резко снижает эффективность применения упомянутой статьи уже на протяжении почти 7 лет, что в свою очередь не только дает возможность органам предварительного расследования Российской Федерации фактически игнорировать в своей работе ст. 6¹ УПК РФ либо трактовать ее так, как «будет удобно» в зависимости от ситуации, но и лишает жертв преступной деятельности права на серьезную государственную защиту и поддержку.

Литература

1. Федеральный закон от 30.04.2010 № 69-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О компе-

сации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

2. *Уголовный процесс: учебник для академического бакалавриата* / под ред. В.П. Божьева, Б.Я. Гаврилова. 6-е изд., перераб. и. доп. М.: Юрайт, 2016.

3. *Якимович Ю.К., Пан Т.Д.* Предварительное следствие по УПК РФ. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002.

4. *Дерисhev Ю.В.* Концепция уголовного досудебного производства в правовой доктрине современной России. Омск: Омская академия МВД России. 2004. 340 с.

5. *Курс уголовного процесса* / под ред. Л.В. Головки. М.: Статут, 2016.

6. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999.

7. *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. М.: Наука, 1970. Т. 2.

8. *Калиновский К.Б., Ахмедов М.М.* Международные стандарты срочности уголовного процесса в практике Европейского суда по правам человека // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006.

9. *Зацепина М.Н.* Разумный срок судопроизводства в уголовном процессе России: понятие, содержание, правовые средства реализации: дис. ... канд. юрид. наук. М.: Академия управления МВД России, 2016.

10. *Федеральный закон от 3 апреля 2016 г. № 331-ФЗ «О внесении изменений в статью 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»* // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

11. *Основные статистические данные о деятельности органов прокуратуры за 2014–2016 годы* // Портал Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <http://genproc.gov.ru/stat/data/> (дата обращения: 23.03.2017).

Derishev Yuri V. Omsk Law Academy (Omsk, Russian Federation), *Kozyrev Vladimir I.* Omsk State University of F.M. Dostoyevsky (Omsk, Russian Federation)

CRITERIA AND FACTORS FOR A REASONABLE TERM OF PRE-TRIAL CRIMINAL PROCEEDINGS

Keywords: criteria, factors, conditions, reasonable term of criminal proceedings, the prosecutor, investigator of investigation department.

The article is devoted to the circumstances influencing the reasonableness of the term of pre-trial criminal proceedings listed by the Russian legislator in Art. 6¹ of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, on the basis of which the subjects of the criminal process must determine whether the requirements of this article are met during the preliminary investigation or not.

The relevance of this article is determined by the fact that the tools provided by the Russian legislator to determine the reasonable term of criminal proceedings are almost completely unsuitable for use for their intended purpose. The problem identified has become the most acute in view of the ever increasing number of violations of federal legislation by the preliminary investigation departments, as evidenced by the basic statistical data on the activities of the prosecutor's office for 2014-2016. So, within the stage of initiating a criminal case by a preliminary investigation of the Russian Federation, procedural deadlines became the rule: in 2015 – 8569516 decisions were passed to refuse criminal proceedings, of which 575204 decisions were taken 2 times, and 465140 – 3 and more times, and of these 8569516 decisions to refuse to initiate criminal cases 2346476 decisions were again canceled, including those that were already canceled 3 or more times (their number was 366669). The refusal of the modern Russian legislator to comprehensively, completely, objectively investigate in optimal terms all the circumstances of the crime committed on the basis of the correct application of the law (the requirement formulated in Art. 20 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Socialist Federative Soviet Republic) led to the need for a normative settlement of the optimization of the terms of criminal proceedings. However, as the theoretical analysis and law-enforcement practice testifies, the requirements of Art. 6¹ of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation are of little use for the goal-setting and solution of the tasks of modern criminal justice in Russia. One of the main reasons for this problem is the absence of delimitation and ranking criteria for determining a reasonable time and factors affecting the length of time in Parts 3, 3.1, 3.3 of Art. 6¹ of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, which in itself excludes the possibility of effective application of

this rule of law. The current situation calls for the development of new legislative solutions to ensure the observance of a reasonable period of pre-trial criminal proceedings.

In the course of scientific work, the authors developed new circumstances that determine the reasonableness of the term of criminal proceedings, provides definitions of the concepts of criteria and factors for a reasonable period, reveals their content, taking into account that the wording of Art. 6¹ of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation has been completely revised.

References

1. Russian Federation. (2015) *Federal Law No. 69-FZ of April 30, 2010, On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in connection with the adoption of the Federal Law on compensation for violation of the right to proceedings in a reasonable time or the right to enforce a judicial act within a reasonable time*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99920/. (In Russian).
2. Bozhev, V.P. & Gavrillov, B.Ya. (eds) *Ugolovnyy protsess: uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata* [Criminal Trial: A Textbook For Academic Undergraduates]. 6th ed. Moscow: Yurayt.
3. Yakimovich, Yu.K. & Pan, T.D. (2002) *Predvaritel'noe sledstvie po UPK RF* [Preliminary investigation under the Code of Criminal Procedure]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Derishev, Yu.V. (2004) *Kontseptsiya ugolovnogo dosudebnogo proizvodstva v pravovoy doktrine sovremennoy Rossii* [The Concept of Criminal Pre-Trial Proceedings in the Legal Doctrine of Modern Russia]. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
5. Golovko, L.V. (2016) *Kurs ugolovnogo protsessa* [Criminal Process]. Moscow: Statut.
6. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (1999) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. 4th ed. Moscow: Azbukovnik.
7. Strogovich, M.S. (1970) *Kurs sovetskogo ugolovnogo protsessa* [Soviet Criminal Process]. Vol. 2. Moscow: Nauka.
8. Kalinovskiy, K.B. & Akhmedov, M.M. (2006) *Mezhdunarodnye standarty srochnosti ugolovnogo protsessa v praktike Evropeyskogo suda po pravam cheloveka* [International standards of the urgency of the criminal process in the practice of the European Court of Human Rights]. In: Dergach, N.S. (ed.) *Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal Problems of Strengthening Russian Statehood]. Tomsk: Tomsk State University.
9. Zatshepina, M.N. (2016) *Razumnyy srok sudoproizvodstva v ugolovnom protsesse Rossii: ponyatiye, sodержание, pravovye sredstva realizatsii* [The reasonable term of legal proceedings in the criminal process of Russia: The concept, content, legal means of implementation]. Law Cand. Diss. Moscow.
10. Russian Federation. (2016) *Federal Law No. 331-FZ of July 3, 2016, On Amending Article 6.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200702/. (In Russian).
11. Prosecutor General's Office of the Russian Federation. (n.d.) *Osnovnye statisticheskie dannye o deyatel'nosti organov prokuratury za 2014–2016 gody* [Basic statistical data on the activities of the Prosecutor's Office for 2014–2016]. [Online] Available from: <http://genproc.gov.ru/stat/data/>. (Accessed: 23rd March 2017).

УДК 343.1

DOI: 10.17223/22253513/25/9

Д.В. Емельянов

К ВОПРОСУ О ПОКАЗАНИЯХ ОБВИНЯЕМОГО, ПОЛУЧЕННЫХ В ХОДЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ И СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Исследуются нормы уголовно-процессуального законодательства, дискуссионные точки зрения российских ученых, а также судебно-следственная практика относительно показаний обвиняемого, полученных в ходе расследования и судебного разбирательства уголовного дела как один из видов доказательств и как способ реализации данным участником судопроизводства права на защиту. Вносятся предложения по совершенствованию УПК Российской Федерации в рассматриваемой сфере уголовно-процессуальной деятельности.

Ключевые слова: доказательства, виды доказательств, право на защиту, показания обвиняемых, показания подсудимых.

В отечественной уголовно-процессуальной доктрине традиционно показания обвиняемого рассматриваются в двух аспектах: как один из видов доказательств и как способ реализации обвиняемым права на защиту. В соответствии с ч. 2 ст. 47 УПК РФ обвиняемый, по уголовному делу которого назначено судебное разбирательство, именуется подсудимым. С учетом этого разница между понятиями «показания обвиняемого» и «показания подсудимого» определяется сущностью предварительного расследования и общими условиями, а также содержанием стадии судебного разбирательства. Большинство дискуссионных положений, касающихся показаний обвиняемого, можно рассматривать и применительно к показаниям подсудимого.

В настоящее время сложилось неоднозначное отношение к целесообразности сохранения показаний обвиняемого как вида доказательств. В частности, в силу ч. 2 ст. 77 УПК РФ признание обвиняемым своей вины может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении его виновности совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств. На это обращает внимание и Верховный Суд Российской Федерации в своем постановлении Пленума от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре». В данном документе указывается, что обвинительный приговор не может быть основан на предположениях, а все неустранимые сомнения в доказанности обвинения, в том числе отдельных его составляющих, толкуются в пользу подсудимого. Признание подсудимым своей вины, если оно не подтверждено совокупностью других собранных по делу доказательств, не может служить основанием для постановления обвинительного приговора (ч. 2 п. 17) [1]. Но если имеется эта совокупность доказательств, подтверждающих обвинение, то показания подсудимого могут вообще быть излишними. К примеру, Р. Куссмауль, анализируя причины дачи обвиняемым ложных показаний и способы проверки заявлений об оказании на данного субъекта уголовно-процессуальных от-

ношений давления в ходе допроса, приходит к выводу, что показания обвиняемого необходимо исключить из числа доказательств [2. С. 52–53]. В пользу данной позиции говорит и то, что обвиняемый (подсудимый) не несёт уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний.

Но если рассматривать показания подсудимого во втором аспекте – как способ реализации права на защиту, то очевидно, что этот вид доказательств при надлежащей проверке и оценке в совокупности с другими доказательствами может сыграть важную роль при принятии судом решения о вынесении оправдательного приговора. Исходя из содержания показаний обвиняемого, следователь, дознаватель или суд могут прийти к выводу о необходимости допроса дополнительных свидетелей, о назначении экспертиз, о производстве иных процессуальных действий. Таким образом, показания обвиняемого могут детерминировать появление в деле других доказательств. Кроме того, показания обвиняемого, признающего свою вину, часто свидетельствуют об искреннем раскаянии и рассматриваются уголовным законом как обстоятельство, смягчающее наказание (ст. 61 УК РФ).

В своих показаниях обвиняемый может признавать себя виновным полностью или частично либо не признавать свою вину, его показания могут быть правдивыми или заведомо ложными. Вместе с тем правдивость показаний не всегда означает их достоверность. Например, в силу особого эмоционального или физиологического состояния обвиняемый может неверно воспринимать и оценивать происходящее. В этой связи возникает вопрос: как оценивать показания обвиняемого с психическими аномалиями или находившегося в момент восприятия события в состоянии алкогольного или наркотического опьянения? Законодатель предусматривает следующие случаи обязательного назначения судебной экспертизы:

- для установления психического или физического состояния обвиняемого, когда возникает сомнение в его вменяемости или способности самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном судопроизводстве (п. 3 ч. 2 ст. 196 УПК РФ);

- для установления психического состояния обвиняемого в совершении в возрасте старше восемнадцати лет преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего возраста четырнадцати лет, для решения вопроса о наличии или об отсутствии у него расстройства сексуального характера (п. 4 ч. 2 ст. 196 УПК РФ);

- для установления психического или физического состояния обвиняемого, когда имеются основания полагать, что он является больным наркоманией (п. 4 ч. 2 ст. 196 УПК РФ).

В целях проверки способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать показания законодатель требует обязательное назначение судебной экспертизы только применительно к такому участнику уголовного судопроизводства, как потерпевший (п. 4 ч. 1 ст. 196 УПК РФ). В этой связи представляется вполне обоснованным предложение Д.В. Погорелова о том, что следует считать недопустимыми доказательствами показания обвиняемого, страдающего алкогольной или наркотической зависимостью, полученные в ходе досудебного производства

по уголовному делу, без учёта мнения специалиста о возможности дачи таких показаний [3. С. 7].

Отказ обвиняемого от показаний не может быть истолкован против него, не является даже косвенным подтверждением виновности. Право данного субъекта уголовно-процессуальных отношений на отказ от дачи показаний признаётся законодательством многих стран и не оспаривается учёными и практиками. Что же касается дачи обвиняемым заведомо ложных показаний, то здесь мнения юристов расходятся. По отечественному законодательству данное обстоятельство не является уголовно наказуемым. Однако некоторые учёные, ссылаясь на опыт зарубежных стран, предлагают ввести уголовную ответственность за дачу обвиняемым заведомо ложных показаний. Так, Е.П. Ищенко отмечает, что потерпевший в отличие от обвиняемого с момента возбуждения уголовного дела полностью раскрывает свою позицию, несёт уголовную ответственность за отказ от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний, в то время как обвиняемый от подобной обязанности освобожден. По его мнению, уйма времени, сил и средств тратится на проверку следователем заведомо ложных показаний подследственных, на опровержение надуманных версий, несмотря на то, что в государственных интересах защищать общество от преступников, а не наоборот [4. С. 2–10].

Считаем, что введение уголовной ответственности обвиняемого за дачу заведомо ложных показаний имело бы дисциплинирующее и воспитательное воздействие. Ведь стремясь построить линию защиты, данный участник уголовного судопроизводства иногда прибегает к перекладыванию вины на других лиц, делает ложное сообщение об алиби. А в силу принципа презумпции невиновности бремя опровержения доводов, приводимых в защиту обвиняемого, лежит на стороне обвинения (ч. 2 ст. 14 УПК РФ). Опровержение указанных доводов требует производства дополнительных процессуальных действий и может повлечь отложение судебного разбирательства (ст. 253 УПК РФ). Очевидно, что такое положение вещей может приводить к волоките и не способствует защите законных интересов других участников уголовного судопроизводства (потерпевших, гражданских истцов, их представителей).

Показания обвиняемого имеют юридическую силу, если они даны при строгом соблюдении уголовно-процессуального закона. УПК РФ признаёт недопустимыми показания обвиняемого, данные на предварительном следствии в отсутствие защитника, включая случаи отказа от защитника и не подтвержденные обвиняемым в суде (п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ). По мнению некоторых учёных, это положение идёт вразрез с концепцией допустимости доказательств. Ведь показания, данные в отсутствие защитника, могут быть получены в строгом соответствии с законом, надлежащим субъектом. Отказ от защитника может быть произведён в соответствии с УПК РФ. И тогда по всем критериям доказательство будет допустимым (надлежащий источник, уполномоченный субъект, соблюдение процедуры). Поэтому можно согласиться с позицией С.В. Некрасова, который, рассматривая данный вопрос, признаёт, что положение п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ говорит о формализации процесса доказывания и противоречит принципу свободы оценки доказательств [5. С. 23–24]. Но есть и противоположное мнение: названное положение воплощает один из принципов уголовного судопроизводства – презумп-

цию невиновности. Любые сведения, сообщённые подозреваемым и обвиняемым в ходе досудебного производства по уголовному делу и отвечающие требованиям допустимости на данном этапе, после неподтверждения их в суде автоматически признаются недопустимыми. Под неподтверждением ранее данных показаний понимается не только дача других, противоположных по своему содержанию показаний, но и отказ от дачи показаний [6. С. 192–193]. Очевидно, законодатель стремился исключить из числа доказательств «вынужденные признания», данные под давлением. Но такие показания должны считаться недопустимыми уже потому, что даны с нарушением положений ст. 9, ч. 4 ст. 164 УПК РФ, а не потому, что не подтверждены в суде. Обоснованной представляется точка зрения М.С. Бурсаковой о том, что закон должен указывать лишь на недопустимость показаний, данных будущим обвиняемым на допросе в качестве свидетеля, хотя согласно материалам уголовного дела у следователя уже имелись основания для предъявления ему обвинения [7. С. 129]. Суды также считают недопустимым оглашение в ходе судебного следствия объяснений лица, впоследствии признанного обвиняемым, поскольку такие объяснения доказательствами не являются [8].

В качестве примера можно привести случай, имевший место на практике, когда в связи с отказом подсудимого Д. от дачи показаний суд по ходатайству прокурора допросил в судебном заседании в качестве свидетелей следователей, проводивших в ходе досудебного производства допрос Д. в качестве подозреваемого и обвиняемого, восстановив тем самым показания, данные на предварительном следствии в отсутствие защитника. Конституционный Суд РФ признал такую практику незаконной и разъяснил, что положения УПК РФ в их конституционно-правовом истолковании не позволяют не только оглашать, но и восстанавливать путём допроса других лиц показания, данные в отсутствие защитника в ходе досудебного производства. Иное нарушало бы право подсудимого не свидетельствовать против самого себя [9].

Проверка показаний обвиняемого включает сопоставление с другими доказательствами, проведение процессуальных действий. При этом в равной степени должны быть проверены как показания подсудимого, признающего свою вину, так и его показания о непричастности к совершению преступления. К примеру, З. обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ст. 158 ч. 2 п. «б» УК РФ, а именно в том, что он с целью хищения чужого имущества подошёл к шкафу, принадлежащему Р., где взломал навесной замок, открыл шкаф и тайно похитил телевизионный кабель, электрический провод и дрель-перфоратор. Подсудимый вину свою признал частично, сказал, что дрель он не брал и замок не взламывал, так как шкаф был открыт. Суд сопоставил показания подсудимого с показаниями потерпевшего Р. и свидетеля С., которые утверждали, что перед посягательством шкаф был закрыт, и в нём находилась дрель. При таких обстоятельствах суд признал показания подсудимого недостоверными и расценил их как способ защиты. По делу был постановлен обвинительный приговор. В другом случае суд положил в основу приговора показания подсудимой М., обвиняемой по ч. 1 ст. 116 УК РФ, мотивируя это тем, что они последовательны и согласуются с другими доказательствами. К показаниям частного обвинителя и свидетелей со стороны обвинения суд отнёсся критически, так как они были противоре-

чивы и не подтверждались медицинскими документами. М. была оправдана [10].

Версию об алиби подсудимого могут подтверждать показания и тех свидетелей, которые не были допрошены на стадии предварительного расследования, ведь согласно ч. 4 ст. 271 УПК РФ суд не вправе отказать в удовлетворении ходатайства о допросе в судебном заседании лица в качестве свидетеля или специалиста, явившегося в суд по инициативе сторон.

Необходимо отметить, что закон предусматривает случаи, когда могут быть оглашены показания подсудимого, данные им на предварительном следствии или ранее в суде (ст. 276 УПК РФ). Наличие исчерпывающего перечня таких случаев подчёркивает действие принципа непосредственности (ст. 240 УПК РФ). Возникает вопрос: распространяются ли положения статьи 276 УПК РФ об исключительных случаях оглашения в суде показаний подсудимого, данных при производстве предварительного расследования, на сведения, сообщённые при производстве иных, помимо допроса, следственных действий?

В юридической литературе мы встретили такую позицию: «не имеет значения, при производстве какого следственного действия были даны показания» [11. С. 393]. Получается, что показания могут быть даны не только в ходе допроса, хотя это противоречит ч. 1 ст. 77 УПК РФ, где приводится определение показаний обвиняемого. В частности, А.С. Александров пишет: «Недопустимо оглашение показаний свидетелей и тем более подсудимых, заключающихся в протоколе обыска, выемки, осмотра, освидетельствования или иного следственного действия. В ходе оглашения протоколов следственных действий, проводимых с участием подсудимого, а также свидетелей, потерпевших, экспертов, показания этих лиц не могут быть оглашены, если не соблюдены условия, предусмотренные ст. 276, 281 УПК» [12. С. 505]. Таким образом, автор также допускает возможность получения показаний в ходе практически любого следственного действия.

С учетом изложенного мы полагаем, что необходимо внести в ч. 1 ст. 77 УПК РФ изменения, позволяющие признавать показаниями обвиняемого сведения, сообщённые не только в ходе допроса, но и в ходе очной ставки, предъявления для опознания, проверки показаний на месте.

Литература

1. Информационно-правовой портал Гарант.ру. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71451272/#ixzz4rDWeRNwh>
2. Куссмауль Р. Исключить показания обвиняемого из числа доказательств // Российская юстиция. 2001. № 7.
3. Погорелов Д.В. Некоторые аспекты защиты прав обвиняемых (подозреваемых), страдающих физическими и психическими недостатками: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2005.
4. Ищенко Е.П. Кто защитит потерпевшего? // Уголовное судопроизводство. М.: Юрист, 2007. № 3.
5. Некрасов С.В. Толкование и применение уголовно-процессуальных норм о юридической силе доказательств. М.: Юрлитинформ, 2008.
6. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ / под общ. ред. В.В. Мозякова. М., 2002.

7. Бурсакова М.С. Показания подсудимого в судебном следствии // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): матер. междунар. науч.-практ. конф., г. Екатеринбург, 27–28 января 2005 г.: в 2 ч. Екатеринбург, 2005. Ч. 1.

8. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 21 июня 2006 г. № 3-о06-11.

9. Определение Конституционного Суда РФ от 06.02.2004 № 44-О «По жалобе гражданина Демьяненко Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 56, 246, 278 и 355 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Информационно-правовой портал Гарант.ру. URL: <http://base.garant.ru/1353479/#ixzz4rDIOziCh>

10. Архив Смоленского районного суда Смоленской области. Дела № 1-71/07 и № А-10-8/06.

11. 900 ответов на вопросы прокурорско-следственных работников по применению УПК РФ. М.: Экзамен, 2004.

12. Уголовный процесс России: учебник / А.С. Александров, Н.Н. Ковтун, М.П. Поляков, С.П. Сереброва. М.: Юрайт-издат, 2003.

Yemelyanov Dmitry V. Smolensk regional court (Smolensk, Russian Federation)

TO THE QUESTION OF TESTIMONY OF THE DEFENDANT DURING PRELIMINARY INVESTIGATION AND CRIMINAL PROCEEDINGS

Keywords: evidence, types of evidence, right to protection, testimony of defendants.

The author examines the role and value of testimony of the defendant in a criminal case in two aspects: as one of types of evidence and as way of realization by the defendant of the right to protection. The debatable question concerning expediency of saving testimony of the defendant as type of evidence is under consideration. Provisions of the Plenum resolution of the Supreme Court of the Russian Federation of November 29, 2016 No. 55 "About the court sentence" and the points of view of legal scholars on the matter are analyzed. The author concludes that if to consider testimony of the defendant as a way of realization of the right to protection, it is obvious that this type of evidence under appropriate check and assessment together with other proofs can play an important role when the court passes the sentence of acquittal.

The article deals with the problems of assessment of testimony of the defendant with mental anomalies or if he was under the influence of alcohol or drugs at the time of perception of the event. The proposals of some legal scholars to consider the pre-trial testimony of the defendant having alcoholic or drug addiction inadmissible, sounds reasonable. The conclusion about the expediency of introduction of criminal liability for the defendant for giving obviously false testimony that can have a disciplinary and educational impact on this subject of the criminal procedure relations, will reduce red tape in a criminal case and will protect the legitimate interests of other participants of criminal legal proceedings (the victims, civil claimants and their representatives) is substantiated.

The debatable points of view of legal scholars, a judicial and investigative practice concerning admissibility by court of the testimony given by the defendant during preliminary investigation are analyzed. As a result, the author concludes about the expediency of entering into Part 1, Article 77 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation of the changes allowing to recognize as testimony of the defendant the data reported not only during interrogation but also during a face-to-face interrogation, police identification and verification of testimony on the crime scene.

References

1. Supreme Court of The Russian Federation. (2016) *Decision No. 55 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 29, 2016, On the Judicial sentence*. [Online]: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71451272/>. (In Russian).

2. Kussmaul, R. (2001) Isklyuchit' pokazaniya obvinyaemogo iz chisla dokazatel'stv [To exclude the evidence of the accused from the list of evidence]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 7.

3. Pogorelov, D.V. (2005) *Nekotorye aspekty zashchity prav obvinyaemykh (podozrevaemykh), stradayushchikh fizicheskimi i psichicheskimi nedostatkami* [Some aspects of the protection of the rights of defendants (suspects) who suffer from physical and mental handicaps]. Abstract of Law Cand. Diss. Chelyabinsk.

4. Ishchenko, E.P. (2007) Kto zashchitit poterpevshego? [Who will protect the victim?]. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo – Criminal Judicial Proceeding*. 3.
5. Nekrasov, S.V. (2008) *Tolkovanie i primeneniye ugovolno-protsessual'nykh norm o yuridicheskoy sile dokazatel'stv* [Interpretation and application of criminal procedural norms on the legal force of evidence]. Moscow: Yurlitinform.
6. Mozyakov, V.V. (ed.) (2002) *Kommentariy k Ugolovno-protsessual'nomu kodeksu RF* [Commentary to the Code of Criminal Procedure]. Moscow: [s.n.].
7. Bursakova, M.S. (2005) [Evidence of the defendant in the judicial investigation]. *Pyat'desyat let kafedre ugovolnogo protsessa UrGYuA (SYul)* [Fifty years of the Department of Criminal Procedure UrGuA (SSI)]. Proc. of the International Conference. Ekaterinburg. January 27–28, 2005. Ekaterinburg. (In Russian).
8. Supreme Court of the Russian Federation. (2006) *The Cassation Resolution No. 3-006-11 of the Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of June 21, 2006*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=32202#0>. (In Russian).
9. Constitutional Court of the Russian Federation. (2004) *Decision No. 44-O of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 6, 2004, On the complaint of a citizen Demyanenko Vladimir Nikolaevich on violation of his constitutional rights by the provisions of Articles 56, 246, 278 and 355 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation*. [Online] Available from: <http://base.garant.ru/1353479/#ixzz4rDIOziCh>. (In Russian).
10. *The Archive of the Smolensk District Court of Smolensk Region*. Cases № 1-71/07 i № A-10-8/06.
11. Korotkov, A.P. & Timofeev, A.V. (2004) *900 otvetov na voprosy prokurorsko-sledstvennykh rabotnikov po primeneniyu UPK RF* [900 Answers to Questions of Prosecutors and Investigators on the Application of The Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. Moscow: Ekzamen.
12. Aleksandrov, A.S., Kovtun, N.N., Polyakov, M.P. & Serebrova, S.P. (2003) *Ugolovnyy protsess Rossii* [Criminal Trial In Russia]. Moscow: Yurayt-izdat.

УДК 327.7

DOI: 10.17223/22253513/25/10

Д.С. Миц, Е.Г. Андриянченко

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ И ЭКСТРЕМИЗМУ НА ТЕРРИТОРИИ ГОСУДАРСТВ – ЧЛЕНОВ ОДКБ

Рассмотрены организационно-правовые тенденции, сущность, специфика и перспективы по вопросам информационного противодействия терроризму и экстремизму на территории государств – членов ОДКБ. На основе анализа существующих доктринальных подходов, обобщения материалов научных публикаций и периодической печати, а также иных источников информационно-аналитических данных по проблеме исследования авторы раскрывают специфику формирования системы безопасности государств – членов ОДКБ в условиях новых вызовов и угроз в информационной сфере, а также формулируют обоснованные предложения по совершенствованию организационно-правовых механизмов в сфере информационного противодействия терроризму и экстремизму.

Ключевые слова: борьба, терроризм, информация, противодействие, экстремизм, субъект, деятельность, пространство, управление, влияние.

СМИ и информационно-телекоммуникационные ресурсы, в том числе ресурсы сети Интернет, являются эффективным средством информационного воздействия [1] и широко используются международными террористическими и экстремистскими организациями, сторонниками этнического национализма для пропаганды экстремистской идеологии, вербовки в свои ряды новых членов, а также осуществления информационно-психологических акций в ущерб интересам безопасности государств – членов ОДКБ.

Одним из основных инструментов при реализации деструктивных замыслов экстремистского характера являются виртуальные площадки (сайты, блоги, форумы, тематические сообщества в социальных сетях), где формируются протестные сообщества, организовывается «раскрутка» информационных поводов, способных спровоцировать в обществе ситуации реальных столкновений, акций протеста и массовых беспорядков.

К числу угроз безопасности государств – членов ОДКБ, связанных с использованием информационных ресурсов и информационно-коммуникационных систем террористическими и иными экстремистскими структурами, относятся:

1. Распространение радикальных идеологий в информационном пространстве (формирование привлекательности экстремистских идеологических конструкций у социальной базы терроризма и экстремизма; панического страха перед террористами у широких слоев населения; негативного отношения к существующему государственному устройству).

2. Информационно-техническое обеспечение террористической деятельности (оправдание террористических действий и призывы к активной поддержке деятельности террористических организаций; формирование пособнической базы в социальных сетях; организация финансирования террористических и экстремистских граждан с использованием интернет-ресурсов).

3. Информационное сопровождение при планировании и организации экстремистских и террористических проявлений (насиловственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности государств – членов ОДКБ, воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме и т.д.).

Объединяющим фактором угроз безопасности в сфере ИПТЭ является условие возможности перевода конфликтов (противоречий) любого характера в систему экстремистских и террористических проявлений.

Представители международных террористических организаций (в первую очередь МТО «Исламское государство») через социальные сети и подконтрольные им медиаресурсы оказывают негативное информационно-психологическое воздействие на различные социальные группы (прежде всего молодежь) в целях вербовки новых членов в ряды данных организаций.

Теоретические и прикладные основы организации информационного противодействия терроризму и экстремизму исследовались комплексно как единое целое во взаимосвязи всех основных элементов данной деятельности (субъект, объект, процессы, условия, результат) [2, 3]. В качестве критериев анализа научных трудов по рассматриваемой тематике выделены следующие:

- актуальность теоретико-прикладных проблем в сфере информационного противодействия терроризму и экстремизму;
- основные научные направления решения проблем в сфере информационного противодействия терроризму и экстремизму;
- сущность понятия информационного противодействия терроризму и экстремизму.

Так, с позиций философии [4–6] были рассмотрены информационные технологии как один из содержательных элементов деятельностной грани внутренней структуры современного терроризма, раскрыты содержательные аспекты экспансии терроризма в информационно-коммуникативную сферу общества, обоснованы способы противодействия терроризму с использованием информационных технологий.

В рамках социологии [7–9] исследователи уделяли особое внимание анализу проблемы терроризма в дискурсе СМИ и Интернета, а также роли и возможностям средств массовой коммуникации в борьбе с проявлениями терроризма и экстремизма.

С точки зрения политологии [10–12] были изучены причины и основные направления использования террористами современных информационных технологий в преступных целях, аспекты влияния процесса информатизации и высоких технологий на модели и формы современного терроризма, а также сущность и содержание информационного обеспечения антитеррористической деятельности государства.

Юридическое направление изучения проблемы взаимоотношений массовых коммуникаций и терроризма представлено исследованиями общих тенденций в международном и внутригосударственном праве по вопросам ограничения свободы использования СМИ в контексте борьбы с международным терроризмом. Так, Р.А. Азимов рассматривает характерные черты террористической идеологии, мотивы обращения к ней и способы формирования террористического мировоззрения. Автор обосновывает необходимость использования информационных ресурсов в целях противодействия терроризму и формирования антитеррористической идеологии в государствах – членах ОДКБ.

Процессы и условия организации деятельности в сфере ИПТЭ в диссертационных и научно-исследовательских работах охватывают широкий спектр внешних и внутренних факторов. При этом к внешним факторам, как правило, относят характеристики динамично меняющейся обстановки в сфере ИПТЭ. Как пример, существенное влияние на ее развитие оказывают следующие факторы:

- усиление влияния информации и информационных ресурсов на развитие и функционирование государственных и социальных институтов гражданского общества;
- отсутствие единого антитеррористического информационного пространства на международном и национальном уровне;
- разработка рядом государств концепций информационных войн, предусматривающих создание средств опасного воздействия на информационные сферы других стран мира;
- нарушения нормального функционирования информационных и телекоммуникационных систем (сохранность информационных ресурсов, получение несанкционированного доступа к ним), которые могут быть использованы международными террористическими организациями в своих целях;
- упрощение порядка формирования и как следствие значительное увеличение числа субъектов, осуществляющих сбор, формирование, распространение и использование информации, наличие обусловленных этим проблем осуществления контроля за легитимностью их действий;
- сохраняющиеся межэтнические, межконфессиональные и иные социальные противоречия, наличие условий для деятельности экстремистски настроенных лиц и организаций;
- ненадлежащий контроль за распространением идей радикализма, пропагандой насилия и жестокости в едином информационном пространстве государств – членов ОДКБ.

Учитывая массовую доступность информационных ресурсов, а также относительную простоту и удобство использования современных информационных технологий, практически любой субъект противоправной деятельности в той или иной степени имеет возможности использовать информационное пространство для решения собственных задач. В связи с этим актуальным представляется изучение особенностей использования информационного пространства различными субъектами террористической и

экстремистской деятельности¹. К данным субъектам относятся: террористические и экстремистские организации; спецслужбы иностранных государств, поддерживающие террористические и экстремистские организации; радикальные религиозные организации и объединения; радикальные молодежные объединения; средства массовой информации, оказывающие поддержку распространению радикальных идей; зарубежные и отечественные некоммерческие неправительственные организации; радикально настроенные лидеры национальных диаспор; политические партии, представители несистемной оппозиции, которые используют радикальные методы и средства в политической борьбе.

Основными объектами, на которые направлена деятельность субъектов террористической и экстремистской деятельности в информационном пространстве, являются общественное сознание в целом, групповое сознание и социальные представления целевых аудиторий (представителей органов государственной власти и местного самоуправления, сотрудников правоохранительных органов и спецслужб, представителей общественных организаций и объединений и т.д.), а также индивидуальное сознание физических лиц. С точки зрения социологии общественное сознание представляет собой совокупность социальных представлений, чувств и настроений, господствующих в обществе в течение определенного временного интервала. Используя информационное пространство и информационные технологии, субъекты террористической и экстремистской деятельности стремятся навязать обществу социально приемлемые представления о целях и задачах экстремистских и террористических организаций, с одной стороны, а с другой – инспирировать в обществе всеобщую атмосферу фрустрации и страха перед неотвратимостью совершения террористических актов как следствие проводимой государственной политики. Тем самым субъекты террористической деятельности могут формировать предпосылки роста социально-политической напряженности в обществе.

Другим объектом негативного информационно-психологического воздействия субъектов террористической и экстремистской деятельности являются социальные представления целевых аудиторий и индивидуальное сознание физических лиц. Целевыми аудиториями являются, как правило, представители уязвимых социальных групп (национальные и религиозные меньшинства, малообеспеченные граждане, молодежь, трудовые мигранты), представители органов государственной власти и местного самоуправления, а также сотрудники правоохранительных органов. Воздействие на граждан осуществляется в целях формирования и развития устойчивой социальной базы поддержки террористических и экстремистских идей. Воздействие на органы государственной власти, местного самоуправления, а также на

¹ Под субъектами террористической и экстремистской деятельности авторы понимают не только организации и физических лиц, непосредственно осуществляющих террористическую и экстремистскую деятельность, но также тех субъектов общественного процесса, оказывающих содействие распространению радикальных идей, материальную либо иную поддержку террористическим и экстремистским организациям, а также использующим деятельность данных организаций для достижения собственных политических и экономических целей.

сотрудников правоохранительных органов осуществляется, как правило, в целях склонения их к отказу от уголовного преследования лиц, осуществляющих террористическую и экстремистскую деятельность.

В качестве средств негативного информационного воздействия субъекты террористической и экстремистской деятельности могут использовать различные средства коммуникации. Иностранные спецслужбы, иностранные неправительственные некоммерческие и международные организации, инспирирующие активность субъектов террористической и экстремистской деятельности в информационном пространстве, способны использовать любой информационный контент нейтрального характера в целях обострения социально-политических противоречий в обществе. При этом основными средствами негативного информационного воздействия субъектов террористической и экстремистской деятельности, как правило, выступают:

1. Печатная, аудио- и видеопродукция террористической и экстремистской направленности, которая используется для информирования целевой аудитории об идеологических установках террористических организаций, особенностях организации ими противоправной деятельности, а также о преследуемых террористами целях. Зачастую информационные материалы террористических организаций представляют собой программу социальных и общественных преобразований, что повышает их привлекательность и способствует увеличению числа лиц, поддерживающих взгляды данных организаций.

2. Сайты террористических и экстремистских организаций, которые являются основным средством доведения информации террористического и экстремистского содержания до целевой аудитории. Кроме того, сайты, содержащие информационные материалы террористической и экстремистской направленности, могут использоваться вербовщиками для поиска лиц, придерживающихся радикальных взглядов, в целях склонения их к ведению террористической и экстремистской деятельности либо оказанию финансовой поддержки террористических организаций¹.

3. Блоги, распространяющие частные мнения и точки зрения относительно деятельности субъектов терроризма и экстремизма. Большим успехом у целевой аудитории пользуются блоги известных религиозных деятелей и представителей молодежных организаций радикальной направленности, которые предлагают радикальные методы решения социально-экономических проблем современного общества, ссылаясь на известные примеры отечественной и мировой истории. Активная блогерская деятельность данных лиц приводит к популяризации радикальных идей в отечественном информационном пространстве и способствует расширению социальной базы поддержки террористических и экстремистских идей в обществе.

4. Закрытые группы в социальных сетях и интернет-форумы, которые используются субъектами террористической и экстремистской деятельности

¹ Специальное программное обеспечение позволяет провайдеру отслеживать активность посещения сайтов, веб-страниц и иных интернет-ресурсов, а также определять персональные данные лиц, многократно посещавших данный информационный ресурс [13].

для организации общения, обмена информацией, а также в целях планирования и координации совместных действий при проведении террористических и экстремистских акций. В закрытых интернет-форумах лица могут получить необходимую информацию о способах и приемах подготовки и совершения террористических актов, изучить основы конспирации и тактики действий в случае задержания их сотрудниками правоохранительных органов, а также определить маршрут выезда на территорию, контролируемую террористами.

Кроме того, как показывает опыт «цветных революций», в период резкого обострения социально-политической обстановки в стране (регионе) социальные сети и интернет-форумы могут использоваться радикальными религиозными и общественными организациями, политическими партиями, представителями несистемной оппозиции для организации массовых беспорядков, проведения акций гражданского неповиновения и силовых акций по захвату власти в государстве. Примером тому могут служить события государственного переворота на Украине 2013–2014 гг., в ходе которого украинских граждан через форумы и социальные сети активно вовлекали в силовые акции в поддержку оппозиции.

5. Электронные письма, сообщения в социальных сетях и СМС-рассылки, содержащие предупреждения о готовящихся экстремистских акциях и террористических актах, используются субъектами террористической деятельности для создания атмосферы всеобщего страха и повышения уровня тревожности населения, связанного с угрозами их жизни и имуществу. Данные средства являются составной частью крупномасштабных информационных кампаний и направлены, с одной стороны, на создание и поддержание искусственного информационного ажиотажа вокруг проблемы терроризма, а с другой – на формирование у населения скептического отношения к деятельности собственных национальных органов безопасности и их способности противостоять существующим вызовам террористического и экстремистского характера. Кроме того, рассылка подобных информационных сообщений способствует также нагнетанию социальной напряженности в обществе, поскольку их авторы намеренно выделяют религиозную и национальную принадлежность террористов, способствуя тем самым формированию в общественной среде негативных установок по отношению к представителям определенных национальных или конфессиональных общностей.

Анализ особенностей деятельности террористических и экстремистских организаций в информационном пространстве, а также изучение объектов негативного информационно-психологического воздействия позволил определить цель деятельности субъектов терроризма и экстремизма в информационном пространстве – формирование в обществе атмосферы панического страха перед террористами, убеждений в неспособности органов власти оказывать эффективное противодействие данным угрозам (характерно для субъектов террористической деятельности) и как следствие этого – радикализация общественного сознания населения и создание очагов социально-политической напряженности на территории государств – членов ОДКБ (особенно характерно для субъектов экстремистской деятельности).

Реализация указанной цели субъектами терроризма и экстремизма в информационном пространстве сопровождается решением следующих задач:

1. Информационное сопровождение террористических и экстремистских акций. Так, на страницах сайтов, в социальных сетях или в блогах экстремистские и террористические объединения размещают информационно-пропагандистские сообщения о планируемых или совершенных действиях. При этом проведение силовых акций экстремисты обосновывают необходимостью оказания давления на репрессивные режимы с целью склонения их к переговорам с целью мирного решения возникших разногласий.

2. Организация коммуникации между субъектами террористической и экстремистской деятельности и обширной аудиторией в сети Интернет. Ряд сайтов содержит подробную информацию об экстремистских и террористических организациях, их целях и задачах, объявления о времени и месте встречи заинтересованных в поддержке террористов лиц. Большинство сайтов террористических организаций имеют версии на разных языках, что служит более широкому охвату аудитории, в том числе для воздействия на жителей других стран. В результате радикалы из любых стран или регионов мира могут находиться в тесном контакте друг с другом, обмениваться материалами, обсуждать последние новости, планировать акции, а также осуществлять иные совместные действия.

3. Привлечение граждан в ряды террористических и экстремистских организаций. Агитация в СМИ и сети Интернет со стороны террористических и экстремистских организаций приводит к тому, что пользователи в ходе посещения сайтов радикальных структур проникаются их идеями, скачивают интересующую информацию, видео- и аудиофайлы, которыми обмениваются с друзьями, знакомыми. В результате этого лица, поддерживающие радикальные идеи, могут объединяться в виртуальные сообщества с целью оказания поддержки террористическим и экстремистским организациям.

4. Обучение сторонников террористической и экстремистской деятельности в сети Интернет. Учебно-информационная работа террористических и экстремистских организаций – еще один аспект использования ими возможностей сети Интернет. В последние годы для многих экстремистских и террористических группировок Глобальная сеть стала средством подготовки новых активистов и исполнителей терактов (размещаются подробные инструкции по изготовлению взрывчатых устройств, организации засад на сотрудников правоохранительных органов и спецслужб и др.).

5. Осуществление информационной поддержки материально-технического обеспечения террористической и экстремистской деятельности. В целях привлечения дополнительных средств для финансирования террористической и экстремистской деятельности ряд, как правило, откровенно экстремистских интернет-ресурсов выступает с призывами о сборе денег. Данная деятельность обосновывается как открытым призывом о помощи террористическим и экстремистским организациям, так и под вполне благовидными предлогами. В последнее время в сети Интернет набирает популярность сбор финансовых средств на издательство религиозной

литературы, а именно – на тиражирование за счет частных пожертвований экземпляров радикальных изданий.

Таким образом, необходимо отметить, что использование информационного пространства субъектами террористической и экстремистской деятельности характеризуется стремлением субъектов террористической и экстремистской деятельности реализовать свои замыслы путем целенаправленного оказания негативного информационного воздействия на общественное сознание, формируя социальные установки на неприятие ценностей как светского общества, так и традиционных религий. При этом информационное пространство используется ими для решения задач идеологического, организационного и материального обеспечения своей противоправной деятельности.

На современном этапе в целях совершенствования системы информационного противодействия терроризму и экстремизму создается система защиты единого информационного пространства государств – членов ОДКБ, которая позволяет получать упреждающую информацию о деятельности террористических и экстремистских организаций, а также разъяснять населению ее деструктивную сущность и общественную опасность для формирования стойкого неприятия обществом идеологии насилия. В рамках создания единого антитеррористического информационного пространства [14] органам исполнительной власти предлагается активно привлекать общественные и религиозные организации, СМИ, научные и образовательные учреждения, экспертные организации, а также иные субъекты гражданского общества.

Построение системы защиты единого общегосударственного информационного пространства от террористических и экстремистских угроз осуществляется в том числе в рамках мероприятий ИПТЭ и предполагает реализацию комплекса задач при участии различных субъектов государственной власти и институтов гражданского общества. Поэтому актуальным является совершенствование механизмов координации работы между национальными органами безопасности, органами исполнительной власти и институтами гражданского общества в сфере ИПТЭ. При этом под взаимодействием национальных органов безопасности с органами исполнительной власти и институтами гражданского общества в сфере информационного противодействия экстремизму и терроризму понимается осуществляемая на единой нормативной правовой и концептуальной основе деятельность субъектов противодействия терроризму и экстремизму – уполномоченных органов государственной власти и органов местного самоуправления, в компетенцию которых входит проведение мероприятий по противодействию терроризму и экстремизму, негосударственных организаций и объединений граждан (институтов гражданского общества), а также отдельных граждан, оказывающих содействие органам государственной власти и органам местного самоуправления в осуществлении мероприятий, направленных на решение совместных задач по пресечению террористических и экстремистских действий в информационном пространстве.

Основные задачи взаимодействия национальных органов безопасности с органами исполнительной власти и институтами гражданского общества в сфере ИПТЭ включают:

- согласование мероприятий органов исполнительной власти и институтов гражданского общества по мониторингу информационной активности террористических и экстремистских организаций;
- организацию согласованного информационно-психологического воздействия со стороны органов исполнительной власти и институтов гражданского общества на целевые аудитории социальных групп, наиболее подверженных влиянию идеологий радикального толка;
- совершенствование правовой базы по координации деятельности органов исполнительной власти и институтов гражданского общества, а также организационно-методическое сопровождение в сфере ИПТЭ;
- выработку согласованных мер органов исполнительной власти и институтов гражданского общества в области профилактики терроризма и экстремизма в информационной сфере.

Полагаем, что в современных условиях активизации парламентского и экспертного (в том числе военного) межгосударственного сотрудничества рассмотренные и обоснованные в статье элементы системы ИПТЭ государств – членов ОДКБ могут быть востребованы заинтересованными экспертами при разработке, оптимизации, совершенствовании и сближении соответствующих организационно-правовых алгоритмов и механизмов национального, регионального и международного уровней.

Литература

1. *Статья 13 Доктрины информационной безопасности Российской Федерации* (утв. Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646) // Собрание законодательства РФ. 2016. 12 дек. № 50. Ст. 7074.
2. *Шкляр М.Ф.* Основы научных исследований. М.: Наука, 2008.
3. *Кокорин А.А.* Философский алгоритм познания: содержание и практические возможности. М.: Изд-во МГОУ, 2013. 322 с.
4. *Вялых В.А.* Сущность системно-деятельностного подхода [Электронный ресурс]. URL: <http://pandia.ru/text/77/450/13371>.
5. *Кафтан В.В.* Терроризм как общественное явление современности: Социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. М.: Военный университет, 2004.
6. *Резяпова Г.Ф.* Терроризм как социальное явление: дис. ... канд. филос. наук. Уфа: БГМУ, 2005.
7. *Муфтахова Ф.С.* Современный терроризм: специфика, причины, основные направления противодействия: дис. ... канд. филос. наук. Уфа: БГМУ, 2006.
8. *Никулина И.В.* Проблемы глобального терроризма в дискурсе СМИ: социологический анализ: дис. ... канд. соц. наук. Н. Новгород: НГУ им. Н.И. Лобачевского, 2007.
9. *Катрич Л.В.* Плюрализация форм терроризма в современном мире: социологические подходы: дис. ... канд. соц. наук. М.: МГИМО, 2009.
10. *Гурба В.Н.* Терроризм в регионах адатных культур: на примере Северо-Кавказского региона: дис. ... д-ра соц. наук. Новочеркасск: ЮРГТУ, 2011.
11. *Соломин Д.А.* Противодействие терроризму в информационной сфере: дис. ... канд. полит. наук. М.: Дип. академия, 2004.
12. *Шамов М.И.* Государственная стратегия и политические технологии предупреждения информационного терроризма в современном российском обществе: дис. ... канд. полит. наук. Н. Новгород: НГУ им. Н.И. Лобачевского, 2007.

13. Запечников С.В., Милославская Н.Г., Толстой А.И., Ушаков Д.В. Информационная безопасность открытых систем. Т. 1: Угрозы, уязвимости, атаки и подходы к защите. М.: Телеком, 2006. С. 44–48.

14. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации 5 октября 2009 г.) // Российская газета. 2009. 20 окт. № 198.

Mits Denis S. Advisory Board of the Council of the Parliamentary Assembly of the Collective Security Treaty, Joint Commission of the IPA CIS on the harmonization of legislation in the sphere of security and counteraction against new challenges and threats,

Andryjanchenko Eugene G. Moscow Institute of Radioengineering, electronics and automation (Moscow, Russian Federation)

TOPICAL ISSUES OF FORMATION OF THE SYSTEM OF INFORMATIONAL COUNTERACTION TO TERRORISM AND EXTREMISM ON THE TERRITORY MEMBER STATES OF THE CSTO

Keywords: battle, terrorism, information, resistance, extremism, entity, activity, space, control, influence.

The article considers the legal trends, the essence, specificity and prospects of informational counteraction to terrorism and extremism on the territory of the member States of the CSTO. The author defines the main directions of cooperation between national security agencies with the Executive bodies, civil society institutions and individual citizens on the protection of information space from illegal encroachments of subjects of terrorist and extremist activities.

The results of the analysis of scientific works in which substantial aspects of informational counteraction to terrorism and extremism were discussed from different perspectives (philosophical, political, sociological and legal), revealed a theoretical and applied basis for the organization of informational counteraction to terrorism and extremism on the territory of the member States of the CSTO. On the basis of studying the characteristics of the activities of terrorist and extremist organizations in the information space for the Russian segment of the Internet was identified the main threats to the security of States – CSTO members related to the use of information resources and information and communication systems by terrorists and extremists; classified subjects, the possibility of using the Internet to organize and support their illegal activities; defined the main objects of the negative impact of terrorist and extremist organizations, with the help of modern information technologies.

The authors believe that the main objectives of terrorists and their accomplices in the information space are: the organization of communication between subjects of terrorist and extremist activities and a vast audience on the Internet; involvement of citizens into the ranks of terrorist and extremist organizations; training of supporters of terrorist and extremist activities on the Internet; provision of information support of terrorist and extremist activities. In General, these entities aim to create in society an atmosphere of fear terrorists, to form beliefs in the inability of the authorities to provide effective counteraction to these threats and as a consequence – to radicalize the public consciousness of the population and to create pockets of socio-political tension in the territory of the member States of the CSTO.

To successfully counteract these threats, the authors propose to organize a system of protecting a single national information space from terrorist and extremist threats, which involves the implementation of measures, IPTA with the participation of different actors of state and civil society institutions.

References

1. President of the Russian Federation. (2016) Stat'ya 13 Doktriny informatsionnoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii (utv. Ukazom Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 5 dekabrya 2016 goda № 646) [Article 13 of the Doctrine of Information Security of the Russian Federation (approved by Decree No. 646 of the President of the Russian Federation of December 5, 2016)]. *Legislative Bulletin of the Russian Federation*. 50. Art. 7074.

2. Shklyar, M.F. (2008) *Osnovy nauchnykh issledovaniy* [Fundamentals of Scientific Research]. Moscow: Nauka.

3. Kokorin, A.A. (2013) *Filosofskiy algoritm poznaniya: sodержanie i prakticheskie vozmozhnosti* [Philosophical Algorithm of Cognition: Content and Practical Possibilities]. Moscow: Moscow State Regional University.

4. Vyalykh, V.A. (n.d.) *Sushchnost' sistemno-deyatel'nostnogo podkhoda* [Essence of the System-Activity Approach]. [Online] Available from: <http://pandia.ru/text/77/450/13371>.
5. Kaftan, V.V. (2004) *Terrorizm kak obshchestvennoe yavlenie sovremennosti: Sotsial'no-filosofskiy analiz* [Terrorism as a Social Phenomenon of Our Time: Socio-Philosophical Analysis]. Philosophy Cand. Diss. Moscow: Voenny universitet.
6. Rezyapova, G.F. (2005) *Terrorizm kak sotsial'noe yavlenie* [Terrorism as a social phenomenon]. Philosophy Cand. Diss. Ufa: Bashkir State Medical University.
7. Muftakhova, F.S. (2006) *Sovremennyy terrorizm: spetsifika, prichiny, osnovnye napravleniya protivodeystviya* [Modern Terrorism: Specificity, Causes, Main Directions of Counteraction]. Philosophy Cand. Diss. Ufa: Bashkir State Medical University.
8. Nikulina, I.V. (2007) *Problemy global'nogo terrorizma v diskurse SMI: sotsiologicheskii analiz* [Problems of Global Terrorism in the Discourse of the Media: Sociological Analysis]. Sociology Cand. Diss. Nizhny Novgorod.
9. Katrich, L.V. (2009) *Pluralizatsiya form terrorizma v sovremennom mire: sotsiologicheskie podkhody* [The Pluralization of Forms of Terrorism in the Modern World: Sociological Approaches]. Sociology Cand. Diss. Moscow: Moscow State Institute of International Relations.
10. Gurba, V.N. (2011) *Terrorizm v regionakh adatnykh kul'tur: na primere Severo-Kavkazskogo regiona* [Terrorism in the regions of adat cultures: a case study of the North Caucasus region]. Sociology Dr. Diss. Novocherkassk.
11. Solomin, D.A. (2004) *Protivodeystvie terrorizmu v informatsionnoy sfere* [Counteraction to terrorism in the information sphere]. Political Studies Cand. Diss. Moscow.
12. Shamov, M.I. (2007) *Gosudarstvennaya strategiya i politicheskie tekhnologii pre-duprezhdeniya informatsionnogo terrorizma v sovremennom rossiyskom obshchestve* [State strategy and political technologies for the prevention of information terrorism in modern Russian society]. Political Studies Cand. Diss. Nizhny Novgorod.
13. Zapechnikov, S.V., Miloslavskaya, N.G., Tolstoy, A.I. & Ushakov, D.V. (2006) *Informatsionnaya bezopasnost' otkrytykh system* [Information Security of Open Systems]. Vol. 1. Moscow: Telekom. pp. 44–48.
14. President of the Russian Federation. (2009) *Kontseptsiya protivodeystviya terrorizmu v Rossiyskoy Federatsii* (utv. Prezidentom Rossiyskoy Federatsii 5 oktyabrya 2009 g.) [The concept of countering terrorism in the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation on October 5, 2009)]. *Rossiyskaya gazeta*. 20th October.

УДК 342.737.4

DOI: 10.17223/22253513/25/11

С.Н. Попов

ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ЖИЛИЩЕ ЛИЦ, ОСТАВИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ: НА ПРИМЕРЕ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Статья посвящена конституционному праву на жилище детей-сирот. Рассмотрена система правового регулирования конституционного права на жилище детей-сирот на примере Тюменской области. Определена проблема отсутствия четкого разграничения полномочий Российской Федерации и субъектов Российской Федерации по обеспечению жильем детей-сирот и установлено, что снижение бюджетной составляющей субъекта Российской Федерации приводит к уменьшению финансирования из областного бюджета на обеспечение жильем детей-сирот.

Ключевые слова: дети-сироты, дети, лишенные родительской опеки, конституционное право на жилище, обеспечение жильем детей-сирот в Тюменской области.

Рассматривать вопрос о детях-сиротах и лиц, которые остались без родительского попечительства, всегда довольно сложно, поскольку судьба этих людей дала им такие тяжелые испытания, как правило, с рождения. Для того чтобы защитить данную категорию населения, необходима система законодательных мер, которая могла бы максимально облегчить долю ребенка, оставшегося без родительского попечения.

Одним из основных элементов защиты является предоставление жилья [1. С. 220]. Актуальность данного вопроса не снижается уже много лет. Ориентация на демократические принципы предусматривает максимальную заботу государства о его жителях. При этом в первую очередь такая помощь должна быть направлена на тех, кто нуждается в ней. Обеспечение ребенка жильем – одна из передовых задач современного общества.

Начиная с 2011 г. более чем в 5,6 раза по сравнению с 2010 г. и более чем в 12 раз по сравнению с 2007 г. увеличился объем средств федерального бюджета, ежегодно предоставляемых в виде субсидий бюджетам субъектов Российской Федерации на обеспечение жильем детей-сирот (2007 г. – 0,5 млрд руб., 2010 г. – 1 105,38 млрд руб., 2011–2014 гг. – 6 222,9 млрд руб.) [2. С. 59].

Несмотря на ряд позитивных тенденций, которые стали заметны благодаря комплексу мер высших органов государственной власти, направленных на решение жилищных проблем детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, ситуация с обеспечением жильем указанной категории продолжает оставаться крайне сложной, о чем свидетельствуют статистические данные.

Общее количество детей-сирот в возрасте до 18 лет, имеющих право на получение мер социальной поддержки за счет средств бюджета субъектов Российской Федерации с 2011 по 2014 г., увеличилось с 297 до 343 тыс.

По Уральскому федеральному округу за указанный период времени количество детей-сирот, наоборот, сократилось на 5 тыс. человек (с 46 до 41 тыс.). В Тюменской области (вместе с Ханты-Мансийским автономным округом – Югрой и Ямало-Ненецким автономным округом) также наблюдается положительная тенденция по сокращению количества нуждающихся данной категории лиц на 3 тыс. (с 16 до 13 тыс.) [3].

В соответствии со ст. 40 Основного закона нашего государства каждый имеет право на жилище. Малоимущим, иным указанным в законе гражданам, нуждающимся в жилище, оно предоставляется бесплатно или за доступную плату из государственных, муниципальных и других жилищных фондов в соответствии с установленными законом нормами [4].

Как видим, закон, который имеет наивысшую юридическую силу, направлен на защиту жилищных прав граждан. Конституция Российской Федерации является базисом, в котором закреплён основной принцип обеспечения жильём социально незащищённых слоёв населения. При этом вопрос о положении статуса детей-сирот и их права на жильё расширяется рядом региональных нормативно-правовых актов.

До 2013 г. жильё детям-сиротам и детям, оставшимся без родительского попечения, предоставлялось вне очереди. Но такое положение вещей довольно часто становилось проблемным, и его результатом был отказ государственных органов в использовании такой возможности. Уполномоченные лица ссылались на то, что предоставление жилища имеет определённую последовательность в соответствии со специальными реестрами нуждающихся в улучшении условий проживания.

С 2013 г. было принято решение о внесении определенных изменений. Так, жильё данной категории теперь предоставляется на основе договора найма специализированного жилого помещения. Такое изменение в определённой форме снизило конфликтность ситуации.

Рассмотрим существующий порядок обеспечения конституционного права на жилище на примере Тюменской области. В данном субъекте Российской Федерации вопросами составления списка нуждающихся детей занимается департамент социального развития Тюменской области.

В Тюменской области существует ряд нормативно-правовых актов, посвящённых вопросам обеспечения детей-сирот. Одним из центральных является Закон Тюменской области от 28.12.2004 № 331 «О социальной поддержке отдельных категорий граждан в Тюменской области» [5]. Однако в нём не рассматривается вопрос об обеспечении жильём, а указываются особенности финансовой поддержки.

Региональным актом, закрепляющим положение о предоставлении жилья, является Закон Тюменской области от 07.10.1999 № 137 «О порядке учёта граждан, нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых им по договорам социального найма, и предоставления жилых помещений в Тюменской области» [6]. Он повторяет положения федерального законодательства в данной области, устанавливает органы, которые занимаются вопросом ведения реестра, и порядок предоставления жилища.

До 2008 г. Тюменская область входила в пятерку регионов России, которые имели наивысший показатель среди предоставления жилья детям, ли-

шенным родительской опеки. После того как этот вопрос передан в местное финансирование, ситуация изменилась. Проблемой Тюменской области сегодня становится недостаточность финансирования. В 2015 г. поступления в бюджет были сокращены. Это вызвало опасения по отношению к финансовому вопросу предоставления жилья детям-сиротам. Суммы из бюджета, которые выделяются на предоставление жилья детям-сиротам в Тюменской области, сегодня значительно ниже, чем, к примеру, в соседних Челябинской и Свердловской областях, где для решения таких проблем выделяется по миллиарду рублей в год.

В 2014 г. для решения жилищного вопроса было выделено 492 млн руб. из областного бюджета [7], а в 2015 г. эта сумма сократилась до 287 млн [8]. По оценке специалистов, такой бюджет позволит приобрести более трехсот жилых помещений. Но для того количества нуждающихся, которые стоят в очереди, его недостаточно.

В настоящее время большинство субъектов Российской Федерации являются дотационными и нуждаются в дополнительных средствах для решения проблем обеспечения жильём социально незащищенных слоев населения.

Это связано с тем, что в Российской Федерации законодательно закреплён определенный порядок конституционного регулирования бюджетных отношений между Федерацией и ее субъектами.

Все полномочия по вопросам установления основных источников налогов, применяемых в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях, принадлежит Российской Федерации. Её субъекты и муниципальные образования реализуют ограниченную налоговую компетенцию по введению и определению регионального или местного налога на своей территории [9. С. 37]. Распределение расходных обязательств, в частности по обеспечению жильем детей-сирот, неразрывно связано с закрепленными за соответствующим уровнем публичной власти расходными полномочиями.

Федеральным законом от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [10] (далее – Федеральный закон № 184-ФЗ) установлен исчерпывающий перечень полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации по предметам совместного ведения, которые финансируются за счет собственных доходов субъектов Российской Федерации.

В частности, пп. 14.2 п. 2 ст. 26.3 Федерального закона № 184-ФЗ установлено полномочие по финансированию обеспечения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, жилыми помещениями.

Проблема заключается в том, что до сих пор не удается в вопросах совместного ведения Федерации и ее субъектов надлежащим образом осуществить полноценное распределение полномочий по обеспечению жильем социально незащищенных слоев населения. Формулировки, содержащиеся в законодательстве, в частности в названном перечне, не позволяют однозначно определить надлежащего обладателя полномочий по обеспечению жильем социально незащищенных слоев населения.

В ст. 40 Конституции Российской Федерации установлено право на жилище малоимущих и иных указанных в законе граждан. Поскольку Конституция Российской Федерации является Основным законом Российской Федерации, то обеспечение по реализации указанного права должно принадлежать государству.

Не случайно в 2013 г. в ст. 26.3-1 Федерального закона № 184-ФЗ внесено изменение, согласно которому органы государственной власти получают право устанавливать за счет средств регионального бюджета дополнительные меры социальной поддержки и социальной помощи для отдельных категорий граждан вне зависимости от наличия в федеральных законах положений, регулирующих указанное право. Финансирование таких полномочий является правом, а не обязанностью субъекта Российской Федерации, не влечет выделения дополнительных средств из федерального бюджета и ограничивается собственными финансовыми возможностями [11].

Подводя итоги нашего исследования, необходимо указать, что право на жилище является неотъемлемым правом человека. При этом, учитывая положения Конституции Российской Федерации (ч. 3 ст. 40), полномочия по обеспечению жильем детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, должны относиться к Российской Федерации.

Возможность возложения данной обязанности на субъект Российской Федерации обуславливает две проблемы. Первая проблема заключается в том, что в настоящее время отсутствует четкое разграничение полномочий Российской Федерации и субъектов Российской Федерации по обеспечению жильем социально незащищенных слоев населения.

Второй проблемой является резкое снижение бюджетной составляющей субъекта Российской Федерации, в результате чего возникает недостаточность финансирования из областного бюджета на обеспечение жильем детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Та сумма, которая предусмотрена для решения вопроса обеспечением жильем, не сможет решить проблему полностью. Согласно положениям Федерального закона № 184-ФЗ финансирование таких полномочий является правом, а не обязанностью субъекта Российской Федерации и ограничивается собственными финансовыми возможностями. И соответственно вопросы, связанные с финансированием обеспечения жильем детей-сирот, должны принадлежать Российской Федерации.

Литература

1. *Всеобщая декларация прав человека*. Принята 10 дек. 1948 г. Резолюцией 217А Генеральной Ассамблеи ООН // Действующее международное право: в 2 т. Т. 2 / сост. Ю.М. Колов, Э.С. Кривчикова. М.: Междунар. отношения, 2007. С. 218–223.
2. *Аналитический вестник Совета Федерации РФ*. (2013) № 3 (487): Соблюдение и защита прав, свобод и законных интересов ребенка: «Россия без сирот» [Электронный ресурс] // Бюджетная система РФ. URL: http://www.budgetrf.ru/Publication№s/MagaziNees/Vest№ikSF/2013/3_487/VSF_№EW_3_487.pdf (дата обращения: 25.11.2015).
3. *Семья, материнство и детство*. П. 4.5: Численность детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в возрасте до 18 лет, имеющих право на получение мер социальной поддержки за счет средств бюджета субъекта РФ) [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/co№№lect/rosstat_mai№/rosstat/ru/statistics/populatio№/motherhood/# (дата обращения: 25.11.2015).

4. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993: по сост. на 21.07.2014 // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

5. О социальной поддержке отдельных категорий граждан в Тюменской области: Закон Тюменской области от 28.12.2004 № 331: по сост. на 07.05.2015 // Вестник Тюменской областной думы. 2004. № 15, ч. 1.

6. О порядке учета граждан, нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых им по договорам социального найма, и предоставления жилых помещений в Тюменской области: Закон Тюменской области от 07.10.1999 № 137: по сост. на 13.10.2015 // Вестник Тюменской областной думы. 1999. № 9.

7. Об областном бюджете на 2014 год и на плановый период 2015 и 2016 годов: Закон Тюменской области от 01.11.2013 № 87: по сост. на 18.12.2014 // Вестник Тюменской областной думы. 2013. № 9.

8. Об областном бюджете на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов: Закон Тюменской области от 02.12.2014 № 115: по сост. на 29.09.2015 // Вестник Тюменской областной думы. 2014. № 12.

9. Шевелева Н.А. Бюджетное выравнивание в России как способ гармонизации межбюджетных отношений (2000–2015) // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 2. С. 32–44.

10. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ: по сост. на 03.11.2015 // Собрание законодательства РФ. 1999. № 42. Ст. 5005.

11. О внесении изменений в статьи 26.3 и 26.3-1 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»: Федеральный закон от 21.12.2013 № 371-ФЗ: по сост. на 01.01.2014 // Собрание законодательства РФ. 2013. № 51. Ст. 6691.

Popov Sergey N. Tyumen state University (Tyumen, Russian Federation)

PRACTICE OF REALIZATION OF THE CONSTITUTIONAL RIGHT TO HOUSING OF PERSONS WITHOUT PARENTAL SUPPORT: ON THE EXAMPLE OF THE TYUMEN REGION

Keywords: orphan children; the children deprived of parental guardianship; constitutional right to housing; provision of housing for orphan children in the Tyumen region.

One of the basic elements of protection of orphan children and persons without parental guardianship is provision of housing. The topicality of the matter is not decreasing during many years. With regard to the above, such protection has to be directed to those who need it. To provide the child with a roof over his head is one of the foremost tasks of modern society.

Since 2011, the volume of funds of the federal budget, which are annually granted in the form of subsidies to the budgets of subjects of the Russian Federation for providing housing for orphan children, increased.

Despite a number of positive tendencies which became noticeable thanks to a package of measures of the supreme bodies of government directed to the solution of housing problems of orphan children the situation with provision of housing for the specified category continues to remain extremely complicated. This can be proved by the statistical data given in the article.

According to Article 40 of the Constitution of the Russian Federation, everyone has the right to housing. Housing is provided to the poor and other needy citizens either free of charge or for an available payment from the state, municipal and other housing stocks according to the norms established by law.

The law having the highest juridical force is aimed at the protection of housing rights of citizens. At the same time, regional laws and regulations develop the question of the status of orphan children and their right to housing.

The article examines several statutory instruments of the Tyumen region. For example, the Law of the Tyumen region of 28.12.2004 No. 331 "About social support of separate categories of citizens in the Tyumen region" (the law regulates some special aspects of financial support of separate categories of citizens), etc. and deals with a certain order of the constitutional regulation of budgetary relations between the Russian Federation and its subjects.

The article brings up an issue that it is still impossible to distribute powers holders between the Federation and its subjects in the sphere of providing housing for socially unprotected groups of population duly.

The author comes to some conclusions. Firstly, there is lack of accurate separation of powers between the Russian Federation and the subjects of the Russian Federation in provision of housing for orphan children. Secondly, the decrease of the budget for subjects of the Russian Federation results in reduction of financing of housing for orphan children from regional budgets.

References

1. Kolosov, Yu.M. & Krivchikova, E.S. (eds) (2007) *Deystvuyushchee mezhdunarodnoe pravo: v 2 t.* [Current International Law: In 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Mezhdunar. Otnosheniya. pp. 218–223.
2. Budgetrf.ru (2013) Soblyudenie i zashchita prav, svobod i zakonnykh interesov rebenka: "Rossiya bez sirot" [Protection of the rights, freedoms and legitimate interests of the child: "Russia without orphans"]. *Analiticheskiy vestnik Soveta Federatsii RF*. 3(487). [Online] Available from: http://council.gov.ru/activity/analytics/analytical_bulletins/25942/. (Accessed: 25th November 2015).
3. Federal State Statistics Service. (n.d.) *Sem'ya, materinstvo i detstvo. P. 4.5: Chislennost' detey-sirot i detey, ostavshikhся bez popecheniya roditel'ey, v vozraste do 18 let, imeyushchikh pravo na polucheniye mer sotsial'noy podderzhki za schet sredstv byudzheta sub'yekta RF* [Family, motherhood and childhood. P. 4.5: The number of orphans and children left without parental care, under the age of 18 years, eligible for social support measures from the budget of the subject of the Russian Federation)]. [Online] Available from: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_mai/rosstat/ru/statistics/population/motherhood/#. (Accessed: 25th November 2015).
4. Russian Federation. (2014) *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii. Prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993: po sost. na 21.07.2014* [The Constitution of the Russian Federation. Adopted by popular vote on December 12, 1993: as of July 21, 2014]. *Legislative Bulletin of the Russian Federation*. 31. Art. 4398.
5. Tyumen Regional Duma. (2015a) O sotsial'noy podderzhke otdel'nykh kategoriy grazhdan v Tyumenskoy oblasti: Zakon Tyumenskoy oblasti ot 28.12.2004 № 331: po sost. na 07.05.2015 [On the social support of certain categories of citizens in Tyumen Region: Law № 331 of Tyumen Region dated by December 28, 2004: as of July 5, 2015]. *Vestnik Tyumenskoy oblastnoy dумы*. 15(1).
6. Tyumen Regional Duma. (1999) O poryadke ucheta grazhdan, nuzhdayushchikhся v zhilykh pomeshcheniyakh, predostavlyayemykh im po dogovoram sotsial'nogo nayma, i predostavleniya zhilykh pomeshcheniy v Tyumenskoy oblasti: Zakon Tyumenskoy oblasti ot 07.10.1999 № 137: po sost. na 13.10.2015 [On the procedure for registering citizens in need of accommodation provided to them under social employment contracts and the provision of housing in Tyumen Region: Law No. 137 of Tyumen Region of October 7, 1999: as of October 13, 2015]. *Vestnik Tyumenskoy oblastnoy dумы*. 9.
7. Tyumen Regional Duma. (2013) Ob oblastnom byudzhete na 2014 godi na planovyy period 2015 i 2016 godov: Zakon Tyumenskoy oblasti ot 01.11.2013 № 87: po sost. na 18.12.2014 [About the regional budget for 2014 for the planning period of 2015 and 2016: Law № 87 of Tyumen region dated by November 1, 2013: as of December 18, 2014]. *Vestnik Tyumenskoy oblastnoy dумы*. 9.
8. Tyumen Regional Duma. (2014) Ob oblastnom byudzhete na 2015 god i na planovyy period 2016 i 2017 godov: Zakon Tyumenskoy oblasti ot 02.12.2014 № 115: po sost. na 29.09.2015 [On the regional budget for 2015 and for the planning period 2016 and 2017: Law No. 115 of Tyumen region dated December 2, 2014: as of September 29, 2015]. *Vestnik Tyumenskoy oblastnoy dумы*. 12.
9. Sheveleva, N.A. (2015) Budget system in Russia: fiscal equalization as a way of harmonizing inter-budgetary relations (2000–2015). *Sravnitel'noye konstitutsionnoye obozreniye – Comparative Constitutional Review*. 2. pp. 32–44. (In Russian).
10. Russian Federation. (1999) On the general principles of the organization of legislative (representative) and executive bodies of state power of the subjects of the Russian Federation: Federal Law No. 184-FZ of October 6, 1999: as of November 3, 2015. *Legislative Bulletin of the Russian Federation*. 42. Art. 5005. (In Russian).
11. Russian Federation. (2013) On amending Articles 26.3 and 26.3-1 of the Federal Law No. 371-FZ, On general principles for the organization of legislative (representative) and executive bodies of state power in the subjects of the Russian Federation. Federal Law of December 21, 2013: as of January 1, 2014. *Legislative Bulletin of the Russian Federation*. 51. Art. 6691. (In Russian).

УДК 343.1

DOI: 10.17223/22253513/25/12

В.В. Рудич

РЕАЛИЗАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО СТАНДАРТА ОБОСНОВАННОСТИ ПОДОЗРЕНИЯ ПРИ ИЗБРАНИИ СУДОМ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ

Анализируются правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации и Конституционного Суда Российской Федерации относительно международно-правового стандарта обоснованности подозрения, который суды обязаны учитывать при принятии решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или продлении срока действия таковой. Автор исследует имеющиеся подходы, содержащиеся в отечественной доктрине уголовно-процессуального права применительно к соотношению понятий «обоснованность обвинения» и «обоснованность подозрения», «разумность подозрения». На основе анализа результатов изучения судебной практики формулируются различные уровни доказанности и убедительности фактов, подтверждающих обоснованность подозрения или процессуальных решений. Ключевые слова: уголовный процесс, меры пресечения, заключение под стражу, стандарт обоснованности подозрения, обвиняемый, подозреваемый, суд, судья.

В науке уголовно-процессуального права традиционно существовали представления относительно реализации международно-правового стандарта обоснованности подозрения, при наличии которого возможно избрание судом меры пресечения в виде заключения под стражу. Некоторые авторы относили к одной из групп оснований применения мер пресечения доказательств, подтверждающие совершение преступления [1. С. 25; 2. С. 300; 3. С. 138].

В настоящее время подобные представления уже недостаточны для объяснения явлений, существующих в российской правовой действительности. Подтверждением этому стало принятие постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 мая 2016 г. № 23 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» [4]. Данным документом был обновлен правовой стандарт обоснованности подозрения, который суды обязаны учитывать при принятии решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или продлении срока действия таковой.

В прежней формулировке п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» «обоснованность подозрения» предполагала наличие *достаточных* данных о том, что лицо *могло* совершить преступление (об имевшем место событии преступления и о причастности к нему подозреваемого). Пленум при этом разъяснял, что обязанность проверять обоснованность подозрения в *причастности* лица к совершенному преступлению лежит непосредственно на самом суде при рассмотрении ходатайства о мере пресечения.

В новой редакции п. 2 отмечается, что данная мера пресечения допускается только после проверки судом обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению (лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения; потерпевший или очевидцы указали на данное лицо как на совершившее преступление; на данном лице или его одежде, при нем или в его жилище обнаружены явные следы преступления и т.п.). При этом Пленум указал, что при рассмотрении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу судья обязан проверить, содержит ли ходатайство и приобщенные к нему материалы, конкретные сведения, указывающие на причастность к совершенному преступлению именно этого лица, и дать этим сведениям оценку в своем решении. Если этого не было сделано, то данное обстоятельство следует расценивать как существенное нарушение уголовно-процессуального закона (ч. 4 ст. 7 УПК РФ), влекущего отмену постановления об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. В ходе проверки обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению суд не вправе входить в обсуждение вопроса о виновности лица.

Следует отметить, что в принципиальном плане позиция Пленума Верховного Суда РФ не изменилась и весь смысл его разъяснений сводится к тому, чтобы ориентировать суды на более критическую оценку материалов, подтверждающих выводы органов предварительного расследования. Конечной же целью является смягчение политики уголовно-процессуального принуждения, снижение случаев избрания меры пресечения в виде заключения под стражу.

Говоря о стандарте обоснованности подозрения как стандарте доказанности, мы затрагиваем вопрос о достаточно интересном явлении, а именно: о степени вероятности знания, на котором суд основывает свое решение, о природе средств доказывания стороной обвинения своего «правопритязания» [5. С. 75]. Без обоснованного подозрения невозможно уголовное преследование, выражающееся в мерах уголовно-процессуального принуждения. Как отмечал Л.Я. Таубер, для возбуждения уголовного преследования государственный орган должен *prima facie* убедиться в наличии достаточного к тому основания [6. С. 93].

Следует отметить, что отдельные ученые-процессуалисты не делают различия между понятиями «обоснованность обвинения» и «обоснованность подозрения». В частности, Ю.Д. Лившиц указывал, что к основаниям применения меры пресечения относится доказанность материалами уголовного дела факта совершения преступления [8. С. 27]. По мнению Н.И. Капинус, «достаточность является качественной характеристикой такой совокупности доказательств, которая вызывает... уверенность в том, что возможность совершения обвиняемым противоправных действий является реальной» [8. С. 58].

Само по себе решение органа уголовной юстиции о применении меры уголовно-процессуального принуждения не является нарушением презумпции невиновности, иначе деятельность судебно-следственных органов была бы невозможна. Как считают некоторые авторы, первым условием для избрания меры пресечения является оценка *обоснованности* в определенной сте-

пени обвинений [7. С. 271]. Однако на практике этому различию придается принципиальное значение: использование судом в тексте постановления формулировки «обоснованность обвинения» трактуется апелляционной инстанцией как вхождение в обсуждение вопроса о виновности и оценивается как существенное нарушение закона. В частности, апелляционная инстанция ссылается на п. 29 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41, в котором указано, что в постановлении о рассмотрении ходатайства в порядке ст. 108 УПК РФ суду следует дать оценку обоснованности подозрения в совершении лицом преступления, а также соблюдению порядка привлечения лица в качестве обвиняемого и предъявления ему обвинения, регламентированного гл. 23 УПК РФ [10]. Иными словами, в решении суда об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу не должно содержаться формулировок о виновности лица. Так что использование термина «обоснованность обвинения» в современном контексте признается ошибочным.

О стандарте обоснованности подозрения относительно ситуации избрания меры пресечения в виде заключения под стражу говорится и в ряде решений Конституционного Суда Российской Федерации [11]. В частности, в определении от 12 июля 2005 г. № 330-О высший орган конституционного правосудия указал на то, что подпункт «с» п. 1 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, допускающий законный арест или задержание лица, не предполагает необходимость получения следственными органами достаточных доказательств для предъявления обвинения как во время ареста, так и в период пребывания арестованного под стражей. Факты, обосновывающие подозрение при применении ареста, не обязательно должны обладать той же степенью убедительности, как и те, которые необходимы для предъявления обвинения – следующего этапа в процессе следствия по уголовному делу [12].

Некоторые ученые-процессуалисты под разумным подозрением понимают возможную причастность лица к преступлению. По их мнению, на момент разрешения вопроса об избрании меры пресечения вина подозреваемого (обвиняемого) еще не доказана. Поэтому достаточно *косвенных улик*, чтобы обосновать необходимость предварительного заключения под стражу подозреваемого (обвиняемого), в то время как их может быть недостаточно для того, чтобы вынести обвинительный приговор [Там же. С. 57]. Соответственно стандарт доказывания разумного подозрения для целей заключения под стражу значительно более низкий, чем стандарт доказывания в самом уголовном процессе [7. С. 271]. Это вполне соответствует ранее приведенной позиции Конституционного Суда РФ.

Таким образом, правомерно говорить о различных стандартах доказанности и степенях убедительности фактов, подтверждающих обоснованность подозрения или процессуальных решений, о которых советская школа уголовно-процессуальных доказательств еще не знала. По словам М.А. Никонова, если виновность лица в совершении преступления должна быть доказана «beyond reasonable doubt» (вне разумных сомнений), то обоснованность подозрения проверяется «здесь и сейчас», что не предопределяет дальнейших решений по делу. Это так называемые «prima facie evidence», т.е. «доказа-

тельства, убедительные на первый взгляд». Поэтому если суд при избрании или продлении меры пресечения в виде заключения под стражу счел, что обоснованность подозрения не установлена, это не препятствует продолжению расследования [13. С. 57–58]. Речь идет о подкреплении некой вменяемой подозреваемому в совершении преступления квалификации (пусть и предварительной) его действий некоторым количеством доказательств [14. С. 50–61].

Т.В. Хмельницкой предложены *три стандарта формирования доказательства в ходе досудебного производства по уголовному делу*. При этом именно доказательственный стандарт – высокая степень вероятности – будет являться наименьшим по своей значимости, отправной точкой шкалы доказательственных стандартов. Как пишет автор, второй предварительный цикл формирования доказательства связан с достижением стандарта для производства процессуальных (следственных) действий, ограничивающих конституционные права и свободы человека и гражданина, представляет собой такую совокупность фактических данных, которые убеждают судью в обоснованности подозрения конкретного лица в совершении преступления и необходимости получения новых данных, подтверждающих подозрения, посредством следственных действий, ограничивающих его конституционные права и свободы человека и гражданина, или применения к нему мер процессуального принуждения [14. С. 39, 59].

Итак, обязанность проверять обоснованность подозрения в причастности лица к совершенному преступлению лежит непосредственно на самом суде при рассмотрении ходатайства о мере пресечения. Обоснованное подозрение является существенным и необходимым признаком, без которого невозможно применение какой-либо меры пресечения, особенно заключения под стражу. Это своего рода фильтр, который позволяет избежать необоснованного заключения под стражу.

Обоснованность подозрения подтверждается любыми сведениями, на основе которых суд устанавливает наличие обстоятельств, имеющих значение для дела на данной стадии: заявлением потерпевшего, протоколом его допроса, протоколом допроса самого подозреваемого (обвиняемого), протоколом явки с повинной, протоколами допроса свидетелей и следственных действий, рапортами сотрудников полиции и др. Очевидно, что эти документы, равно как и сведения, сообщаемые суду в ходе судебного заседания, еще не есть доказательства вины обвиняемого и потому нуждаются в новой проверке и оценке судом в ходе судебного разбирательства в совокупности со всеми другими доказательствами.

К примеру, обоснованность подозрения в причастности лица к совершенному преступлению может следовать из копии заявления потерпевшего о привлечении конкретного подозреваемого (обвиняемого) к уголовной ответственности; из копии протокола допроса потерпевшего, где он указывает на подозреваемого (обвиняемого) как на лицо, совершившее преступление при конкретных обстоятельствах; из копии протокола обыска, в ходе которого в квартире подозреваемого (обвиняемого) было обнаружено и изъято имущество потерпевшего, и др. Таким образом, судье в постановлении об избрании меры пресечения, мотивируя обоснованность подозрения, необходимо ссы-

латься на конкретные документы, содержащиеся в материалах судебно-контрольного производства и исследованные судом в судебном заседании. Но при этом данным документам нельзя давать оценку как доказательствам по делу.

В качестве примера того, как на практике понимается стандарт обоснованности подозрения, можно привести следующее решение суда. Так, в постановлении судьи Орджоникидзевского районного суда г. Екатеринбурга от 20 мая 2015 г. указывается на то, что «данное ходатайство поддержано потерпевшим Е.А.Д., представителями потерпевшего М.С.В., К.С.В., Б.А.В., которые в судебном заседании также считали, что Е.С.Д. причастен к совершению преступления, и дополняли это имеющимися у них документами, что в данном случае не имеет юридического значения в том, что решение вопроса об избрании либо изменении меры пресечения суд не предпринимает вопроса о виновности либо невиновности в совершении конкретного преступления, в котором обвиняется Е.С.Д.» [15].

Очевидно, что для обоснования причастности подозреваемого (обвиняемого) к совершенному преступлению достаточно доказывания признаков объективной стороны преступления. Хотя, как отмечается в работах, посвященных анализируемой проблематике, сторона обвинения в некоторых случаях обязана доказывать признаки субъективной стороны преступления, которое инкриминируется подозреваемому (обвиняемому).

Изучение судебной практики показывает, что иногда суды, используя формулу запрета на обсуждение виновности лица, распространяют этот запрет и на исследование обоснованности подозрения. В частности, некоторые суды ограничиваются лишь формулировкой о том, что представленные материалы свидетельствуют об обоснованности выдвинутого подозрения, самоустранившись от надлежащей проверки обоснованности выдвинутого против лица подозрения. Отдельные судьи при разрешении ходатайств органов предварительного расследования об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении лиц, которым предъявлено обвинение, проверяют обоснованность не подозрения, а обвинения.

На практике сформировалась твердая позиция, согласно которой суду при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу как в отношении подозреваемого, так и в отношении обвиняемого необходимо проверять лишь обоснованность подозрения в совершении лицом инкриминируемого ему преступления. Проверять обоснованность обвинения суд на данной стадии уголовного судопроизводства не вправе, поскольку не должен предпринимать вопросы, которые впоследствии могут стать предметом судебного разбирательства по уголовному делу, в том числе и об обоснованности обвинения. Иное поставило бы под угрозу самостоятельность и независимость суда, рассматривающего уголовное дело по существу.

В заключение отметим, что тенденция правового развития такова, что возможно, в уголовном судопроизводстве будет введен институт следственного судьи, к полномочиям которого перейдет принятие решений об избрании мер пресечения в судебном порядке [16. С. 21–25]. Тогда многое из того, о чем было сказано нами выше, приобретет другое освещение ввиду того, что юрисдикции следственного судьи и суда, разрешающего дело по существу,

будут разведены. А самое главное – будет исключена возможность принятия одним и тем же судьей вначале решения об избрании меры пресечения при наличии «обоснованного подозрения», а потом вынесения приговора по этому же делу.

Литература

1. Михайлов В.А. Уголовно-процессуальные меры пресечения в судопроизводстве Российской Федерации. М., 1997.
2. Мельников В.Ю. Обеспечение прав граждан в ходе досудебного производства. М., 2006.
3. Трунов И.Л., Трунова Л.К. Меры пресечения в уголовном процессе. СПб., 2003.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.05.2016 № 23 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» // Российская газета. 2016. 1 июня.
5. Андреева О.И. Решение вопроса об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу: проблемы правоприменения // Журнал российского права. 2005. № 2.
6. Таубер Л.Я. Иск, обвинение и состязательное начало // Вестник гражданского права. 1917. № 2.
7. Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики) / колл. авторов; под ред. Т.Г. Морщаковой. М.: Мысль, 2012.
8. Лившиц Ю.Д. Меры пресечения в советском уголовном процессе. М., 1964.
9. Капинус Н.И. Процессуальные гарантии прав личности при применении мер пресечения в уголовном процессе. М., 2007.
10. Дело № 3/2-324/2016 // Архив Сыктывкарского городского суда Республики Коми. 2016.
11. Пункт 3.3 постановления Конституционного Суда РФ от 22 марта 2004(2005) № 5(4)-П // СЗ РФ. 2005. № 14. Ст. 1271.
12. Определение Конституционного Суда РФ от 12 июля 2005 г. № 330-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мошнина Игоря Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // <http://base.garant.ru/1354548/#ixzz4r89AeumA>.
13. Никонов М.А. Применение меры пресечения в виде заключения под стражу: правовые позиции ЕСПЧ и КС РФ // Уголовный процесс. 2014. № 4.
14. Хмельницкая Т.В. Проблемы формирования доказательств в ходе досудебного производства по уголовному делу: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2016.
15. Постановление судьи Орджоникидзевского районного суда г. Екатеринбурга от 20 мая 2015 г. об отказе в ходатайстве об изменении меры пресечения (подписи о невыезде на заключение под стражу) в отношении Е.С.Д. // Архив Орджоникидзевского районного суда г. Екатеринбурга. 2015.
16. Рудич В.В., Фетищева Л.М. Проекты новелл о следственном судье как субъекте, уполномоченном на применение существенных мер уголовно-процессуального принуждения // Российский следователь. 2015. № 17.

Rudich Valery V. Ural Institute of Economics, management and law (Ekaterinburg, Russian Federation)

IMPLEMENTATION OF THE INTERNATIONAL LEGAL STANDARD OF VALIDITY OF SUSPICION WHEN IMPOSING A MEASURE OF RESTRAINT IN THE FORM OF CUSTODY

Keywords: criminal trial, measures of restraint, detention, standard of validity of suspicion, defendant, suspect, court, judge.

The given article deals with the problems of implementation of the standard of validity of suspicion enabling the court to select a measure of restraint in the form of custody. Special attention is paid to the analysis of provisions of the Plenum resolution of the Supreme Court of the Russian Federation of May 24, 2016 No. 23 "About introduction of amendments to separate resolutions of the Plenum of

the Supreme Court of the Russian Federation in criminal cases". This document updated the legal standard of validity of suspicion which courts are obliged to consider when imposing a measure of restraint in the form of custody or extension of the validity period of it. The author compares this standard with previous wordings which are contained in Item 2 of the Plenum resolution of the Supreme Court of the Russian Federation of December 19, 2013 No. 41 "About practice of application by courts of the legislation on measures of restraint in the form of custody, house arrest and bail".

The conclusion is drawn that courts have to estimate more critically the materials confirming the findings of preliminary investigation bodies. An ultimate goal of change of the standard of validity of suspicion is mitigation of policy of criminal procedure coercion, decrease of cases of selection of a restraint measure in the form of custody.

It has been noted that a number of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation deal with the standard of validity of suspicion when imposing a measure of restraint in the form of custody. The author gives the example of the Constitutional Court of the Russian Federation Ruling of July 12, 2005 No. 330-O "About refusal to consider the complaint of Moshnin Igor Aleksandrovich about violation of his constitutional rights under Article 108 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation". It is lawful to speak about various standards of validity and degrees of persuasiveness of the facts that confirm the validity of suspicion or procedural judgments about which the Soviet school of criminal procedure evidence did not know. The court has the duty to check the validity of suspicion of the person's participation in the committed crime when considering the motion about a measure of restraint.

Having studied court practice, the author points out some features of implementation of the international legal standard of validity of suspicion when imposing a measure of restraint in the form of custody.

References

1. Mikhaylov, V.A. (1997) *Ugolovno-protsessual'nye mery presecheniya v sudoproizvodstve Rossiyskoy Federatsii* [Criminal Procedural Measures of Restraint in the Legal Proceedings of the Russian Federation]. Moscow: Academy of Ministry of Internal Affairs of Russia.
2. Melnikov, V.Yu. (2006) *Obespechenie prav grazhdan v khode dosudebnogo proizvodstva* [Ensuring the Rights of Citizens During Pre-Trial Proceedings]. Moscow: Yurisprudentsiya.
3. Trunov, I.L. & Trunova, L.K. (2003) *Mery presecheniya v ugolovnom protsesse* [Preventive Measures in Criminal Proceedings]. St. Petersburg.
4. Supreme Court of the Russian Federation. (2016) *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 24.05.2016 № 23 "O vnesenii izmeneniy v otdel'nye postanovleniya Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii po ugolovnym delam"* [Decree No. 23 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of May 24, 2016, On Amending Certain Decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation in Criminal Matters]. *Rossiyskaya gazeta*. 1st June.
5. Andreeva, O.I. (2005) *Reshenie voprosa ob izbranii v kachestve mery presecheniya zaklyucheniya pod strazhu: problemy pravoprimeneniya* [The decision of the issue on detention as a preventive measure: The problem of law enforcement]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 2.
6. Tauber, L.Ya. (1917) *Isk, obvinenie i sostyazatel'noe nachalo* [The lawsuit, the accusation and the adversarial principle]. *Vestnik grazhdanskogo prava*. 2.
7. Morshchakova, T.G. (2012) *Standarty spravedlivogo pravosudiya (mezhdunarodnye i natsional'nye praktiki)* [Standards of Fair Justice (International and National Practices)]. Moscow: Mysl'.
8. Livshits, Yu.D. (1964) *Mery presecheniya v sovetskom ugolovnom protsesse* [Preventive Measures in The Soviet Criminal Procedure]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
9. Kapinus, N.I. (2007) *Protsessual'nye garantii prav lichnosti pri primenenii mer presecheniya v ugolovnom protsesse* [Procedural Guarantees of the Rights of the Individual When Applying Measures of Restraint in Criminal Proceedings]. Moscow: Bukvoved.
10. Komi Republic. (2016) Case № 3/2-324/2016. *The Archive of the Syktyvkar City Court of the Komi Republic*.
11. Russian Federation. (2005) Paragraph 3.3 of Resolution No. 5 (4) -II of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 22, 2004 (2005). *Legislative Bulletin of the Russian Federation*. 14. Art. 1271. (In Russian).

12. Constitutional Court of the Russian Federation. (2005) *Decision No. 330-O of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 12, 2005, On refusal to accept the complaint of citizen Igor A. Moshnin for violation of his constitutional rights by Article 108 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation*. [Online] Available from: <http://base.garant.ru/1354548/#ixzz4r89AeumA>. (In Russian).

13. Nikonov, M.A. (2014) *Primenenie mery presecheniya v vide zaklyucheniya pod strazhu: pravovye pozitsii ESPCh i KS RF* [Application of detention: The legal positions of the ECHR and the RF Constitutional Court]. *Ugolovnyy protsess*. 4.

14. Khmel'nitskaya, T.V. (2016) *Problemy formirovaniya dokazatel'stv v khode dosudebnogo proizvodstva po ugovnomu delu* [Problems of the formation of evidence during pre-trial proceedings in a criminal case]. Law Cand. Diss. Nizhny Novgorod.

15. Ordzhonikidzevsky District Court of Ekaterinburg. (2015) Decision of the judge of the Ordzhonikidzevsky District Court of Ekaterinburg on May 20, 2015, on the refusal of an application for changing the measure of restraint (a written undertaking not to leave for detention) against Ye.S.D. *The Archive of Ordzhonikidzevsky District Court of Ekaterinburg*. (In Russian).

16. Rudich, V.V. & Fetishcheva, L.M. (2015) Draft innovations regarding the inquiry judge as a subject authorised to apply essential measures of criminal procedure compulsion. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 17. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНДРИЯНЧЕНКО Евгений Геннадьевич – кандидат психологических наук, доцент военной кафедры при МГТУ «Московский институт радиотехники, электроники и автоматики». E-mail: andryjanchenko-eg2010@mail.ru

БАРАНОВ Александр Михайлович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Омской академии МВД РФ (г. Омск). E-mail: baranowam@list.ru

БЕЛЮКОВА Татьяна Ивановна – аспирант кафедры криминологии и организации профилактики преступлений факультета подготовки научно-педагогических кадров Академии ФСИН России (г. Рязань). E-mail: tatyana.belyukova@mail.ru

ГАРМАЕВ Юрий Петрович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета (г. Краснодар). E-mail: garmaeff1@mail.ru

ГРИГОРЬЕВ Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры противодействия незаконному обороту наркотиков Международного межведомственного центра подготовки сотрудников оперативных подразделений им. генерал-лейтенанта милиции А.Н. Сергеева Федерального государственного казенного учреждения дополнительного профессионального образования «Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации» (г. Домодедово, Московская область). E-mail: grigorev.viktor@gmail.com

ГРУШИН Федор Владимирович – кандидат юридических наук, докторант Академии ФСИН России (г. Рязань). E-mail: fedor062@yandex.ru

ДЕРИШЕВ Юрий Владимирович – профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Омской юридической академии, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (г. Омск). E-mail: derishev.omsk@mail.ru

ЕМЕЛЬЯНОВ Дмитрий Валерьевич – кандидат юридических наук, судья Смоленского областного суда (г. Смоленск). E-mail: oblsud.sml@sudrf.ru

КОЗЫРЕВ Владимир Игоревич – аспирант ФГБОУ ВПО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского» (г. Омск). E-mail: nelisvel@mail.ru

МАЛЬЧУК Ольга Ивановна – доктор исторических наук, гл. научный сотрудник Федерального казенного учреждения «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний» (г. Москва). E-mail: molga.77@yandex.ru

МИЦ Денис Сергеевич – кандидат юридических наук, эксперт экспертно-консультативного совета при Совете Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности, эксперт Объединенной комиссии при Межпарламентской Ассамблее Содружества Независимых Государств по гармонизации законодательства в сфере безопасности и противодействия новым вызовам и угрозам (г. Москва). E-mail: a-83@bk.ru

ПОПОВ Сергей Николаевич – соискатель кафедры конституционного и муниципального права Института государства и права Тюменского государственного университета (г. Тюмень). E-mail: popovs72@gmail.com

РУДИЧ Валерий Владимирович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Уральского института экономики, управления и права (г. Екатеринбург). E-mail: ruvv66@bk.ru

ШИРИЖИК Вячеслав Михайлович – ст. преподаватель кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Тувинского государственного университета (г. Кызыл). E-mail: shirizhik-vm@yandex.ru

ЯКОВЛЕВА Оксана Николаевна – кандидат юридических наук, доцент, ученый секретарь федерального казенного учреждения «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний» (г. Москва). E-mail: yakoksana.1977@mail.ru

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вестник Томского государственного университета. Право» был выделен в самостоятельное периодическое издание из общенаучного журнала «Вестник Томского государственного университета» в 2011 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-45814 от 08.07.2011 г.), ему присвоен международный стандартный номер сериального издания (ISSN 2225–3513).

Журнал включен в «Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии. «Вестник ТГУ. Право» выходит ежеквартально и распространяется по подписке, его подписной индекс – 46014 в объединенном каталоге «Пресса России». Полнотекстовые версии вышедших номеров публикуются на сайте журнала: <http://vestnik.tsu.ru/law>.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе. С требованиями по оформлению материалов можно ознакомиться на сайте журнала: <http://vestnik.tsu.ru/law>.

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет (ТГУ), Юридический институт.

Телефон: 8 (382-2) 52-98-68, 8 (382-2) 78-35-81

Факс: 8 (382-2) 52-98-68

Ответственный секретарь редакции журнала – Н.Г. Геймбух.

Научный журнал
**ВЕСТНИК ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**
ПРАВО
2017. № 25

Редактор *В.Г. Лихачева*
Оригинал-макет *Г.П. Орловой*
Дизайн обложки *Яна Якобсона* (проект «Пресс-интеграл»,
факультет журналистики ТГУ)

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

Подписано в печать 11.10.2017 г. Формат 70х100 ¹/₁₆.

Печ. л. 7,8; усл. печ. л. 10,8; уч.-изд. л. 11,4.

Тираж 500 экз. Дата выхода в свет 17.10.2017 г. Заказ 2777. Цена свободная

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Журнал отпечатан на оборудовании Издательского Дома
Томского государственного университета,
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 53-15-28; 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail: rio.tsu@mail.ru